

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Научно-образовательный центр «Интеллигенция и интеллектуалы
в мировой и отечественной истории и политике»

Научно-образовательный центр
«Комплексные ноосферные исследования»

Ивановская городская дума

Государственный архив Ивановской области

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

Материалы XXXV Международной научно-теоретической конференции, приуроченной к 80-летию победоносного завершения Великой Отечественной войны

Иваново, 2—3 октября 2025 г.

Конференция проведена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025—03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России»

Иваново

Издательство «Ивановский государственный университет»

2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-28
И 73

Интеллигенция и интеллектуалы на защите Отечества : материалы XXXV Международной научно-теоретической конференции, приуроченной к 80-летию победоносного завершения Великой Отечественной войны, Иваново, 2—3 октября 2025 г. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2025. — 336 с.

ISBN 978-5-7807-1503-0

В сборнике публикуются материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященные вопросам защиты Отечества в самосознании и общественной практике интеллигенции, общим вопросам интеллигентоведения, реакции интеллигенции и интеллектуалов на вызовы современности, а также месту и роли личности в интеллигентоведческом дискурсе. В конференции приняли участие историки, философы, филологи, писатели и специалисты других отраслей знания из многих регионов России, из Черногории, Белоруссии и Узбекистана.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук **В. Л. Черноперов** (ответственный редактор)

доктор исторических наук **Г. А. Будник**

доктор исторических наук **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук **С. М. Усманов** (ответственный секретарь)

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук **Н. Г. Юркин**

Рецензенты:

М. В. Белов — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижегород)

Ю. А. Иванов — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, географии и экологии Шуйского филиала Ивановского государственного университета (Шуя)

*Ответственность за содержание и оформление материалов, достоверность
приводимых фактов несут авторы публикаций*

ISBN 978-5-7807-1503-0

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2025

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Ivanovo State University
Scientific and Educational Center
“Intelligentsia and Intellectuals in World and National History and Politics”
Scientific and educational center
“Complex noospheric research”
Ivanovo City Council
State Archive of the Ivanovo region

THE INTELLIGENTSIA AND INTELLECTUALS DEFENDING THE FATHERLAND

*Proceedings of the XXXV International Scientific and
Theoretical Conference dedicated to the 80th Anniver-
sary of the Victorious End of the Great Patriotic War*

Ivanovo, October 2—3, 2025

*The conference was held within the framework of the technical assignment for the
implementation of research work commissioned by Ivanovo State University
№ 2025—03 “Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world
and the future of Russia”*

Ivanovo
Publishing House “Ivanovo State University”
2025

Intelligentsia and intellectuals defending the fatherland : proceedings of the XXXV International scientific and theoretical conference dedicated to the 80th anniversary of the victorious end of the Great Patriotic War, Ivanovo, October 2025 2—3, 2025. — Ivanovo : Ivan. state University, 2025. — 336 p.

ISBN 978-5-7807-1503-0

The collection publishes proceedings of the International scientific and theoretical conference devoted to the issues of defending the Fatherland in the self-awareness and social practice of the intelligentsia, general issues of intelligentsia studies, the reaction of the intelligentsia and intellectuals to the challenges of modernity, as well as the place and role of the individual in the intelligentsia studies discourse. The conference was attended by historians, philosophers, philologists, writers and specialists in other fields of knowledge from many regions of Russia, from Montenegro, Belarus and Uzbekistan.

*Published by decision of the editorial and publishing council
Ivanovo State University*

Editorial Board:

V. L. Chernoperov, Doctor of Sc., History
(*Editor-in-Chief*)

G. A. Budnik, Doctor of Sc., History

V. V. Komissarov, Doctor of Sc., History

S. M. Usmanov, Doctor of Sc., History
(*Executive Secretary*)

A. K. Kalinin, Cand. of Sc., History

N. G. Yurkin, Cand. of Sc., History

Reviewers:

M. V. Belov — Doctor of Sc., History, Associate Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod)

Yu. A. Ivanov — Doctor of Sc., History, Professor, Professor of the Department of History, Geography and Ecology of the Shuya branch of the Ivanovo State University (Shuya)

The authors of the publications are responsible for the content and design of the papers, the reliability of the facts presented

ISBN 978-5-7807-1503-0

© Ivanovo State University, 2025

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 930.85"20"+323.3

В. Л. Черноперов

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ИВАНОВСКАЯ ШКОЛА ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ ПОСЛЕ В. С. МЕМЕТОВА

Настоящее сообщение — реакция на обзор интеллигентоведческой конференции в Ивановском государственном университете 2024 года, который в первом номере журнала «Интеллигенция и мир» за 2025 год опубликовали известные специалисты-интеллигентоведы А. К. Калинин и С. М. Усманов. Автор настоящей статьи 1) критически рассматривает позицию коллег; 2) вспоминает опыт исследовательской работы основателя ивановской школы интеллигентоведения В. С. Меметова; 3) опираясь на слова на епископа Шуйского и Тейковского Иоанна (Руденко), который принял участие в работе второго дня конференции 2024 года в Шуйском филиале ИВГУ, призывает к изучению не только интеллектуального и культурного пространства, но и духовного, к открытию окружающего мира через сердечное созерцание, к развитию взаимодействия с духовными лицами и изучению взаимосвязей интеллигенции с различными религиозными организациями.

Ключевые слова: В. С. Меметов, ивановская школа интеллигентоведения, конференция, А. К. Калинин, С. М. Усманов, обзор, епископ Шуйский и Тейковский Иоанн (Руденко), наследие, перспективы.

Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025—03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».

V. L. Chernoperoov

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

IVANOVSKAYA SCHOOL OF INTELLIGENT STUDIES AFTER V. S. MEMETOV

This message is a response to the review of the intellectual studies conference at Ivanovo State University in 2024, which was published in the first issue of the journal “Intelligentsia and the World” for 2025 by well-known intellectual studies experts A. K. Kalinin and S. M. Usmanov. The author of this article 1) critically examines the position of colleagues; 2) recalls the experience of research work of the founder of the Ivanovo School of Intelligent Studies V. S. Memetov; 3) based on the words of Bishop of Shuya and Teikovo John (Rudenko), who took part in the work of the second day of the 2024 conference in the Shuya branch of Ivanovo State University, calls for the study of not only the intellectual and cultural space, but also the spiritual, for the discovery of the surrounding world through heartfelt contemplation, for the development of interaction with clergy and the study of the relationships of the intelligentsia with various religious organizations.

Key words: V. S. Memetov, Ivanovo school of intellectual studies, conference, A. K. Kalinin, S. M. Usmanov, review, Bishop of Shuya and Teikovo John (Rudenko), heritage, prospects.

The article was prepared within the framework of the technical assignment for the implementation of research work commissioned by Ivanovo State University № 2025—03 “Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia”.

Повод для настоящего материала задал особый характер нашей прошлогодней конференции. Причем дело не столько в самой конференции, сколько в ее обзоре, написанном коллегами по НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике» и членами редколлегии журнала «Интеллигенция и мир» (далее — «ИиМ») А. К. Калининым и С. М. Усмановым (заместителем главного редактора) и напечатанном в первом номере «ИиМ» за 2025 г. [3]. Возможно, значительная часть присутствующих участников конференции и тех, кто просматривает данную статью, обзор коллег даже не читала. И это понятно. Обзоры научных конференций — далеко не самый популярный жанр научных публикаций. Но автору настоящего материала как главному редактору журнала «ИиМ» приходится читать все статьи, готовящиеся к публикации, нередко — не один раз. Прямо скажем, обзор А. К. Калинина и С. М. Усманова нас «зацепил», вызвав противоречивые чувства. Первоначально он показался даже слишком резким, прямолинейным и даже и неприятным. Но в редколлегии «ИиМ» давно устоялся принцип — все имеют право высказывать свое мнение и популяризировать свои оригинальные суждения не только в материалах раздела «Дискуссия». Напомню, в «ИиМ» публикуются и те, чью позицию может не разделять большинство членов редакционной коллегии. Главное, чтобы статья была оригинальна, научна, несла новое знание, а ее содержание не вступало в конфликт с законом.

Так что же «зацепило» автора этих строк в обзоре А. Калинина и С. Усманова? Все дело в том, что они довольно язвительно пишут о «комплексе интеллигента». И почти прямо дают понять: *изучать интеллигенцию надо не поинтеллигентски*. Прочитируем ключевые строки из их обзора конференции 2024 года: «...многие ораторы не всегда стремились подкреплять свои суждения строгими доказательствами, что компенсировалось увлеченностью, подчас повышенной эмоциональностью и зачастую — значительным нарушением регламента выступления» [3, с. 147]. Вот это последнее — значительное нарушение регламента — очень узнаваемо и впечат-

ляюще. О чем это? Это недвусмысленное указание Калинина и Усманова на то, что многим из нас не хватает дисциплины мысли, зато у нас постоянно немало сиюминутных впечатлений, ощущений, эмоций и суждений, с которыми мы и стремимся в первую очередь поделиться с окружающими. Пишущий эту статью, обдумав резкое замечание коллег, пришел к мнению, что с ним сложно не согласиться. Действительно, все мы (в том числе автор этих строк) грешим тем, что наиболее значимыми и дорогими считаем собственные оценки, впечатления или сиюминутные выводы, которые часто при их эмоционально-колоритной форме содержательно недостаточно проработаны, не вполне продуманы, не приведены в систему. И, в конечном счете, далеки от научности.

А кого же хвалят А. К. Калинин и С. М. Усманов в упомянутом обзоре в журнале «Интеллигенция и мир»? Больше всех — профессора Костромского государственного университета А. В. Зябликова [3, с. 174]. За что? За то, что его текст в сборнике материалов конференции по интеллигентоведению прошлого года — это полноценный отклик на разработки других исследователей [2], а не повторение только своего, любимого... В этой связи заметим, что Калинин и Усманов не вполне справедливы к участникам научного форума по интеллигентоведению в ИвГУ 2024 года. К наработкам предшественников помимо А. В. Зябликова в докладах на конференции обращались, например, исследователь из Перми В. А. Порозов [6], ученый из Челябинска И. В. Сибиряков [8] и независимый аналитик из Саратова Н. Н. Васильев [1]. И этот список можно продолжить. Здесь сделаем первый вывод из вышесказанного и из посыла обзора Калинина и Усманова: ***задача интеллигентоведов — не толочь воду в ступе, а идти вперед.***

Внимательный участник наших ежегодных конференций по проблемам интеллигенции и интеллектуалов в этом месте может вознегодовать: мы об этом уже слышали в докладе «Интеллигентоведение на новом рубеже», который автор настоящего материала прочитал и опубликовал еще в позапрошлом 2023 году [14]. И будет прав. Но эта правота не означает закры-

тие проблемы. Здесь уже мы вправе поставить вопрос: а многое ли изменилось в корпорации интеллигентоведов после того нашего доклада?

Мы допускаем, что далеко не все, сказанное в позапрошлом году, осталось в памяти, поэтому нам представляется полезным повторить три основных тезиса из нашего выступления 2023 года.

Первый тезис. *Прежние поколения ученых-интеллигентоведов, ушедшее в Вечность, многое сделало, и нам, корпорации исследователей, профессионально занимающихся историей интеллигенции и интеллектуалов, нужно осознать свою ответственность, чтобы продолжать дело предшественников.*

Второй тезис. *Продолжать дело предшественников не означает простого повторения их достижений,* оценок и суждений. Повторение должно быть творческим и нацелено только на одно – поиск нового: от новых тем или углубления знаний об известных событиях прошлого до пересмотра устоявшихся оценок и подходов. Иными словами: *повторять — это искать.*

Третий тезис. Для движения вперед, *для прорыва в интеллигентоведении* исследователям *необходимо слушать друг друга.* Вникать в работы коллег, откликаться на них на разных научных площадках, цитировать в авторитетных изданиях. Может, не всегда соглашаться, может спорить, но главное — обращать внимание на сделанное другими коллегами по интеллигентоведческой корпорации. Калинин и Усманов в своем обзоре констатируют, что с 2023 г. на этом направлении заметных успехов нет [3, с. 174]. Кстати, в прошлом году на круглом столе в Шуе о том, что интеллигентоведы не слушают друг друга, говорил и Н. Н. Васильев. Из сказанного напрашивается вывод о том, что в 2024 году ситуация оставалась такой же какой была к 2023 году. Более того, вряд ли изменится в перспективе. Во всяком случае, именно на этот пессимистический прогноз настраивают следующие слова из обзора А. К. Калинина и С. М. Усманова: «И что же показал в данном контексте опыт прошедшей [2024 г.] конференции? Несмотря на хороший от-

клик участников год назад [в 2023 г.] на эмоциональное выступление профессора В. Л. Чернопорова, материалы нынешней [2024 г.] конференции оптимизма не внушают» [3, с. 174]. Т. е. получается, мы как не слушали друг друга, так и не слышим, да и не очень-то собираемся слушать в будущем.

Мы сами далеки от подобного вывода и минорно-пессимистического настроения Калинина и Усманова. Мы более оптимистично смотрим на настоящее и в будущее. Все-таки нужно учитывать, что кардинальные изменения в таком большом и сложном деле как интеллигентоведение за короткий срок произойти просто не могли. Должно пройти больше времени. А первые позитивные сдвиги все-таки есть. Интеллигентоведы все чаще начинают слушать друг друга или, хотя бы, прислушиваться к коллегам. Примером может служить дискуссия на страницах журнала «ИиМ» и докладах на ивановской конференции прошлого года об интеллигенции и интеллектуалах [см., напр.: 5; 6; 7; 10]. Да и сам С. М. Усманов своими работами противоречит своему же пессимистическому взгляду на отсутствие отклика в корпорации интеллигентоведов на труды друг друга. Он самостоятельно и в соавторстве с коллегами (в том числе, с А. К. Калининым) постоянно оценивает, взвешивает и классифицирует исследования коллег [см., напр.: 9; 10; 11; 12; 15]. Последний пример — наша с ним совместная рецензия для публикации в одном из научных журналов на новую монографию профессора О. Ю. Олейника «Ренессанс интеллигентоведения: Интеллигенция как объект научных исследований в 1990-е гг.», которую выпустило московское издательство «Русайн» в 2025 году [4]. В настоящем обзоре мы не будем говорить об этой книге, отметим лишь, что она посвящена времени формирования в 90-е годы прошлого столетия интеллигентоведения как самостоятельной научной дисциплины. Периода, который мы с С. М. Усмановым называли «героическим».

Обращение к труду О. Ю. Олейника, а также обзор А. К. Калинина и С. М. Усманова дают новый повод для того, чтобы еще раз вспомнить некоторые важные наработки ивановской школы интеллигентоведения «эпохи Меметова». Посколь-

ку, по нашему убеждению, это может поспособствовать продвижению вперед в изучении интеллигенции и интеллектуалов.

Первое, на что следует обратить внимание при знакомстве с ивановской школой интеллигентоведения «эпохи Меметова» — это ***смелость в постановке вопросов и спокойное реагирование на скептицизм и даже определенную obstruction со стороны коллег***. Напомним, что за формирование интеллигентоведения как самостоятельной области научного знания в России 1990-х годов взялись, казалось бы, самые безнадежные из историков. То были в своей массе сотрудники бывших кафедр истории КПСС, которые имелись во всех вузах страны, и авторитет которых и ранее не особенно большой окончательно померк на волне всеобщей критики коммунистического прошлого в период горбачевской «Перестройки» и, особенно, после провала Августовского путча 1991 года и рождения современной России. В то время историками КПСС, что греха таить, многие коллеги по историческому цеху почти открыто гнушались. А Валерий Сергеевич Меметов был из когорты историков коммунистической партии и отчасти познал на себе это отношение коллег. Но это его не сломило и не ожесточило.

Схожая ситуация имела место и в других научных центрах, где на кафедрах истории КПСС работали люди, обладающие не только творческим потенциалом, но и волей и собственной научной позицией. Это были люди с сильным характером, или, как часто говорят, «люди со стержнем». В итоге в 1990-е гг. именно историки канувшей в Лету кафедры истории КПСС из Иванова (В. С. Меметов, С. С. Садина, В. Н. Майн), Санкт-Петербурга (В. С. Волков), Костромы (В. Р. Веселов), Екатеринбурга (В. Г. Чуфаров, М. Е. Главацкий, М. И. Кондрашева) и других мест встали у истоков становления интеллигентоведения и достигли на этом пути заметных результатов.

Второй урок, который мы можем извлечь из опыта В. С. Меметова — это необыкновенная ***увлеченность, самоотдача и концентрация всех сил на одном, главном деле***. Признаем, в этом он далеко превосходит нас. Во всяком случае, ав-

тора этих строк. Помнится, Валерий Сергеевич даже не ходил на другие конференции и встречи, если для его главного дела — интеллигентоведения — они не могли принести ощутимой пользы. Своей жизнью он практически показывал — если изучаешь интеллигенцию, то делай это добросовестно, не разбрасывайся, не распыляйся, вкладывай всего себя. Потому он и смог создать научный центр, научную школу, журнал.

Отдельная страница наследия В.С. Меметова — это его методы работы с людьми. Об этом мы можем судить на основании наблюдений за ученым и общения с ним на конференциях, разных собраниях, в рамках совместной работы по проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Минобрнауки РФ № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI века: виртуальность и реальность» в период с 2014 по 2016 гг., а также опираясь на впечатления его многочисленных учеников, с некоторыми из которых — А. А. Даниловым, А. Е. Рябинкиным, А. М. Семененко и И. С. Бельшевым — нас связывала и связывает многолетняя дружба.

В. С. Меметов очень по-разному относился к людям, с которыми взаимодействовал. Он их как бы разделял на две большие группы. Одна — это были подчиненные и сотрудники, другая — коллеги из других городов, других научных центров. К первым он был строг и требователен. Иногда это приводило к немалым трудностям во взаимоотношениях. Нам-то это хорошо известно. Что совсем не исключало его заботы, внимания и дружеских чувств ко многим ивановцам. Особенно ученикам, которые под руководством Валерия Сергеевича быстро проходили период становления и сами становились генераторами новых идей и форм работы [см., напр.: 13]. Ко вторым, иногородним, Меметов был очень щедр, ласков, участлив. Что и было многократно засвидетельствовано и при жизни мэтра, и посмертно. Собственный опыт руководства НОЦом ««Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике» и журналом «Интеллигенция и мир» убеждает автора этих строк, что

в главном (хотя были и исключения) такая линия поведения Валерия Сергеевича была весьма разумной и обоснованной. И *определенная жесткость к «своим» и куда большая мягкость к «иным»* были *нужны для пользы дела, для получения реальных результатов.*

И еще один аспект из опыта Валерия Сергеевича Меметова сегодня заслуживает внимания. Это — его необычайная *пытливость в том, что касается новых исследований интеллигенции и интеллектуалов.* Его внимание привлекали изыскания самого разного уровня — и российские, и зарубежные, и столичных авторов, и т. н. провинциалов, и труды маститых ученых, и еще нескладные опыты начинающих. Но, может быть, это было свидетельством его недостаточной креативности? Желанием позаимствовать нечто существенное у других? Ведь много же было совместных публикаций мэтра с разными, иногда и совсем не авторитетными соавторами. Думается, что так не стоит считать не только по соображениям этикета, но и по существу дела. Знакомство с трудами профессора Меметова убеждает — у него была очень *сильная научная интуиция*, которая, как показывает историография интеллигентоведения, мало когда его подводила. Но в поиске ответа на искомые вопросы он не раз делал весьма меткие, а подчас и едкие замечания своим коллегам и ученикам. Но, главное, ученый очень ясно осознавал необходимость настоящего, реального научного диалога с другими исследователями, что, подчеркнем, почти всегда предполагает критичность. Кстати, к этому многие интеллигентоведы (впрочем, и не только они) остаются неспособными, с большой горячностью и даже личной обидой воспринимают любые замечания.

В. С. Меметов был не только настоящим мастером диалога, но и очень умелым и успешным его организатором. Причем не только сугубо научных дискуссий, но и специалистом *создания неформальной дружеской и доверительной атмосферы* вне стен аудиторий, что сплачивало корпорацию *единомышленников.* Свидетельством служат многочисленные ностальги-

ческие воспоминания его коллег о поездках в Плес и о встречах с мэтром у него дома.

Наконец, стоит затронуть и еще одну проблему. В прошлом (2024) году впервые второй день нашей конференции проходил в Шуе, в Шуйском филиале ИвГУ. В этот день видное место в наших трудах занял епископ Шуйский и Тейковский Иоанн (Руденко), кандидат богословия, кандидат физико-математических наук, в прошлом — доцент одного из новосибирских учебных заведений. Он обратил внимание участников конференции на то немаловажное обстоятельство, что *для интеллигента должно быть значимо не только интеллектуальное и культурное пространство, но и духовное*, так как *необходимо открывать для себя окружающий мир и через сердечное созерцание* [3, с. 173]. Такого, кажется, напрямую никогда не говорил профессор Меметов. Но, скорее всего, он бы это поддержал в последние годы своей жизни и творчества. В конце концов, Валерий Сергеевич ведь был лично знаком с тогда еще игуменом Иоанном, а главное — очень охотно поддерживал общение с духовными лицами и изучение взаимосвязей интеллигенции с различными религиозными организациями. И, по нашему мнению, это — очень важный для нас урок, оставленный нам основателем ивановской научной школы интеллигентоведения. Остается надеяться, что и мы проявим должное усердие и стремление к такому научному, а в чем-то и *духовному, поиску*.

Резюме. Коллеги, давайте стремиться к тому, чтобы в корпорации интеллигентоведов шел постоянный полнокровный научный и критический диалог, имело место сотворчество, чтобы более активно поддерживался наш журнал «Интеллигенция и мир» и вовлекались в изыскания молодые исследователи. Кстати, на последнем направлении в 2024 — начале 2025 годов произошёл настоящий прорыв. В каждом номере журнала «Интеллигенция и мир» за прошедший год и в настоящее время раздел «Дебют», в котором начинающие авторы делают первые шаги в науке, был заполнен. За что особые слова благодарности их научным руководителям — авторитетным ученым Л. В. Климович

из Ульяновска, С. А. Красильникову из Новосибирска и А. А. Кузнецову из Москвы, В. А. Евсееву из Иваново. Надеемся на то, что данная динамика сохранится. И этот факт внушает определенный оптимизм за будущее интеллигентоведения как самостоятельной области научного знания.

Библиографический список

1. *Васильев Н. Н.* Деятельность интеллигенции и ее нравственность в университетских интерьерах // Интеллигенция и интеллектуалы в пространстве университетской традиции: материалы XXXIV Международ. науч.-теорет. конф., посвящ. 50-летию Ивановского государственного университета / отв. ред. В. Л. Черноперов. Иваново, 19—20 сент. 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 276—288.
2. *Зябликов А. В.* Кратологический дискурс в современном российском интеллигентоведении // Интеллигенция и интеллектуалы в пространстве университетской традиции: материалы XXXIV Международ. науч.-теорет. конф., посвящ. 50-летию Ивановского государственного университета / отв. ред. В. Л. Черноперов. Иваново, 19—20 сент. 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 39—49.
3. *Калинин А. К., Усманов С. М.* «Комплекс интеллигента» в контексте университетской традиции // Интеллигенция и мир. 2025. № 1. С. 169—176.
4. *Олейник О. Ю.* Ренессанс интеллигентоведения: Интеллигенция как объект научных исследований в 1990-е гг.: монография. М.: Ру-сайтс, 2025. 422 с.
5. *Порозов В. А.* Развитие понятия «интеллектуал» в отечественном интеллигентоведении // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 126—155.
6. *Порозов В. А.* Еще раз об интеллектуалах // Интеллигенция и интеллектуалы в пространстве университетской традиции: материалы XXXIV Международ. науч.-теорет. конф., посвящ. 50-летию Ивановского государственного университета / отв. ред. В. Л. Черноперов. Иваново, 19—20 сент. 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 265—270.

7. *Порозов В. А.* Термин «интеллигенция / интеллектуалы» в российском интеллигентоведческом контексте // *Интеллигенция и мир.* 2025. № 2. С. 112—148.
8. *Сибиряков И. В.* В объятиях виртуального Левиафана: роль интеллигенции в эпоху цифровой революции // *Интеллигенция и интеллектуалы в пространстве университетской традиции: материалы XXXIV Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 50-летию Ивановского государственного университета / отв. ред. В. Л. Черноперов.* Иваново, 19—20 сент. 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 271—276.
9. *Усманов С. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссионные проблемы и варианты научной интерпретации // *Вестник Костромского гос. ун-та.* 2016. Т. 22, № 6. С. 40—44.
10. *Усманов С. М.* Этнос интеллектуала: трудные вопросы, неясные ответы // *Интеллигенция и мир.* 2024. № 3. С. 123—155.
11. *Усманов С. М., Буданова И. А., Бабина А. А.* Университетский профессор в лабиринтах и тупиках современного мира // *Интеллигенция и мир.* 2025. № 1. С. 33—57.
12. *Усманов С. М., Калинин А. К.* Методологические проблемы изучения интеллигенции: между «антитеоретическим консенсусом» и «приближением к универсальности» // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского.* 2021. № 6. С. 58—64.
13. *Черноперов В. Л.* Круглый стол «Интеллигенция и интеллигентность в наше время» в редакции газеты «Прямая речь» 6 декабря 1994 года // *Интеллигенция и мир.* 2022. № 4. С. 125—156.
14. *Черноперов В. Л.* Российское интеллигентоведение на пути к новому рубежу // *Интеллигенция и интеллектуалы: дискуссионные вопросы изучения: материалы XXXIII Междунар. науч.-теорет. конф. / отв. ред. В. Л. Черноперов.* Иваново, 28—29 сент. 2023 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2023. С. 5—14.
15. *Черноперов В. Л., Усманов С. М.* Российское интеллигентоведение: специфика, основные научные школы, перспективы // *СибСкрипт.* 2023. Т. 25. № 6 (30). С. 776—793.

А. А. Воробьев

доцент, Белорусско-Российский университет (Могилев)

**ГЕНЕРАЛ А. А. БРУСИЛОВ
И ЕГО ВОЕННАЯ СЛУЖБА ОТЕЧЕСТВУ**

Публикация посвящена служению Отечеству одного из наиболее известных полководцев России начала XX века — генерала А. А. Брусилова. Автор сделал аргументированный вывод о том, что генерал Брусилов всегда был верен своему Отечеству, включая последние годы своей жизни, когда в России у власти уже были большевики. Генерал Брусилов, по мнению автора, является образцом исполнения своего воинского долга и одним из наиболее ярких представителей военной интеллигенции России всех времен.

Ключевые слова: военная служба, русская армия, воинский долг, Отечество.

A. A. Vorobyev

Associate Professor, Belarusian-Russian university (Mogilev)

**GENERAL A. A. BRUSILOV
AND HIS MILITARY SERVICE TO THE FATHERLAND**

The article is devoted to the service of general A. A. Brusilov to the Fatherland. He was one of the most famous commanders of Russia of the early twentieth century. The author made a reasoned conclusion that general Brusilov was always loyal to his Fatherland, including the last years of his life, when the Bolsheviks were already in power in Russia. General Brusilov, in the author's opinion, is a model of fulfillment of his military duty and one of the brightest representatives of the military intelligentsia of Russia of all times.

Key words: military service, Russian army, military duty, Fatherland.

До сегодняшнего дня история Первой мировой войны, несмотря на заметно усилившийся интерес к ней, остается еще малоизученной на постсоветском пространстве. Если сам ход боевых действий изучен уже относительно неплохо, то военачальникам русской армии периода Первой мировой войны уделяется куда меньше внимания. Это обусловлено не в последнюю очередь тем, что многие из них во время гражданской войны оказались на стороне «белых» и их прежние заслуги перед своей страной были перечеркнуты одним этим фактом. В этом отношении больше других относительно повезло А. А. Брусилову, так как еще в советские времена была опубликована книга его воспоминаний.

Вначале следует отметить, что будущий генерал Брусилов родился в дворянской семье с крепкими военными традициями, что не являлось в дореволюционные времена чем-то особенным, ибо очень многие российские дворяне с детства были настроены на военную службу своему Отечеству. Отец Алексея Алексеевича был генерал-лейтенантом русской армии и происходил из дворян Орловской губернии. Будущий полководец Первой мировой войны рано лишился родителей и воспитывался, как и его два младших брата, в семье тетки [1, с. 17]. В 1867 году, четырнадцатилетним мальчиком, он был отдан на учебу в Петербургский Пажеский корпус, а в 1872 году, после его окончания, был выпущен офицером в 15-й Тверской драгунский полк [1, с. 3].

Через пять лет после окончания корпуса началась русско-турецкая война 1877—1878 годов, в которой молодой поручик Брусилов принял самое непосредственное участие, поскольку передовой отряд русской кавалерии под его командованием одним из первых перешел тогдашнюю русско-турецкую границу и пленил турецкую пограничную заставу. Позднее Брусилов участвовал в боях против конных разведовательно-диверсионных отрядов турок (башибузуков) и осаде одной из сильнейших турецких крепостей на Кавказе — Карс. После окончания этой войны Брусилов был направлен для прохождения дальнейшей военной службы в офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге, где он сумел настолько хорошо себя зарекомендовать,

что впоследствии стал начальником этой школы. В кавалерийской школе Брусилов прослужил до 1906 года, когда был назначен командиром 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, а уже в 1908 году Брусилов стал командиром 14-го корпуса русской армии, штаб которого располагался в польском городе Люблине. Служба Брусилова на этой должности составила четыре года, а потом он был назначен на должность помощника командующего войсками Варшавского военного округа [1, с. 3].

Это уже была весьма высокая и ответственная должность по тому времени, ибо Варшавский военный округ был приграничным, а Германия уже к тому времени позиционировала себя самой главной страной с антироссийскими интересами. В этом отношении у Брусилова вызывало очень большое удивление то, что вся верхушка Варшавского генерал-губернаторства состояла из немцев, пусть и подданных Российской империи, но с ярко выраженными прогерманскими взглядами и настроениями. По словам самого Брусилова, везде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Корф, губернатор — ее родственник барон Корф, помощник генерал-губернатора — Эссен, начальник жандармов Утгоф, управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен, начальник дворцового управления Тиздель, обер-полицмейстер Мейер, президент города Миллер, прокурор палаты Гессе, управляющий контрольной платой фон Минцлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привислинской железной дороги Гескет и т.д. Букет на подбор! [1, с. 52—53].

Летом 1914 года Брусилов, как и многие российские дворяне, отдыхал на водах в Германии, в городе Киссинген (ныне в Германии этот город называется Бад-Киссинген и известен как курорт). В городе должен был проходить праздник, о чем сообщали афиши. Брусилов с женой решили посмотреть на праздничное представление и отправились в городской парк. Там были выстроены декорации, которые изображали московский Кремль. Грандиозный фейерверк начался с гимнов «Боже, царя храни» и «Коль славен». Затем масса искр и огней с треском,

напоминавшим пушечную пальбу, посыпалась со всех сторон на центральную площадь парка и подожгла все постройки и сооружения Кремля. Колокольни и кресты церквей накренились и валились наземь. Все горело под торжественные увертюры Чайковского «1812-й год». Русские были поражены и молчали в недоумении, но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда музыка сразу после падения последней стены над пеплом русских дворцов и церквей, под грохот фейерверка, загремела немецкий национальный гимн. «Так вот в чем дело! Вот чего им хочется! — воскликнула жена Брусилова. «Но чья возьмет?» — подумал сам Брусилов [1, с. 58].

Вскоре после событий в Киссингене последовало убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево и Брусилов с женой, не дожидаясь окончания курса лечения, уехали из Германии, тогда как подавляющее большинство русских осталось (о чем впоследствии горько пожалело, ибо началась Первая мировая война). В самом начале Первой мировой войны генерал Брусилов оказался на Юго-Западном фронте русской армии, который должен был вести боевые действия против австро-венгерской армии. Брусилов стал командующим 8-й армией фронта, а соседней, 3-й армией, командовал генерал Рузский, которого Брусилов характеризовал следующим образом: «Рузский был человеком умным, знающим, решительным и очень самолюбивым, ловким и старающимся выставлять свои деяния в возможно лучшем свете, иногда в ущерб своим соседям, пользуясь их успехами, которые ему предвзято приписывались» [1, с. 78].

Именно таким образом Рузский приписал себе взятие Львова, тогда как исключительно действия 8-й армии генерала Брусилова, продвинувшейся гораздо дальше 3-й армии, вынудили австрийцев очистить Львов, что и отметил в своих воспоминаниях Брусилов: «Доблестные войска генерала Рузского взяли Львов, а армия Брусилова взяла Галич» [1, с. 79]. Безусловно, Брусилову было крайне обидно от того, что плодами его усилий беззастенчиво пользовались другие, но он не предпринял попы-

ток восстановить истину, справедливо полагая, что рано или поздно, но действия и его самого и подчиненных ему войск будут оценены по достоинству.

Такой момент довольно скоро наступил, ибо в 1916 году, после так называемого «великого отступления» русской армии в 1915 году, русские войска довольно неожиданно перешли в наступление практически на всем протяжении Восточного фронта Первой мировой войны. Единственное, что очень сильно повлияло на итоги этого наступления, это отсутствие координации между разными частями русской армии, из-за чего наступление велось не одновременно всеми силами, а по очереди. Это, в свою очередь, позволяло противнику (как немцам, так и австрийцам) перебрасывать свои части с одного участка фронта на другой и быстрее ликвидировать угрозы со стороны русских войск.

Тем не менее, Юго-Западный фронт под командованием Брусилова, на который возлагался вспомогательный удар, а главный удар наносили Северный и Западный фронты, сумел, при значительно меньшем количестве боевых ресурсов нанести самый сильный удар по войскам противника, осуществив так называемый Луцкий прорыв. Это успешное наступление войск под командованием Брусилова уже никто не смог у него отнять, а сам прорыв впоследствии получил образное название «Брусиловского прорыва» по фамилии командующего Юго-Западным фронтом. За Луцкий прорыв был награжден российским почетным Георгиевским оружием (саблей) с бриллиантами и французским орденом Почетного легиона. Думается, что Брусилов мог бы быть еще награжден и итальянским орденом, так как успешное наступление войск Юго-Западного русского фронта не только привело едва ли не к катастрофе Австро-Венгрии, но и спасло французов и англичан под Верденом, а итальянцев — в битве на реке Изонцо.

После прихода к власти в России большевистской партии Брусилов, в отличие от большинства бывших царских генералов, не встал на путь борьбы против большевиков, а, в числе немногих старых военспецов (военных специалистов) пошел на службу в новую, Красную, армию. В 1920 году он обратился с

возвращением к офицерам старой русской армии помочь своему Отечеству в период польско-советской войны 1919—1920 годов. Авторитет Брусилова содействовал тому, что многие офицеры бывшей императорской армии вступили в ряды Красной армии и помогли Советской России разбить польских интервентов, как это сделали их предки в 1612 году. Генерал от кавалерии Брусилов до самой своей смерти в 1926 году занимал должность главного инспектора Красной армии по кавалерии.

В завершение мы можем сделать следующие выводы: 1. во время своей военной службы генерал Брусилов принес много пользы своему Отечеству; 2. он всегда был верен своей Родине и не бросил ее и после смены власти, не поддержав «белое движение», куда его активно агитировали старые сослуживцы; 3. своей беззаветной службой Отечеству генерал Брусилов продемонстрировал образец служения Родине военного интеллигента.

Библиография

1. *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963. 287 с.

УДК 93/94

Г. Х Мансурова

профессор, Ташкентский государственный экономический университет (Ташкент)

Ш. А. Намазова

доцент, филиал Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина в г. Ташкенте (Ташкент)

ВОИНЫ-УЗБЕКИСТАНЦЫ, СТАВШИЕ УЧЕНЫМИ

В статье рассказывается о боевом пути трех крупных ученых Узбекистана, которые мужественно сражались на полях Второй мировой войны против фашистских захватчиков — заслуженном деятеле

науки Республики Узбекистан, докторе юридических наук, профессоре Икrame Джалиловиче Джалилове, заслуженном деятеле народного образования, профессоре Джуме Намазовиче Намазове и заслуженном деятеле науки, профессоре Кучкаре Ханазаровиче Ханазарове.

Ключевые слова: Вторая мировая война, воин-ученый, Узбекистан, И. Д. Джалилов, Д. Н. Намазов, К. Х. Ханазаров, фронт, мужество, фронтовые друзья, интернационализм, любовь к Родине.

G. Kh. Mansurova

Professor, Tashkent State University of Economics (Tashkent)

Sh. A. Namazova

Associate Professor, Branch of the Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I. M. Gubkin in Tashkent (Tashkent)

UZBEKISTAN SOLDIERS WHO BECAME SCIENTISTS

The article tells about the military path of three major scientists of Uzbekistan who courageously fought on the fields of World War II against the fascist invaders — Honored Scientist of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor Ikram Dzhililovich Dzhililov, Honored Worker of Public Education, Professor Juma Namazovich Namazov and Honored Scientist, Professor Kuchkar Khanazarovich Khanazarov.

Key words: World War II, soldier-scientist, Uzbekistan, I. D. Jali-
lov, D. N. Namazov, K. Kh. Khanazarov, front, courage, front-line friends,
internationalism, love for the Motherland.

В истории всех народов и государств бывают выдающиеся события, которые навсегда сохраняются в памяти миллионов людей и становятся достоянием всемирной истории. Именно к таким событиям относится Вторая мировая война.

В нашей республике, как и в других бывших республиках СССР бережно хранят память об участниках Второй мировой войны. Представители всех народов, проживающих в Узбекистане, принимали активное участие в борьбе против фашистских захватчиков. Они мужественно сражались на фронте и в тылу. На этой страшной войне погибли тысячи наших соотечественников. Их подвиг был отмечен высокими званиями.

Отважные и смелые сыны Узбекистана шли в бой ради того, чтобы не пропустить фашистов на порог родины, защитить родных, друзей. В нашем краю не было ни одного дома, которого бы не коснулась война. Сколько солдат вернулись инвалидами, сколько женщин остались вдовами, а сколько солдат без вести пропали. Имена 400 тысяч, не вернувшихся с фронта, увековечены на золотых страницах в книге Памяти, состоящей из 33 томов на центральной площади столицы Узбекистана «Мустакиллик».

Среди участников этой кровавой войны были наши соотечественники, воины, которые стали учеными. О трех из них рассказывается в данной статье.

Икрам Джалилов

Славную страницу в историю битвы за Москву вписала 316-я стрелковая дивизия 16-й армии Западного фронта, в составе которой было много воинов-узбекистанцев. Командовал дивизией бывший военком Киргизии, генерал-майор И. В. Панфилов. Костяк командного состава дивизии составляли питомцы Ташкентского общевойскового училища им. В. И. Ленина.

В этой битве особенно ярко проявились беспримерный героизм и самоотверженность советских воинов, сражавшихся на подступах к Москве.

В рядах бесстрашно сражавшихся панфиловцев были и воины-узбекистанцы.

Заслуженный деятель науки Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор Икрам Джалилович Джалилов. Нам довелось общаться с этим скромным человеком в Ташкентском государственном юридическом институте. При беседе Икрам Джалилович и рассказывал о фактах своей биографии.

Самый первый бой взвод лейтенанта Джалилова принял уже в октябре 1941 года, когда дивизию перебросили на защиту Москвы.

Вдохновленные словами своего политрука В. Г. Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади — Москва!», 28 бойцов преградили путь 50 танкам врага и не дали им прорваться на Волоколамское шоссе.

После эшелона бойцы шли по Волоколамскому тракту. Шли ночами и всю дорогу их сопровождали вспышки ракет, красные пунктиры трассирующих, гул передовой. Наконец, дошли до передовой, а впереди, уже в предрассветной дымке виднелось страшное поле боя с серыми бугорками убитых солдат. И вот настал ответственный момент: свой взвод лейтенант Джалилов поднял в атаку первым. Взвод по команде пошел цепью, как на это было на ученьях. Фашисты не сразу открыли огонь, они подпустили противников метров на сто, сто пятьдесят, а потом началось...

Пулевой и минный обстрел, рвущиеся над головой снаряды — все это было страшно и ужасно, это казалось адом. Вот здесь и надо было сохранить самообладание. На какое-то время взвод залег. Зловеще затаились фашисты. Но и мешкать было нельзя, фашисты могли их расстрелять. Тут лейтенант Джалилов первым поднялся в атаку, за ним поднялись и другие, и начался рукопашный бой, полетели гранаты.

Далее особенно упорными были бои за высоту у кирпичного завода, который находился вблизи станции Крюково. В первые дни декабря 1941 года эти высоты несколько раз переходили из рук в руки. Именно в эти дни лейтенант И. Джалилов проявил в боях мужество и отвагу, подавая бойцам пример стойкости, и взвод удержал обороняющиеся позиции. Затем молодого Икрама Джалилова назначили командиром 5-й стрелковой роты второго батальона и наградили медалью «За отвагу».

После разгрома гитлеровцев под Москвой, командование перебросило Панфиловскую дивизию на Северо-западный фронт под Старую Руссу. Потом были рейды по тылам окруженного врага и бой под Старой Руссой. Здесь молодой командир был тяжело ранен, но не покидал поле боя, пока командир полка лично не приказал отправиться ему в медсанбат. Долго он лечился в госпиталях городов Владимира и Ижевска. Всего несколько месяцев он участвовал в боях. Он мечтал стать профессиональным военным, но из-за ранений, не смог осуществить свою мечту. Судьба не раз пыталась молодого парня, но настойчивый, целеустремленный характер бойца-панфиловца помог ему,

инвалиду с изуродованной рукой добиваться намеченных целей. Испытав немало лишений, он в солдатской гимнастерке сел за студенческую скамью Ташкентского государственного юридического института, и успешно закончил его в 1946 году. Затем работал районным, городским прокурором в Андижанской области, где применял свои бойцовские качества в борьбе с правонарушителями. Но жажда и страсть к науке берут верх, и он в 1961 году становится кандидатом, а в 1971 году — доктором юридических наук. Много лет он работал в Институте философии и права АН Узбекистана.

Самой высокой наградой Икрам Джалилович считал то звание, которое дал ему народ за мужество и отвагу, проявленные в битве под Москвой в 1941 году в составе 316-й стрелковой дивизии и гордится тем, что воевал в Панфиловской дивизии. «Я горжусь тем, то воевал в Панфиловской дивизии — рассказывал Икрам Джалилович, — это самая яркая страница в моей судьбе».

Икрам Джалилович был награжден: орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За трудовое отличие», «Ветеран труда» и т. д.

Икрам Джалилович ушел из жизни в 2003 году. Такие люди как Икрам Джалилович всегда будут примером мужества и отваги, примером высокой нравственности и человечности.

Джума Намазов

Джума Намазович Намазов родился в 1922 году в селении Ансап Кизилтепинского района (ныне Навоинская область).

Проработавшего год учителя в 1940 году призывают в армию и отправляют на фронт. Он стал бесстрашным бойцом, проявившим мужество и героизм, и прошел эту страшную войну от начала до конца.

Джума Намазов принимал активное участие в битвах под Москвой, а именно в битвах под Юхновым и Ильинском, был тяжело ранен.

Затем, в качестве политрука, он участвовал в сражениях в составе Западного, Юго-западного, Украинского и Прибалтийского фронтов, служил в рядах 267-й стрелковой дивизии имени

Суворова, 4-го Украинского фронта, Севастополя, воевал за освобождение Москвы, Донбасса, Смоленска, Брянска, Курляндии, в боях проходивших недалеко от Риги (село Прекуле).

За мужество и героизм, проявленные в боях Д. Намазов был дважды награжден орденом «Красной звезды», а также медалями «За мужество», «За отвагу» и рядом почетных грамот.

С марта 1945 года был отозван высшим военным руководством в главное политическое управление Красной Армии.

Джума Намазов прошел всю войну, а потом посвятил свою жизнь науке, Скромный, добродушный, и жизнелюбивый по характеру, видный ученый он был незаурядной личностью. Вернувшись после войны на Родину, он работал много лет на руководящих должностях. Он был очень целеустремленным и требовательным к себе человеком.

После войны, уже в 1950-е годы Джуму Намазова, как умелого организатора, стали назначать на руководящие должности. Он, как и многие люди того времени, испытал на себе все трудности того периода и преодолевал их благодаря своей воле и стойкости.

В 1961 г. Д. Намазова назначают ректором Бухарского государственного университета. Более 18 лет он проработал на этой должности и до последних дней пользовался большим авторитетом и уважением.

Скромный, добродушный и жизнелюбивый по характеру Джума Намазович был незаурядной личностью. Несмотря на свой уже преклонный возраст (80 лет), он продолжал работать, последние годы уже в качестве заведующего кафедрой, профессором.

У него было много учеников и последователей, под его руководством были защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций.

Гостеприимный дом Устоа в Бухаре знал каждый. Дети вспоминают, что приходили письма из Москвы, Ленинграда и других отдаленных городов России, подписанные «г. Бухара. Д. Намазову». Эти письма без особых сложностей доходили до адресата. Супруга Февзия-опа не уставала встречать гостей, среди которых были и земляки, и знакомые, и сослуживцы и

друзья. В доме Намазовых побывали и друзья—однополчане, и такие известные личности, как Константин Симонов и Расул Гамзатов. До сих пор бережно хранится кинжал, подаренный Расулом Гамзатовым своему другу Джуме Намазову.

Джума Намазов часто слушал песни военных лет. Особенно ему нравилась песня «Журавли», написанная на стихи друга Расула. Глаза его наполнялись грустью, на сердце становилось тяжело. Он не любил рассказывать про войну, вспоминала его супруга Февзия-опа, но и забыть её ужасов, он не мог, не мог забыть своих друзей—однополчан. Встречи в послевоенные годы, в честь Дня Победы в Москве, в Севастополе и в других городах дарила фронтовику незабываемые минуты общения с фронтовыми друзьями. Им было что вспомнить. И, действительно, это был праздник со слезами на глазах, когда вспоминали друзей, погибших в жестокой войне.

Она рассказывала о том, что даже когда он делал ей предложение, то откровенно признался: «Я человек, покалеченный войной, имею много ранений, контузий, неизвестно, сколько проживу, и, если, учитывая все это, ты согласна пойти за меня замуж, я постараюсь быть тебе хорошим мужем».

Молодой Джума Намазов был видным, высоким, симпатичным парнем, обладал хорошей эрудицией и ораторскими способностями, за что его назначили политруком. Он участвовал в сражениях в составе Западного, Юго-Западного, 4-го Украинского и Прибалтийского фронтов, служил в рядах 267-ой стрелковой дивизии имени Суворова.

Джума Намазов также воевал за освобождение Донбасса, Смоленска, Брянска, Курляндии, принимал участие в боях, проходивших недалеко от Риги (село Приекуле). Особенно страшными были бои, проходившие в селе Андреевка, к северу от Донецка, где Джума Намазов с 200 солдатами отбили плацдарм у немцев. В боях под Кёнигсбергом он получил тяжелое ранение, был контужен, какое-то время не говорил и не слышал. Полученные ранения и контузия, не остановили смелого бойца, не сломили его железную волю, и он не раз самоотверженно возвращался в строй.

За мужество и героизм, проявленные в боях, Д. Намазов был награжден семнадцатью медалями, орденами и рядом других почетных грамот.

С 1961 года и до последних дней жизни Джума Намазович был ректором, заведующим кафедрой экономики, профессором Бухарского государственного педагогического университета. За свою широкомасштабную деятельность Джума Намазович заслужил всенародную любовь и безмерное уважение. Под его руководством десятки людей защитили кандидатские и докторские диссертации. Его почтительно все называли Устоз. Он очень гордился этим. Ученый был удостоен звания «Отличник народного образования» и «Заслуженный деятель народного просвещения».

До последних дней своей жизни Джума Намазович служил своему делу — делу воспитания молодого поколения. Он умер 2002 году в возрасте 82 лет. Жизнь и деятельность такого замечательного человека заслуживают особого уважения и являются примером мужества, отваги и беззаветной любви к Родине и к своему народу.

Кучкар Ханазаров

Заслуженный деятель науки Республики Узбекистан, доктор философских наук, профессор Кучкар Ханазарович Ханазаров родился в 1922 году в Ташкенте.

В молодости он мечтал и мог бы стать одним из первых узбекских военных лётчиков. Но мечта его не сбылась, потому что в самые первые дни войны, авиация понесла крупные потери, и молодым летчикам летать было не на чем. Поэтому в 1941 году курсанты военно-лётной школы, где учился молодой Кучкар Ханазаров, были направлены в пехотные войска. К. Х. Ханазаров начал свою военную службу рядовым солдатом, затем стал командиром отделения, командиром взвода и командиром роты. В боях близ Воронежа был тяжело ранен. Участвовал в боях за освобождение Харьковской и Полтавской областей Украины, где был ещё дважды ранен и тяжело контужен. Осколки от ран, полученные в боях у него на теле сохранились на всю жизнь.

Кучкару Ханазарович рассказывал нам о событиях во время войны. Надолго запомнились К. Х. Ханазарову кровавые бои на реке Днепр, после которой наши войска продвинулись до самой Румынии.

Фронтовик вспоминал о событиях в декабре 1943 года. Рота, которой командовал Кучкар Ханазарович, уже который месяц жила в окопах. Его пригласили к командиру батальона капитану Свиридову. Капитан приказал: «Лейтенант, готовь роту к бою. Утром будем штурмом брать стоящее перед нами крупное село Котовск». Начался бой. Наши артиллеристы открыли интенсивный огонь по противнику. Бойцы следили за летящими в сторону противника «Андрюшами» (вид снаряда) затем с криками «Ура!» поднялась рота. Но, как потом выяснилось, командиры не учли силы противника: перед ними оказался эсэсовский полк «Мёртвая голова». Туда отбирали только физически стойких и преданных Гитлеру молодых немцев, ростом не менее 170 см. в возрасте до 28 лет. Каждый эсэсовец был отличным снайпером, готовым умереть, но не сдаваться.

Кровавый бой длился два дня. Рота Ханазарова отбила контратаку немцев, и он сам подбил самоходную пушку противника. Чего стоил этот бой, не трудно понять по такому факту: когда начинали атаку, в роте было 68 бойцов. К концу второго дня в роте осталось всего 14 человек. Благодаря стойкости и героизму наших солдат, эсэсовский полк в этом бою был полностью уничтожен. В плен были взяты 21 эсэсовец. Образ рыжего, атлетически сложенного обер-лейтенанта много лет был перед глазами К. Х. Ханазарова. Обер-лейтенант отказался сдаться в плен, и показал пальцем на своё сердце, как бы говоря: «Стреляй!». И Ханазаров выстрелил.

Для трижды раненного и контуженого бойца, война стала большой жизненной школой испытаний. Античеловеческую значимость фашизма и лицо войны он познал не из книг и кинофильмов, а наяву со всеми её ужасами и трудностями. Именно в те дни, в те суровые годы он понял это священное чувство Родины, понял, как она дорога и бесценна для каждого человека.

А также он был свидетелем того, когда много людей независимо от языка и нации, объединенные одной бедой и горем, были дружны и самоотверженно защищали свою Родину. В годы войны он приобрёл много друзей. Среди них, с кем он воевал, были узбеки и русские, украинцы и белорусы, казахи, евреи, татары и другие.

«Если вернусь живым и невредимым с войны — решил тогда молодой Ханазаров, — я всю жизнь посвящу делу мира и справедливости, защите лучших человеческих качеств». И он вернулся. После войны он поступил в (МГИМО) Московский государственный институт международных отношений и стал одним из первых его выпускников. Более тридцати лет он учился и работал в престижных вузах Москвы, в Высшей Аттестационной Комиссии, стал известным и уважаемым ученым.

С 1980 года К. Х. Ханазаров работал в родном Ташкенте, профессором. Он является автором более 500 научных и научно-популярных книг и публикаций, это, ***ученый с мировым именем***. Он был участником четырёх международных Конгрессов по философии, проходивших в Болгарии, в Германии, Канаде и Англии, многих международных симпозиумов и конференций, на которых он свободно выступал на русском, французском и английском языках. Это философ редкой категории, глубоко знавший национальные особенности своего народа, язык и культуру, вместе с тем глубоко уважавший и ценивший другие национальности. Самые лучшие человеческие качества он ставил превыше всего. Много лет, он проработал ответственным редактором журнала «Международные отношения: политика, экономика, право, духовность», который издается на трех языках. Вся научная и общественная деятельность К. Х. Ханазарова была направлена на воспитание интернационалистических чувств, дружбы между народами. Под его руководством защитили кандидатские и докторские диссертации более 50 человек. Многие из них также стали известными учеными, живут и продолжают дело своего учителя не только в Узбекистане, но и далеко за его пределами.

Наш Учитель умер в 2019 году в возрасте 97 лет. Он останется в нашей памяти навсегда. Он учил нас быть мудрыми, выносливыми, никогда не терять чувства самообладания, всегда владеть ситуацией, и по-философски смотреть на жизнь, со всеми её проблемами.

Сегодня мы далеко от тех военных лет, от ужасов войны, но мы чтим память павших за Родину солдат, и низко склоняем головы.

Мы благодарны сегодня всем, кто охраняет мир на земле. Мы учим своих детей ценить этот мир, и всегда быть патриотами.

УДК 313.343

С. М. Усманов

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ МЕЖДУ ПАТРИОТИЗМОМ И ПАЦИФИЗМОМ

Автор анализирует особенности восприятия российской интеллигенцией проблемы патриотизма. Отмечается, что в современном российском обществе патриотизм оказывается своего рода вызовом не только для интеллигенции. Но в данном контексте у интеллигенции есть своя специфика. Патриотизм у интеллигенции, как правило, «тревожный». Автор обосновывает закономерность формирования такого рода интеллигентского патриотизма. Вместе с тем изучаются и другие вариации интеллигентского самосознания — такие как индифферентизм, национальный нигилизм, пацифизм. Автор подчеркивает невозможность для российской интеллигенции в наши дни уклониться от «вызова патриотизма».

Ключевые слова: интеллигенция, патриотизм, «тревожный патриотизм», пацифизм, национальный нигилизм.

Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025—03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».

S. M. Usmanov

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

INTELLIGENTSIA BETWEEN PATRIOTISM AND PACIFISM

The author analyzes the peculiarities of the Russian intelligentsia's perception of the problem of patriotism. It is noted that in modern Russian society, patriotism is a kind of challenge not only for the intelligentsia. But in this context, the intelligentsia has its own specifics. Patriotism among the intelligentsia is, as a rule, "anxious". The author substantiates the regularity of the formation of this kind of intelligentsia patriotism. At the same time, other variations of intelligentsia self-awareness are also studied — such as indifferentism, national nihilism, pacifism. The author emphasizes the impossibility for the Russian intelligentsia today to evade the "challenge of patriotism".

Key words: intelligentsia, patriotism, "anxious patriotism", pacifism, national nihilism.

The article was prepared within the framework of the technical assignment for the implementation of research work commissioned by Ivanovo State University № 2025—03 "Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia".

В современной России стало уже привычным выставлять именно интеллигенцию как самую непатриотичную, самую ненадежную часть общества. Профессор Костромского государственного университета А. В. Зябликов оценивает подобные построения как «рецидивы интеллигентофобии» [1]. Это вполне возможное объяснение. Но мы бы в данном случае не сводили бы все к «рецидивам». Ибо патриотизм российской интеллигенции действительно находится под вопросом. Не случайно ряд

известных представителей российской интеллигенции выступали с осуждением «российской агрессии на Украине». Да и опросы российского общественного мнения в 2022—2023 гг. регулярно показывали, что именно преподаватели и студенты университетов, других высших учебных заведений были наименее позитивно настроены по отношению к проведению Специальной военной операции России на Украине. Конечно, такие настроения провоцировали у нас в стране возмущенные голоса в адрес интеллигенции.

На наш взгляд, с проблемой патриотизма интеллигенции все обстоит далеко не так однозначно. Прежде всего, потому, что нынешняя российская интеллигенция – это «расколотое общество» [8, с. 70]. В нем мы обнаруживаем разные взгляды и ценности: и патриотизм, и конформизм, и индифферентизм, и нигилизм, и пацифизм. Да и восприятие самой интеллигенции в нашем обществе затрудняется неясностью с определением (и самоопределением) интеллигенции как таковой. Зачастую к ней неоправданно относят представителей политической элиты, бюрократии, шоу-бизнеса, а подчас даже и тех социально неустroенных людей, кого сейчас именуют как прекариат.

В этой связи отметим, что в нашем понимании далеко не все представители «интеллигентных профессий» реально принадлежат к интеллигенции, но лишь те, кто имеют твердую приверженность к определенным ценностям и идеалам, что и отличает их по самосознанию и образу жизни от других социальных слоев: элиты, бюрократии, технократии, предпринимателей и прочих. Причем эти «другие» могут вести интеллектуально насыщенную жизнь и обладать достойной образовательной подготовкой. Так что, как нам видится, российская интеллигенция является не столь пассивным целым, как это представляется многим авторам, считающих «по головам» учителей, врачей, инженеров и артистов.

Теперь о патриотизме интеллигенции. В 1998 г. в Ивановском государственном университете была защищена докторская диссертация О. Ю. Олейника, в которой на источниках и материалах первой половины XX века доказывалось, что именно ин-

теллигенция является «хранительницей устоев» и «златошвейей риз» патриотизма [2, с. 46]. В том же году издательством ИвГУ была выпущена наша монография «Безысходные мечтания: Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX — начале XX в.». В ней отмечалось, что в самосознании русской интеллигенции временами проявлялись всплески «русского чувства». Но такие настроения были очень неустойчивыми и недолговечными, поглощаясь господствующим в обществе мироощущением европоцентризма [5, с. 119—122]. Налицо явное противоречие в оценках. Впрочем, тут нет каких-то особых загадок. Дело в том, что мировоззрение отечественной интеллигенции изначально было неоднозначным.

В нынешних условиях, как мы уже не раз отмечали вместе с профессором В. Л. Черноперовым, российская интеллигенция делится на три основных типа поведения, прежде всего по отношению к власти: «хождение во власть» (это те, кто сотрудничает с властью и добивается от нее признания), «вечное противостояние» (неприятие существующих порядков зачастую в сочетании с «надеждами на иностранцев») и «башня из слоновой кости» (стремящиеся сохранить самостоятельность в своей жизни и трудах) [9, с. 12—13]. Интересно, что на эту нашу модель обратили внимание и зарубежные исследователи. Так, сербский философ Светозар Поштитч, работающий в Вильнюсском университете, пишет: «Известный российский историк профессор Василий Черноперов с группой сотрудников делит интеллигентов (...) на три группы» [3]. И далее использует наши соображения.

Возвращаясь к выделенным нами трем типам российской интеллигенции, можно поставить вопрос: какой из них наиболее патриотичен? Казалось бы, первый, нацеленный быть «при власти». Думается, едва ли это так. Ведь для власти нужны «без лести преданные», а еще лучше — не чуждые этой лести. Но очень многих из таковых интеллигентов вдохновляет не столько патриотизм, сколько желание получить льготы и почести. Собственно, патриотизм так или иначе присущ всем трем типам интеллигенции, при том, что им же

одновременно свойственны и другие ценности. Так, «противостоящие» при всей неприязни, а то и ненависти к властителям, нередко не чужды и патриотических чувств: нам, дескать, за Родину обидно.

В самосознании интеллигенции могут быть и другие оттенки отношения к Отечеству: индифферентизм, пацифизм, национальный нигилизм. Из них противоположностью патриотизма является последний — национальный нигилизм. Заметим, что все подобные вариации отношения к Отечеству являются не только феноменами интеллигентского сознания, Мы их можем встретить и в мировоззрении всех других слоев общества. Только у интеллигентов они, как правило, более ярко выражены, более ясно осознаны.

Почему так? Начнем с патриотизма. Он у интеллигенции, когда присутствует, обычно носит не случайный, не рутинный характер. Он, как подметил еще Владимир Сергеевич Соловьев — тревожный. И это потому, что интеллигент по преимуществу человек совестливый и ему не свойствен простодушный оптимизм «почтеннейшей публики» [4, с. 139—140]. Патриотизм в таком случае — моральный императив при отчетливом понимании противоречивости и трагизма окружающего мира. Впрочем, и интеллигентский пацифизм, когда он имеет место, есть опять-таки моральный императив, а подчас и вызов, поза. А это чревато уходом от реальности, что приводит, в свою очередь, к несостоятельности — как духовной, так и человеческой.

Куда более соблазнительным для российской интеллигенции оказывается национальный нигилизм. Как показывает богатый опыт русской эмиграции XX века, он может получать и как бы богословское обоснование: мы-де чаем только Небесного Отечества, а Россия... Она «нехороша», «несостоятельна», «тут ничего сделать нельзя». К подобному пониманию истории современного ему мира приближался Владимир Сергеевич Соловьев, склонявшийся к тому, что у России есть только религиозное предназначение, а все ее внешние успехи — что-то ненужное и тягостное. Позднее подобными путями пошли и протоиерей Георгий Флоровский, признававшийся в частном по-

рядке, что он «оглох к России» [7, с. 109], и ставший в американский период своей эмиграции атлантистом Георгий Федотов [6, с. 10]. Отметим, что их не «купили» за гранты и премии. Они взрастили свое отступление от России сами. Хотя у многих других наших соотечественников-интеллигентов путь к национальному нигилизму был грубее и проще.

Оценивая такого рода искания отечественной интеллигенции, наверное, необходимо быть последовательным. Да, патриотизм для интеллигенции в каком-то смысле не может не быть тревожным. Ведь интеллигент, когда он верен своему призванию, всегда обостренно чувствует «ситуацию нашего времени». В современном мире уже не обойдешься прописями «Домостроя», в нем невозможно устойчивое благоденствие. Но все это не является оправданием утопических надежд пацифизма. Ибо еще Христос предупреждал своих учеников, что войны и потрясения («болезни») будут существовать до конца этого мира. А выбор нигилизма очень резко оттенил Федор Михайлович Достоевский в «Записках из подполья». Там главный герой вопрошает: «Миру ли провалиться или мне чаю не пить? Я скажу, чтоб свету провалиться, а чтоб мне всегда чай пить!» «Подпольный человек» при этом не замечает, что если мир и правда «провалится», то и ему места уже не будет. Так что, если бы не было России, то и ее интеллигенция была бы никому не нужна.

Итак, современной российской интеллигенции, в конечном счете, невозможно уклониться от «вызова патриотизма», равно как и от других своих проблем. Ей надо «нести свой крест» и уповать не на сильных мира сего, не на российскую власть и даже не на народ. А прежде всего на поиски Истины, которая, по евангельскому слову, и сделает ее свободной.

Библиографический список

1. Язблицов А. В. Рецидивы интеллигентофобии в общественном сознании современной России // Интеллигенция и мир. 2023. № 2. С. 9—30.
2. Олейник О. Ю. Интеллигенция и отечество: проблема патриотизма в советском обществе и российском зарубежье в 30-е годы XX века : авто-

реф. дис. ... д-ра. ист. наук : 07.00.02 / Ивановский гос. ун-т. Иваново, 1998. 49 с.

3. Светозар Поштић: снови и заблуде руске интелигенције. URL: <https://sloven.org.rs/srb/?p=22402> (дата обращения: 15.04. 2025).
4. Соловьев В. С. Россия через сто лет // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в девяти томах. Т. 8. СПб.: Изд. тов-ва «Общественная польза», 1905. С. 138—141.
5. Усманов С. М. Безысходные мечтания : Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX — начале XX в. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 184 с.
6. Усманов С. М. Власть, интеллигенция, народ в послевоенных раздумьях Георгия Федотова // Костромской гуманитарный вестник. 2015. № 1(8). С. 9—11.
7. Усманов С. М. Теории цивилизаций и экуменическое богословие протоиерея Георгия Флоровского // Теология: теория и практика. 2024. Т. 3. № 1. С. 96—127.
8. Черноперов В. Л., Усманов С. М. Одиночество и (не)свобода: проблемы самоопределения российской интеллигенции в условиях мирового кризиса // Вестник Нижегородского университета им Н. И. Лобачевского. 2023. № 1. С. 66—73.
9. Черноперов В. Л., Усманов С. М., Буданова И. А. Российские интеллиген-ты и европейские интеллектуалы XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью // Интеллигенция и мир. 2015. № 4. С. 9—31.

УДК 141.1

А. В. Зябликов

заведующий кафедрой, Костромской государственной
университет (Кострома)

«СЛОМИТЬ В СЕБЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО»: ОТЛОЖЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ

Концепт западничества рассматривается в контексте историо-софских идей П. А. Флоренского и В. В. Розанова. Анализируются

представления мыслителей об имманентных ритмах русской истории. Характеризуется позднесоветский период как пролог западомании 1990-х гг. Выявляются некоторые качества российской интеллигенции и круг задач, которые ставит перед нею современность.

Ключевые слова: интеллигенция, западничество, государство, тип культуры, историческое настроение, цивилизационное пространство, П. А. Флоренский, В. В. Розанов.

A. V. Zyablikov

Head of the Department, Kostroma State University (Kostroma)

"BREAKING DOWN WESTERNISM": THE DEFERRED IMPERATIVE

The concept of Westernism is considered in the context of the historiographical ideas of P. A. Florensky and V. V. Rozanov. The ideas of thinkers about the immanent rhythms of Russian history are analyzed. The late Soviet period is characterized as a prologue to the West mania of the 1990s. Some qualities of the Russian intelligentsia and the range of tasks that modernity sets for them are revealed.

Key words: intelligentsia, Westernism, state, type of culture, historical mood, civilizational space, P. A. Florensky, V. V. Rozanov.

В августе 1917 г., незадолго до октябрьского переворота, П. А. Флоренский писал В. В. Розанову: «Если Россия не погибнет, она должна сломить в себе западничество. Но, увы, интеллигенция, что бы там ни происходило, своей гордыни не изменит. Она не умеет каяться...» [1, с. 192]. Три коротких суждения, содержащихся в этом эпистолярном фрагменте, заслуживают обстоятельного комментария.

Начнем с первого высказывания. Условное придаточное «если Россия не погибнет» свидетельствует о том, что в 1917 г. ощущение надвигающейся исторической катастрофы определяло настроение многих интеллектуалов: самый страшный финал не исключался. Не менее примечательна императивная часть фразы: «должна сломить в себе западничество». Следует отметить, что П. А. Флоренский, как и его адресат В. В. Розанов, исходят из циклического понимания истории, движимой имма-

нентными ритмами [2]. По убеждению П. А. Флоренского, история, как и культура, не имеет качеств процесса, к ней не применима идея прогресса. Единой мировой культуры не существует: каждая отдельная культура подчиняются двум последовательно сменяющимся типам: средневековому («созерцательно-творческому») и возрожденческому («хищническо-механическому»). Первый характеризуется объективностью, самособранностью, конкретностью, органичностью; второй отличают субъективность, отвлеченность, поверхностность [3, с. 39]. Культурфилософии о. Павла конгениальны его представления о природе и устройстве государства. Мыслитель выделяет два принципа: иерархический (теократический) и анархический (антропократический). Для государства первого типа характерны «многообразность в единстве», «внутренняя стройность», свободное следование всех членов общества одному безусловному закону. Государство второго типа отличают «внутренняя нестройность, однообразность в дробности», основанная на принуждении юридическая регламентация [4, с. 198].

В. В. Розанов ритмы движения русской жизни называет «историческими настроениями»: одно из них — сосредоточенно-собранное, неторопливое, богобоязненное, питающееся национальными преданиями и традициями, второе — европофильское, светское, индивидуалистическое, нетерпеливое, рожденное необузданными желаниями и страстями. Первое нацелено на суверенное развитие и некоторый изоляционизм, второе — на безусловную интеграцию в глобальное цивилизационное пространство. «Во всяком периоде нашей истории мы разрывали с предыдущим, — писал В. В. Розанов в статье «Об эпохах русской истории» (1892), — и разрыв, который нам предстоит теперь, есть, без сомнения, разрыв с Западом. Сомнение в прочности и абсолютном достоинстве европейской культуры, которое является теперь общераспространенным, послужит для нового поворота нашей истории такой же исходной точкой, как вечные неудачи и поражения русских послужили, два века тому назад, исходной точкой идей и стремлений Петра» [5, с. 263]. Является ли благом для страны то, что она подвержена таким

конвульсивным историческим толчком? В. В. Розанов не исключал *синтетического* характера нового эона российской истории, однако показательно, что точка перехода в следующий исторический фазис характеризуется мыслителем как «разрыв». Заметим, что и П. А. Флоренский, размышляя о западничестве, выбирает глагол «сломить», а, например, не «изжить» или «преодолеть». Видимо, таков тип и характер русской истории: никакие конвергентные модели неприемлемы, как невозможен компромисс между Богом и Дьяволом.

Смогла ли Россия «сломить западничество», вступив в советский период своего развития? Есть большой соблазн ответить на этот вопрос утвердительно. Однако большевизм ленинского толка или троцкизм с их интернационалистскими, планетарными (глобалистскими) амбициями уместнее рассматривать в контексте западной модели. Характеристики «разрыв» или «слома» уместны лишь в отношении сталинского (особенно послевоенного) периода советской истории, когда разрушительному западному влиянию была противопоставлена прочная цивилизационная альтернатива.

Есть еще один соблазн: считать началом нового витка западомании крушение Советского Союза. Конечно, это не так. Именно два последних советских десятилетия отмечены печатью самого оголтелого западопоклонства, которое проникло во все поры общества. Причем, официальная идеология не только не препятствовала этим веяниям, но вольно или невольно поощряла, провоцировала их. Это убедительно показывает А. Юрчак, применивший перформативную теорию субъекта к характеристике позднесоветской эпохи [6]. Идеологический кокон стал идеальной ширмой, за которой формировалась среда для взращивания новых смыслов, в значительной степени замещенных на западных ценностях. Роль постсталинских коммунистических правителей в создании мифа о «волшебной загранице» была значительной, поэтому экономические и политические «зубы дракона», разбрасываемые «реформаторами» 1990-х, упали в хорошо подготовленную и удобренную почву.

В постсоветские десятилетия страна предприняла отчаянную попытку войти на равных в «цивилизованное» европейское пространство. Здесь все средства были хороши, включая разрушение целых отраслей промышленности и утрату части суверенитета. Стать равноправным партнером западного «клуба избранных» не получилось. Причины этого геополитического провала доходчиво и точно сформулировал А. А. Зиновьев: «Идея глобального общества есть идея западная, а не абстрактно-мировая. Инициатива движения к такому обществу исходит от Запада. В основе ее лежит не столько стремление различных народов к объединению (такое стремление появляется редко), сколько стремление Запада занять господствующее положение на планете, организовать всё человечество в своих интересах, а не в интересах некоего абстрактного человечества» [7, с. 48]. Анализу профетического потенциала работ А. А. Зиновьева сегодня посвящено немало работ [8; 9].

Даже после 2014 г. «разрыв» с Западом оставался в лучшем случае фигурой речи. Россия продолжала инерционное движение в фарватере западной цивилизационной модели, копируя худшие ее образцы, о чем красноречиво свидетельствовали сомнительные новации в сферах культуры, образования, экономики.

Лишь 2022 г. сделал осязаемым исторический сгиб, открывающий новое качество отношений с Западом. К сожалению, даже в условиях военного противостояния с коллективным Западом, Россия продолжает действовать с оглядкой на него, а значительная часть российской элиты очевидно ностальгирует по тем временам, когда Запад панибратски похлопывал нашу страну по плечу, обещая ей «честное» партнерство...

Вернемся к эпистолярному фрагменту П. А. Флоренского, к той части, где характеризуются некоторые качества русской интеллигенции. Характеризуются, прямо скажем, нелицеприятно. Насколько справедливы упреки мыслителя? О нигилизме, беспочвенности, антигосударственности, догматизме русской интеллигенции написаны тома. Кем? По преимуществу — представителями той самой интеллигенции. Возражением слишком категоричному заявлению П. А. Флоренского может стать... он

сам! Детство будущего мыслителя прошло в секулярной среде, но после «мировоззренческого обвала» 1899 г. начался новый этап его духовной биографии. Рукоположение П. А. Флоренского, состоявшееся 23—24 апреля 1911 г., во многом алогично жизненному укладу, сформировавшему личность мыслителя. На это обстоятельство обращает внимание С. Н. Булгаков: «...о. Павел своим примером впервые проложил этот путь в наши дни именно для русской интеллигенции, к которой он исторически все же принадлежал... По этому же пути, но уже после о. Павла, пошли люди известного и культурного склада» [10, с. 395]. П. А. Флоренский был не просто современником и свидетелем умственного движения интеллигенции от марксизма к идеализму (сам философ марксистские идеи никогда не разделял), но одним из его первопроходцев, человеком, многократно доказавшим способность русского интеллигента к самоосуждению, покаянию и деятельному участию в жизни государства. Заметим, сколь важную миссию отводит П. А. Флоренский интеллигенции: высоко оценивая ее стратегический потенциал, он считает ее ответственной — ни больше ни меньше — за исторический выбор России.

Итак, 2022 г. открыл реальную возможность для реализации отложенного императива: «Россия должна сломить в себе западничество». Промедление или половинчатость в этом геополитическом и ментальном развороте грозят катастрофическими последствиями. Современной российской интеллигенции надлежит определить свое место в сложившейся исторической диспозиции и направить усилия на решение задач национально-го развития и созидания.

Библиографический список

1. *Флоренский П. А.* Письмо В. В. Розанову. 8 авг. 1917 г. // Розанов В. В. Собр. соч. Литературные изгнанники. Книга вторая / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 192.

2. *Зябликов А. В. П. А. Флоренский: размышления об историческом познании // Соловьевские исследования. 2020. № 2 (66). С. 101—114.*
3. *Флоренский П. А. Флоренский П. А. (автореферат) // Флоренский П. А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев), П. В. Флоренский, М. С. Трубачева. М.: Мысль, 1994. С. 37—43.*
4. *Флоренский П. А. О цели и смысле прогресса // Флоренский П. А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев), П. В. Флоренский, М. С. Трубачева. М.: Мысль, 1994. С. 196—204.*
5. *Розанов В. В. Собр. соч. Природа и история (Статьи и очерки 1904—1905 гг.) / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. 766 с.*
6. *Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 604 с.*
7. *Зиновьев А. А. Дацзыбао (афоризмы и крылатые фразы). М.: Биограф. ин-т Александра Зиновьева, 2022. 64 с.*
8. *Зябликов А. В. Александр Зиновьев: тайна сбывающихся пророчеств // Интеллигенция и интеллектуалы: дискуссионные вопросы изучения: материалы XXXIII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 28—29 сент. 2023 г. Иваново: Иван. гос. ун-т. С. 14—20.*
9. *Зябликов А. В. Интеллектуалы об экзистенциальной природе противостояния России и Запада // Интеллигенция и интеллектуалы XXI столетия в контексте вызовов окружающего мира материалы 32-й Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 22—23 сент. 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 32—39.*
10. *Булгаков С. Н. Священник о. Павел Флоренский // П. А. Флоренский: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 391—399.*

Секция 1.

**ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА
В САМОСОЗНАНИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ
ПРАКТИКЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

УДК 94(47+57)084.8:378

Г. А. Будник

профессор, Ивановский государственный энергетический университет
(Иваново)

Т. Б. Котлова

проректор, Ивановский государственный энергетический университет
(Иваново)

Т. В. Королева

доцент, Ивановский государственный энергетический университет
(Иваново)

**БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ:
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В ИГЭУ)**

В статье анализируется опыт формирования у современных студентов исторической памяти о Великой Отечественной войне. Приводятся конкретные примеры форм и методов учебной и внеучебной

воспитательной работы в Ивановском государственном энергетическом университете.

Ключевые слова: Россия, студенты, воспитательная работа, историческая память, Великая Отечественная война.

G. A. Budnik

professor, Ivanovo State Power Engineering University (Ivanovo)

T. B. Kotlova

vice-Rector, Ivanovo State Power Engineering University (Ivanovo)

T. B. Koroleva

associate Professor, Ivanovo State Power Engineering University (Ivanovo)

**WITHOUT A STATUTE OF LIMITATIONS:
PRESERVATION OF THE HISTORICAL MEMORY OF
THE GREAT PATRIOTIC WAR AMONG MODERN STUDENTS
(FROM THE EXPERIENCE OF WORK AT ISPU)**

The article analyzes the experience of shaping the historical memory of the Great Patriotic War among modern students. Specific examples of forms and methods of educational and extracurricular educational work at Ivanovo State Power Engineering University are given.

Key words: Russia, students, educational work, historical memory, the Great Patriotic War.

Великая Отечественная война — важнейшее событие XX века. Однако знания о героических событиях прошлого у современной молодежи в большинстве своем фрагментарны и поверхностны. Между тем, нельзя не согласиться с Г. С. Широкаловой, что «социальная стабильность общества зависит от единства идеологических скреп относительно прошлого, настоящего и будущего» [8, с. 73].

Целью данной статьи является анализ опыта учебной и внеучебной работы кафедры «История, философия и право» (ИФиП) Ивановского государственного энергетического университета (ИГЭУ) по сохранению памяти о Великой Отечественной войне.

Формирование исторической памяти у подрастающего поколения происходит в процессе социализации и важным этапом

в ее развитии и укреплении является период обучения юношей и девушек в высшей школе. «Историческая память — это своеобразная «соединительная нить» между поколениями, основа для формирования духовно-нравственных качеств молодых поколений граждан нашей страны. Однако историческая память не распространяется сама собой. Она сохраняется и передается от поколения к поколению при помощи родителей, преподавателей, деятелей литературы и искусства, СМИ, интернета, общественных организаций и т. д. При этом надо иметь в виду, что историческая память избирательна. Она тесно связана с настоящим и будущим, поэтому в сознании современников закрепляются те события прошлого, которые созвучны современности. В результате события и «герои давно минувших дней» могут консолидировать усилия общества на решение тех или иных актуальных в настоящее время задач или, наоборот, дезориентировать, деформировать общественное сознание, подталкивать общество к регрессу и распаду» [3, с. 71—72]. Л. В. Климович справедливо отмечает, что «именно осознанное отношение к прошлому формирует историческую память человека и способствует появлению связи конкретного индивида с народом и страной, в которой он живет» [5, с. 14]. В этой связи обращаем внимание на утверждение Т. В. Чугуновой о том, что «данные ВЦИОМ показывают, что люди от 18 до 24 лет — наиболее проблемная возрастная группа с точки зрения отношения к патриотизму. Молодежь настроена на “спасение себя”, а не Родины, констатируют социологи» [7, с. 83].

Ситуация усугубляется еще и тем, что чем дальше отдалется от нас Великая Отечественная война, тем настойчивее предпринимаются попытки вычеркнуть память о ней из сознания молодежи. В настоящее время имеется достаточно много публикаций о причинах фальсификации событий и итогов Великой Отечественной войны, в которых отмечается, что все чаще сайты интернета, СМИ размещают искаженный фактический материал, в котором присутствует дегероизация советских солдат, умаление роли восточного фронта в победе над фашизмом, отрицается значение этой победы не только для СССР, но и для

Европы и мира. Одновременно усиливается тенденция к восхвалению эсэсовцев, предателей, коллаборационистов [1, с. 71—76]. Это свидетельствует о том, что идет целенаправленная реабилитация фашизма и его сторонников, целью которой является переформатирование исторической памяти молодежи. В связи с этим важным считаем один из выводов авторов монографии «Идеология русской государственности»: «Очень важно понимать, — пишут Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П., — что, изменив историческое знание или навязав другое, ложное или *чужое* знание кому-либо, мы меняем самого человека, варианты его действий и поведения, человек становится другим. “Переписывание истории” — это всегда изменение знания о прошлом, а это значит, что переписывается не то, что было когда-то, «пере-записывается» человек здесь и сейчас, в тот момент, когда он это измененное знание принял. Историческое знание обладает действенной программирующей силой. Именно на основании знаний люди ставят цели, выбирают способ действия и совершают поступки» [6, с. 35].

Современная молодежь, имеет многочисленные возможности для саморазвития и самореализации, гарантированные государством. Многие молодые люди мало интересуются историей своей страны, и, в результате, начинают утрачивать историческую память о прошлом России. Следствием этого является потеря частью молодого поколения способности объективно оценивать вызовы времени и давать на них эффективные ответы.

Важная роль в сохранении исторической памяти о героическом прошлом нашего народа принадлежит преподавателям, в первую очередь тем, кто преподает гуманитарные дисциплины, особенно – историю. Результаты социологического исследования, проведенного в 2022 году в вузах и школах Ульяновска, «подтвердили значительную роль учебной дисциплины “История России” в становление мировоззрения подрастающего поколения, в формировании исторической памяти и позитивного отношения к истории родной страны и края» [5, с. 24].

В лекциях по «Истории России», читаемых в ИГЭУ, подробно разбираются причины Победы СССР над фашистской

Германией, главными из которых является массовый героизм советского народа на фронте и в тылу. Обращается внимание на вклад в Победу ученых и инженеров-энергетиков, объясняется суть фашистской идеологии, приведший к геноциду на оккупированной гитлеровцами территории СССР и т. д.

Во время практических занятий преподаватели стараются использовать активные средства обучения, предлагают студентам выполнить творческие задания. Традиционными в ИГЭУ стали Круглые столы и дискуссии по истории Великой Отечественной войны, например, «Писатели-фронтовики о Великой Отечественной войне», «Проблема истины в историческом исследовании: реальная история Второй мировой войны и ее фальсификации», просмотры и обсуждение документальных фильмов, встречи с известными ивановскими учеными.

Многолетний опыт работы авторов данной статьи свидетельствует, что понимание студентами важнейших событий в истории страны легче и осознаннее происходит в процессе научно-исследовательской и практико-ориентированной добровольной деятельности во внеучебное время. Многие апробированные временем формы НИРС предложены преподавателями кафедры, другие – проекты, викторины, квесты гражданско-патриотической направленности – студенческими объединениями ИГЭУ.

Так, около 40 лет преподаватели кафедры ИФиП организуют работу по написанию обучающимися своих родословных. Инициатором данного вида научно-исследовательской работы был заведующий кафедрой Отечественной истории ИГЭУ В. Ю. Халтурин (1948—2011 гг.). Большой вклад в разработку методики ее выполнения внесла доцент кафедры О. Е. Богородская. Выполнение данной работы способствует сохранению исторической памяти, в том числе и о Великой Отечественной войне, и преемственность поколений. Работая над летописанием своей семьи, в сознании молодых людей события истории «оживают», наполняются понятными «героями» — бабушками, дедушками и т. д. Кроме того, рассказы очевидцев, собранные студентами, помогают сохранить детали исторического прошлого.

го и передать «дух времени». Выполняемая работа позволяет молодым людям полнее ощутить свою принадлежность к нации и стране, без чего невозможно формирование созидательно-активной позиции у студентов. Завершается работа над родословными выступлением студентов на научной конференции и публикацией лучших работ в сборнике материалов студенческого научного форума [2].

Ежегодно на внутривузовской студенческой конференции работает секция «Актуальные проблемы истории России». Многие студенты выступают с докладами, подготовленными на основе материалов платформы «Без срока давности». Изучение и научный анализ подлинных документов, визуализация событий 1941—1945 годов на фотографиях военных лет, размещенных на сайте, позволяет обучающимся понять сущность бесчеловечной политики фашизма, оценить масштаб преступлений гитлеровцев на оккупированной территории нашей страны. Самостоятельная научно-исследовательская работа позволяет студентам осознать опасность реабилитации нацистской идеологии в ряде современных стран, а также попытки России, как наиболее пострадавшей от этой идеологии страны, бороться с этими тенденциями. Этот вопрос рассматривается в контексте СВО и необходимости вести непримиримую борьбу с украинским неонацизмом.

В 2015 году по инициативе волонтерского центра и Объединенного совета обучающихся ИГЭУ впервые была организована акция «Блокадный хлеб», которая стала традиционной и приобрела городской масштаб. Ее цель — напомнить людям XXI века о великом подвиге ленинградцев в годы войны. Студенты сами пекут хлеб по рецепту блокадного Ленинграда и раздают 9 мая всем участникам «Бессмертного полка» в городе Иваново конверты с блокадной порцией хлеба. «В 2018 году «блокадный хлеб» попробовали 3,5 тысячи человек» [4, с. 91].

Около двадцати лет назад в ИГЭУ было создано студенческое историческое общество. Оно объединяет наиболее активных студентов, интересующихся историей страны и вуза. Одной из значимых инициатив членов объединения было интервьюи-

рование ветеранов ИГЭУ — участников и детей войны, результатом которого стал выход в свет сборника воспоминаний о 1941—1945 годах.

В 2023 году в рамках проекта Патриотический марафон «Энергия Памяти» были апробированы популярные в молодежной среде цифровые технологии. С использованием VR-технологий «Волонтерами в цифровой среде» была создана виртуальная Аллея славы ИГЭУ в которой размещены портреты студентов и преподавателей вуза — участников Великой Отечественной войны и СВО, интерактивные объекты военной техники (можно стрелять, летать и т. п.). Победители конкурсов и активисты проекта совершили экскурсионную поездку в музей Победы на Поклонной горе в г. Москва.

Студенты также участвуют во всероссийских и городских военно-патриотических мероприятиях. Так, 19 апреля в ИГЭУ традиционно проходит акции «Никто не забыт, ничто не забыто» ко дню Единых действий в память о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Подводя *итоги*, можно заключить, что в ИГЭУ накоплен определенный опыт воспитательной работы, апробированы различные формы учебной и внеучебной деятельности по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Обсуждение со студентами проведенных мероприятий позволяет заключить, что творческие, активные формы работы вызывают интерес, надолго запоминаются студентам, заставляют их критично и вдумчиво относиться к получаемым из интернета и СМИ сведениям о событиях 1941—1945 годов, расширять свой исторический и культурный кругозор.

Библиографический список

1. *Акопянц А. С.* Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны / материалы III Всероссийской научной конференции «Россия в войнах и военных конфликтах XX—XXI века» // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Гуманитарные исследования. 2020. № 2(8). С. 71—76. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-falsifikatsii-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (дата обращения: 15.02.2025).

2. *Богородская О. Е.* Пишем «Историю семьи»: методические указания по работе над родословной. Иваново: РИО Иван. гос. энерг. ун-т, 2007. 44 с.
3. *Будник Г. А.* Сохранение памяти о военном прошлом России у современных студентов // Мир оружия: История. Герои. Коллекции: сб. материалов IX Междунар. науч. практич. конф. Тула: Тульский гос. музей оружия, 2022. С. 71—72.
4. ИГЭУ: Всегда в развитии. 1918—2018 / под общей редакцией Т. Б. Котловой. Иваново: ИД «Референт», 2018. 200 с.
5. *Климович Е. В. Галкина Е. П.* Роль преподавания гуманитарной дисциплины «история» в формировании исторической памяти молодежи (по материалам социологического исследования в г. Ульяновске) // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 9—27.
6. *Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П.* Идеология русской государственности. Континент Россия. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2024. 848 с.
7. *Чугунова Т. В.* Социально-политическая активность студенческой молодежи как один из факторов формирования отечественной интеллигенции на рубеже XX—XXI вв. // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 72—95.
8. *Широкалова Г. С.* Студенты поколения Z: особенности исторической памяти // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность // Материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сент. 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 72—77.

УДК 177.8:37.06:304.44

Н. Н. Васильев

независимый исследователь (Саратов)

ТАК ПОБЕДИМ? О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПОКА ПОБЕДЕ

Выявляется и характеризуется негативный российский общественный феномен — массовое предательство. Указываются те его аспекты, в которых определяющую роль играют интеллигенция и интел-

лектуалы. Отмечаются обстоятельства, позволяющие надеяться на его преодоление.

Ключевые слова: массовое предательство, роль интеллигенции и интеллектуалов, массовая культура, западные ценности, российская система образования, воспитательная функция, социогуманитарная наука, неуважении к русскому языку.

N. N. Vasiliev

Independent researcher (Saratov)

SO WILL WE WIN? ON THE ROLE OF THE INTELLIGENTSIA IN THE VICTORY THAT HAS NOT HAPPENED YET

The negative Russian social phenomenon of mass betrayal is identified and characterized. Those aspects of it in which the intelligentsia and intellectuals play a decisive role are indicated. Circumstances that allow us to hope for its overcoming are noted.

Key words: mass betrayal, the role of the intelligentsia and intellectuals, mass culture, Western values, the Russian education system, educational function, social and humanitarian science, disrespect for the Russian language.

Победы пока не получилось. Россия не смогла вернуть себе всю Новороссию и Приднестровье. Будем надеяться, что это только пока и преклоним головы перед Героями, отдавшими свои жизни и здоровье за Отечество!

Конечно, воевать с коллективным Западом очень сложно, очень тяжело. И эта тяжелейшая борьба показала, что её непомерная тяжесть вызвана не только фашистским озверением украинского общества и маниакальным стремлением Запада придавить и разорить Россию, любыми способами нагадить ей. Очень тяжёлое препятствие к победе обнаружилось внутри Российского общества в виде массового предательства.

Начальная фраза заголовка статьи перекликается с названием знаменитой в конце советского периода пьесы драматурга М. Ф. Шатрова, посвящённой Ленину и коммунистам в начальный период советской власти. Фабула социальных процессов в Отечестве того времени была созвучна с фабулой перестроечно-

го периода и созвучна, как ни странно, с фабулой процессов современного российского общества. Во все эти времена основная проблема, стоящая перед обществом и государством, состояла и состоит в том, чтобы выжить.

«Самое главное — не ошибиться, верно определить пути, методы, средства достижения цели... Никто в мире не сможет скомпрометировать коммунистов, если сами коммунисты не скомпрометируют себя. Никто в мире не сможет помешать победе коммунистов, если сами коммунисты не помешают ей. Мы нашли верную дорогу! Не сворачивать. Не сворачивать! Так победим!» [10, с. 223]

История показала, что и дорога была выбрана не совсем верно, и шли по ней не очень ровно, и не победили. В настоящее время становится видно, что и теперь с выбором дороги и способа движения по ней тоже не всё благополучно и вопрос, победим ли мы так или нет, ещё окончательно не решён.

Мины массового предательства были заложены в наше общество в предыдущие исторические эпохи. Частично — ещё в царской России, но по большей части — в советское время. В наше время они ещё усилились и стали уже одна за одной детонировать.

Настоящая победа России — возрождение и уверенное национальное¹ развитие требует прежде всего победы над массовым предательством, которое в социальном плане многогранно, многослойно и многолико.

Я имею в виду прежде всего не беглых скоморохов и даже не тот почти миллион «добропорядочных» граждан, спешно покинувших Россию при попытке мобилизовать около трёхсот тысяч резервистов. Это, конечно, потери, но не катастрофические.

Тихо уехавшие и спокойно живущие на новой «родине», можно сказать не совсем предатели — они скорее отщепенцы. Это тоже мало достойно уважения, но более-менее честно. Настоящие же предатели — оставшиеся, но продолжающие демонстрировать неуважение к России и вредить ей. Очень печально и

¹ Имеется в виду гражданская, а не этническая нация.

опасно моральное состояние тех, кто разорвал Россию, искалечил ей душу и остался в ней.

Я не собираюсь критиковать верховную власть, поскольку, во-первых, как известно, *«нет власти не от Бога»* (Послание к Римлянам 13: 1). Диссидентство и непримиримая оппозиционность к добру не приводят, как очень наглядно показал исторический опыт Отечества в последней четверти прошлого века (не говоря уже о его первой четверти).

Тем более, что реально во многих случаях наш Президент оказывается самым настойчивым в верховной власти борцом за духовную, интеллектуальную и политическую независимость России. Хотя, иногда видно, что он не вполне самостоятелен в каких-то важных вопросах, поскольку окружающая его центральная властная и околоставная элита в значительной части является «пятой колонной», о чём не двусмысленно свидетельствует тот факт, что все бывшие вице-премьеры правительства России, кроме Д. О. Рогозина и масса других бывших высших чиновников, живут за границей [4].

Также ещё не время оценивать деятельность военного руководства, хотя этот вопрос назревает. *«Готовились к спецоперации, а началась война. Почему это произошло, долго можно рассуждать. Очевидно, что дело в непрофессионализме каких-то определенных людей, участвовавших в планировании. У кого-то этот непрофессионализм был смешан с предательством. Хотя в этих условиях непрофессионализм — уже предательство...»* [11].

Но и это оставим в стороне, поскольку сейчас более интересными представляются те достойные сожаления обстоятельства, в которых ясно просматривается определяющая роль интеллигенции и интеллектуалов.

Общая схема выращивания предателей в Российском обществе проста: западная идеология (либерализм) — западные ценности — бизнесификация всех сфер деятельности и сознания интеллигенции [2]. А дальше — ничего личного, просто бизнес. Действовать в интересах России совсем не выгодно. Наиболее

значимо это проявилось в интеллигентах и интеллектуалах, работающих в сферах культуры и образования.

Отечественная массовая культура (шоу-бизнес, кинобизнес, театральный бизнес) полностью сориентирована на западные ценности. Благодаря её плодотворной деятельности огромное количество россиян перестали ценить свою и вообще всякую традиционную культуру. Молодое поколение не то что теряет, а вообще не получает никакой культурной связи, родства с Отечеством.

Я думаю, что большинство деятелей культуры изначально специально не стремились к тому, чтобы загубить Отечественную культуру и оторвать от неё сограждан. Однако, *«на первом месте для большинства наших медиадеятелей — деньги. ... Люди, создающие медиаконтент, сами активно следят за иностранными коллегами и копируют их опыт, при этом часто забывают на политические интересы России. Западные форматы, сюжеты и подходы к созданию контента часто воспринимаются как универсальные и способные привлечь широкую аудиторию»* [8].

Но на этом «культурное развитие» не остановилось. По мере появления в обществе каких-то движений в защиту отечественной культурной традиции «медиадеятели» стали активно защищать от неё свои «кормушки». Появилось такое, совсем вопиющее явление, как активное противостояние патриотическому направлению. Примером служит противодействие творчеству Ильи Резника. Он *«знает об этой проблеме как никто другой. Известный поэт не так давно написал реквием о погибших героях спецоперации. Но его не взял в ротацию ни один федеральный канал»* [6].

Особая боль, это отечественная система образования, среднего и высшего.

Вузовская и научная интеллигенция в определённом смысле предали российскую систему образования. Охотно влились в Болонскую систему, которая внедрялась в России с главной целью — максимально упростить и облегчить людям, получившим образование в России и за Российские деньги (прежде

всего — государственные), возможность эмигрировать и успешно пристроиться на Западе. Это, в значительной мере, выращивание предателей за государственный счёт.

Общим местом всех образовательных реформ стала ликвидация воспитательной функции образовательных учреждений (в том числе и в патриотическом направлении). Причём создаётся впечатление, что это тоже произошло не злонамеренно, а как-бы случайно, само собой. Воспитание «отпало» от образования за ненадобностью и нереализуемостью. Для образовательного бизнеса, ориентированного на оказание образовательных услуг в воспитании нет никакой нужды, следовательно, и заниматься этим ненужно. А если даже есть желание заниматься воспитанием, то на это нет реальных возможностей, поскольку неясно на каких принципах, «идеях» воспитывать. Идеологии-то у нас как-бы нет. Ну а то, что нужно для подспудно культивируемого либерализма — индивидуализм, корыстность и другие столь-же важные личностные качества воспитываются сами собой, без специальных усилий со стороны образовательного учреждения. Жизнь учит.

Социогуманитарная наука после краха «самого передового и единственно верного» марксистско-ленинского учения обнаружила сильную тенденцию к тому, чтобы стать анти - отечественной. Дело не в том, что она в значительной степени наполнилась комментариями и трактовками произведений западных учёных. Это всё, безусловно, нужно сейчас и, полагаю, будет нужно всегда, поскольку учёных на Западе больше чем в России в силу того, что там вообще народа многократно больше и, соответственно, интенсивность всех общественных практик, включая науку, значительно выше. И нет ни научного, ни какого-либо другого позитивного смысла отгораживаться от этой научной стихии.

Однако, надо иметь определённую ориентацию в том, для чего и для кого существует и развивается отечественная наука. На мой взгляд, она существует и развивается для Отечества, для пополнения его интеллектуального и духовного богатства, для

применения, интерпретации в отечественном обществе, содействия его всестороннему развитию.

Однако многие учёные придерживаются совсем иных воззрений. Очень показательна точка зрения выдающегося исследователя Н. С. Розова: *«Нравится нам или нет, но геокультурные зоны интеллектуального престижа лежат вовне России — на Западе. ... Важное следствие: российские исследователи и исследования получают наибольший престиж на родине, будучи признаны на Западе [9, с. 195]. Далее ... приложить большие усилия для публикации результатов в наиболее авторитетных отечественных и, главное, западных журналах, добиваться включения своих идей и результатов в западные дискуссии, после этого — пропагандировать и расширять такого рода исследования в России ... без этих усилий можно смело прогнозировать, что ... интеллектуальная стагнация продолжится» [9, с. 196].*

Таким образом, основная цель отечественной науки — пробиться в западные журналы и западные дискуссии, добиться признания на Западе. То есть, развивать отечественную науку надо для того, чтобы внести свою лепту в развитие западной науки. На мой взгляд, это в чистом виде интеллектуальное предательство.

Есть ещё немало «грядок», на которых возделывается предательство.

Особо печальны постоянные нападки на Православную церковь и попытки её дискредитации, происходящие со стороны представителей разных слоёв отечественной интеллигенции. Это тоже элемент духовного предательства. За недостатком места сошлюсь только на информацию об одном явлении этой направленности [7].

Таким же элементом предательства является и отношение к русскому языку. *«Язык наш корчится в тоске» [3, с. 13]. «Прямой эфир и запрет цензуры упростили устную речь. Низкий уровень журналистов, порой не имеющих специального образования, привел к тому, что их принципом стало быть зеркалом народной речи, порой загрязненной не только нелитератур-*

ными словами и формами, но даже ненормативной лексикой» [1, с. 228]. О паталогическом неуважении к России и русскому языку свидетельствует и обилие вывесок магазинов и других заведений на иностранном языке.

Сохранение или приобретение уважения один из важнейших факторов преодоления феномена предательства.

С чего начинается Родина? Как известно из песни¹, есть много вариантов ответа. Возможно, они все в той или иной степени важны, но, на мой взгляд, один из важнейших душевных родников, питающих патриотические чувства и настроения, является уважение к людям, прежде всего уважение и почтение к старшим – живущим рядом или вдалеке, жившим недавно и давно.

Если такое чувство является органической частью души, то человек по собственной воле не покинет Отечество навсегда и, если будет необходимо, встанет на его защиту. Иначе, что или кого в критическом случае человек будет защищать? Наверное, только семью и источник доходов. Но при желании и то и другое можно переместить за границу, найти новую, более выгодную родину и там защититься от старой.

Вопрос, поставленный в заголовке статьи, к сожалению, остаётся без определённого ответа. Однако, есть сильная надежда на то, что жизнь даст положительный ответ. Да, победим!

Основанием для этого служат и происходящие под влиянием СВО изменения в общественном сознании, явно обнаруживаемая в связи с этим духовная (ментальная) деградация Запада, лишаящая его привлекательности, и, самое главное то, что сохранились ещё интеллигенты (именно интеллигенты, а не интеллектуалы) и в высшей и в средней школе, прививающих своим студентам и ученикам любовь и уважение к Родине (и малой и большой), к отечественной культуре, а также отдают много интеллектуальных и душевных сил сохранению и восстановлению культурной и исторической памяти.

¹ Песня из кинофильма «Щит и меч». Слова поэта Михаила Матусовского.

Ярким примером этого является, без преувеличения, подвигническая деятельность Владимира Александровича Порозова, учёного-интеллигеноведа из Перми. Им изданы монографические исследования жизни и творчества выдающихся солистов оперы, сборники документов, материалов и воспоминаний, посвященный выдающимся артистам, книги по истории и культуре Прикамья, истории музыкального театрального искусства Перми, а также сборники стихов.

Важны и личные впечатления от живого общения с людьми. Во время участия в интеллигеноведческой конференции в г. Иваново в 2024 году меня сильно и очень приятно поразила патриотическая настроенность коллег из Ивановского университета и воспитанность, интеллигентность студентов этого университета и его Шуйского филиала.

Наверное, нестоличные и особенно малые города являются живыми корешками, из которых, возможно, и произрастут обновлённое российское общество, которое сделает Россию снова великой и победа будет за нами!

Чтобы это быстрее стало реальностью надо любить Россию, такую как была, такую как есть. И сейчас очень актуальны проникновенные слова великого русского писателя Н. В. Гоголя: *«Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви»* [5, с. 295].

Библиографический список

1. Былин С. Н. Деградация русского языка в современном мире // Инновации и научно-техническое творчество молодежи: материалы росс. науч.-техн. конф., Новосибирск, 20—21 апреля 2022 г. Новосибирск: СибГУТИ, 2022. С. 227—230.
2. Васильев Н. Н. Социокультурная болезненность российского общества и эволюция интеллигенции. // Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XX в.: Результаты и перспективы: материалы 30-й

- Междунар. научно-теорет. конф. Иваново, 26—27 сентября 2019 г. Иваново: Иван. гос. у-нт, 2019. С. 10—15.
3. *Воронцов А. В.* Русский язык в социально-политическом аспекте. СПб: Знание. 2009. 55 с.
 4. Где теперь живут бывшие высшие чиновники РФ. URL: https://dzen.ru/a/ZF_mIoXMuUgJKhc6 (дата обращения: 24.04.2025).
 5. *Гоголь Н. В.* Нужно любить Россию (Из письма к гр. А. П. Т.....му) // Гоголь Н. В. Нужно любить Россию / сост., предисл. и коммент. В. А. Воропаева. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 29—296.
 6. Илья Резник объяснил, почему песни о героях СВО игнорируют на телевидении. URL: <https://ok.ru/zdesnettem/topic/157470152503470> (дата обращения: 24.04.2025).
 7. «Крестопад» — не случайность, а продуманная политика. URL: <https://rusvesna.su/news/1745005633> (дата обращения: 24.04.2025).
 8. О проблемах русской массовой культуры. URL: <https://rusvesna.su/news/1738938540> (дата обращения: 24.04.2025).
 9. *Розов Н. С.* (Не)Мыслящая Россия. Антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Политическая концептология. 2009. № 1. С. 179—198.
 10. *Шатров М. Ф.* Так победим!: Шесть пьес о Ленине. М.: Искусство, 1985. 333 с.
 11. «Я хотел рассказать правду». Боевой офицер снял фильм о буднях СВО. Почему его нужно посмотреть всем россиянам? URL: <https://lenta.ru/articles/2025/04/24/artemovfilm/> (дата обращения: 24.04.2025).

УДК 314.743

А. А. Голосеева

старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Москва)

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ: АНТИФАШИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
В. М. ЧЕРНОВА**

Статья посвящена обзору антифашистских публицистических работ (в том числе неопубликованных) одного из лидеров партии эсе-

ров В. М. Чернова, написанных в эмиграции начиная с 20-х гг. XX в. Подчеркивается его патриотизм, основанный на прочных гуманистических и демократических убеждениях.

Ключевые слова: В. М. Чернов, партия социалистов-революционеров в эмиграции, эсеры в эмиграции, русская эмиграция, Вторая мировая война, антифашизм.

A. A. Goloseyeva

Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research —
Branch of the FCTS RAS (Moscow)

INTELLECTUAL RESISTANCE OF RUSSIAN EMIGRATION: V. M. CHERNOV'S ANTIFASCIST JOURNALISM

The article is devoted to the review of antifascist journalistic works (including unpublished ones) by one of the leaders of the Socialist-Revolutionary Party, V.M. Chernov, written in exile since the 20s of the XX century. His patriotism, based on strong humanistic and democratic beliefs, is emphasized.

Key words: V. M. Chernov, Party of Socialist-Revolutionaries in exile, SR's in exile, Russian Emigration, World War II, antifascism.

Виктор Михайлович Чернов (1873—1952), один из лидеров и главный теоретик партии социалистов-революционеров, своими антифашистскими публикациями и публичными выступлениями, безусловно, внес весомый вклад в культурное и интеллектуальное сопротивление фашизму.

В. Чернов находился в эмиграции с 1920 г. В отличие от многих интеллектуалов правого крыла русской политической эмиграции, которые в разные периоды и в разной степени поддавались очарованию фашистской идеологии, социалист Чернов, как и его соратники по лево-демократическому лагерю, имел очень сильную интеллектуальную и моральную антифашистскую «прививку» против «коричневой чумы» и считал своим долгом разоблачать адептов. «Нет сомнения, в Гитлере, Муссолини, Франко и прочих аколитах нацизма перед нами — новое варварство, угрожающее самим устоям, самим основам, современно гуманитарно-демократической цивилизации» [17].

Антифашистскую публицистику Чернова можно разделить на две группы — до и после начала Второй мировой войны. При этом часть очень интересных работ осталась неопубликованной.

Первые статьи стали появляться в эсеровской прессе в начале 1920-х гг. после прихода к власти фашистов в Италии, когда немецкий нацизм еще представлялся наименьшей угрозой: «В фашизме элемент диктатуры заострен особенно ярко личностью Муссолини. Его подражатели — удачные, вроде Примо ди Ривера в Испании и Цанкова в Болгарии, или неудачные, вроде Гитлера в Баварии, представляют, конечно, плохие копии с оригинала» [6, с. 122]. Чернов и Муссолини, кстати, были знакомы: последний, бывал у них дома в Алассио в Италии 1910-х гг., когда еще был членом Итальянской социалистической партии [1, с. 127].

В 30-е годы, по мере распространения фашизма в Европе, эта тема волновала его все больше и больше. «Мы все теперь понимаем, что фашистская опасность долгое время недооценивалась, — вынужден был признать Чернов в 1934 г. — И притом недооценивалась именно его способность с силою ударять по самым чувствительным струнам клавиатуры человеческой души, нажимать на педали эмоциональной окраски всего человеческого мироощущения. Только после того, как перед победоносной колесницей фашизма стали, в припадке какой-то массовой моральной эпидемии, коленопреклоняться с криками «осанна!» широкие пестрые Толпы, покорно «самораспускаться» чуть не все политические партии (...) — только тут многим стало ясно, что их первоначальная оценка фашизма была слишком поверхностной и легковесной» [12, л. 95].

Чернов пытался осмыслить теоретические и идейные истоки фашизма (он употреблял этот термин расширительно, и по отношению к немецкому нацизму в том числе) и ответить на вопрос, ответ на который Европа будет искать еще многие годы после окончания Второй мировой войны: почему чудовищные преступления нацизма совершались с молчаливого одобрения большинства граждан? Как стало возможным то, что получило

название «координация» (Gleichschaltung) [5, с. 72] — массовое добровольное политическое вовлечение в Германии в начале нацистской эры, чтобы обезопасить себя или просто не потерять работу.

В статье «Новое средневековье» Чернов писал: «Нацизм пустил корни. Он овладел промышленностью, армией и литературой. Германская техника вооружила его до зубов. Германские университеты и германская наука послушно подводят под него теоретическую базу, германское искусство расцветивает и украшивает для него триумфальную арку» [13, л. 239]. Именно эта активная поддержка интеллигенции и деятелей культуры и позволила нацистам беспрепятственно творить свои преступления против человечности.

«Еще так недавно было распространенным убеждение, что фашистское движение является целиком и без остатка делом бессовестных демагогов, с одной стороны, слепой деклассированной черни, с другой. С этой точки зрения, конечная победа фашизма в такой культурной и мощной стране как Германия являлась загадкой. Такой загадкой, которую даже страшно разгадать, — не лежит ли на дне чаши познания горького и ядовитого осадка: потери веры в человечество» [12, л. 94].

Как социалиста, его волновала судьба европейской социал-демократии, не сумевшей вовремя консолидироваться (вину за это он во многом возлагал на Коминтерн [8, с. 266—267]) и капитулировавшей перед фашизмом. Причины этого он подробно анализировал в неопубликованной работе «Демократия, диктатура, социализм»: «Перед лицом ударной тактики фашизма ей оставалось либо отступать вплоть до капитуляции, либо героически сопротивляться вплоть до физической гибели. Первый путь избрала Германия, второй — Австрия. Морально и эстетически картина была различна, но практические последствия оказались одни и те же — полное поражение» [14].

Анализируя международную обстановку в начале 1939 г. и предчувствуя скорое начало мировой войны, Чернов полагал, что единственная возможность избежать катастрофы — объединение СССР и западных демократий перед лицом общего врага, чтобы треугольнику Берлин—Рим—Токио противостоял четы-

рехугольник Вашингтон—Лондон—Москва—Париж. «Но Лондон не верит Москве, Москва не верит Лондону; Вашингтон еще не поборол изоляционистских настроений, а Париж растерян. Отсюда — Мюнхен, который, естественно расценивается на Востоке Европы как сепаратный мир англо-французского блока с блоком германо-итальянским за счет всего славянского мира вообще и за счет России, в частности. Отсюда — вся та неразбериха, хаос и всяческая ерунда, которая творится в Европе» [1, с. 272].

Известие о начале Второй мировой войны застало Чернова в Париже, который он покинул за два дня до вступления в город немецких войск. Перед окончательным отъездом в Америку, он ненадолго заехал на остров Олерон, где жила его семья: вторая жена О.Е. Колбасина-Чернова и дочери с семьями. Все они станут активными участниками движения Сопротивления на о. Олерон, память о котором сохранена в воспоминаниях очевидцев [3, 4, 10].

К тому моменту как Чернов приехал в Нью-Йорк, там уже находились многие деятели партии социалистов-революционеров. Хотя Чернову было уже 68 лет и не все благополучно со здоровьем, он активно включился в работу в нью-йоркской эсеровской группы.

Все происходившее в Советском Союзе очень волновало русских эсеров и обсуждалось ими на страницах таких эмигрантских журналов как «За свободу!» (выходит до 1948) [2], первый номер которого вышел в Нью-Йорке в мае 1941 года, «Нового журнала» [7] и др.

С началом Великой Отечественной войны оказание помощи и поддержки народам Советского Союза в их противостоянии германскому агрессору авторы журнала стали считать важнейшей задачей. Статьи Чернова касались крупных событий на советско-германском фронте [19, 18], состояния советской экономики [16], немецкого антисемитизма [15], внутренней и внешней политики СССР проблем послевоенного устройства мира и т. д.

Чернов никогда не сомневался, что абсолютно любая диктатура не может быть вечной, и режим Гитлера — не исключение. В этом смысле показательная его большая неопубликованная работа «Муки родов Новой Европы», которую он написал по итогам встречи Гитлера и Муссолини в Бресте в августе 1941 года, подробно освещавшейся в итальянской прессе. В самом начале ВОВ, при крайне тяжелой обстановке на восточном фронте, Чернов смотрит в будущее и размышляет о возможном политическом устройстве Европы после разгрома фашизма.

Планы Гитлера и Муссолини по унификации послевоенной Европы он развенчивает как мечты о «гегемонии какого-то одного избранного государства (или одной избранной национальности, или расы, или, наконец, «Оси») чье господство приведет к одному знаменателю все народы, сведя их к одному уровню — пассивных ОРУДИЙ организующего мир гегемона» [17].

Чернов со своей стороны считает, что будущее объединение Европы неизбежно, однако «молодые» государства Восточной Европы со своей стороны должны позаботиться о том, чтобы не стать экономическим придатком старых европейских демократий. Для этого, и это его давняя идея еще со времен создания Социалистической Лиги Нового Востока [11, с. 83], вместо СССР нежно создать объединение независимых государств Востока Европы на основе равного демократического партнерства.

Стоит отметить, что, несмотря на свою патриотическую позицию, Чернов не прекращал жесткой и критики сталинского режима и искренне надеялся, что после победы над фашизмом на российской земле произойдут демократические перемены, и народы СССР получают возможность избавиться от большевистской диктатуры: «Позволительно думать, что кричащее несоответствие между антидемократичностью внутреннего строя Советского Союза и его вхождением в мировой демократический блок будет смягчено, если не совершенно устранено» [17].

Но по мере приближения победы над фашизмом, для Чернова становилось очевидным, что возможностей для демократизации политического режима СССР оставалось все меньше. Однако главную опасность для мира, свободы и демократии Вик-

тор Михайлович по-прежнему видел в фашизме и призывал объединить на борьбу с ним усилия всех демократических стран и всех народов.

Американские эсеры стали инициаторами специальной кампании в поддержку бойцов Красной Армии, оказавшихся в немецком плену и оставленных на произвол судьбы советским правительством. «Русские в Америке через Американский Красный Крест направляют пищевые посылки для русских военнопленных, находящихся в Германии. Помощь России и русским военнопленным в Германии есть помощь делу демократии — и мы призываем к этому наших читателей и сочувствующих», писал журнал «За свободу!» [9]. Чернов неоднократно совершал поездки с антифашистскими лекциями и докладами по американским городам, в ходе которых рассказывал американцам о героической борьбе советских людей против фашизма и призывал оказывать материальную помощь народам Советского Союза в этой борьбе.

До конца Второй мировой войны Виктор Михайлович продолжал свою патриотическую деятельность, надеялся на позитивные сдвиги в СССР в сторону демократических преобразований. Но по мере приближения победы эти надежды рассеивались.

Библиографический список

1. Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П. Виктор Чернов: жизнь русского социалиста. М.: Ключ-С, 2015. 368 с.
2. Аврус А. И., Новиков А. П. Эсеровский журнал «За свободу» о внутренней и внешней политике СССР в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. ст. Саратов, 2005. Вып. 5. С. 313—323.
3. Андреев В., Сосинский В., Прокиш Л. Герои Олерона. Минск, 1965.
4. Андреева-Карлайл О. В. Остров на всю жизнь. М.: АСТ, 2021. 282 с.
5. Арендт Х. «Что остается? Остается язык». Беседа с Гюнтером Гаусом // Опыты понимания. 1930—1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М.: Изд-во института Гайдара, 2018. 712 с.

6. Булатов В. [В.М. Чернов] Враждующие близнецы // Воля России. 1924. № 14/15. С. 121—130.
7. Голосеева А. А. Социально-политическая позиция эсеров в годы Второй мировой войны (по материалам эмигрантской прессы в США) // Клио. 2015. № 10 (106). С. 33—40.
8. Коновалова О. В. В.М. Чернов о путях развития России. М.: РОС-СПЭН, 2009. 383 с.
9. Помощь России // «За Свободу!». 1943. № 10—11. С. 5.
10. Сосинский А. Б. Мой отец — легенда. М.: Изд-во МЦНМО, 2023. 112 с.
11. Суслов А. Ю. Социалистическая Лига Нового Востока как проект объединения эмиграции (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 82—86.
12. Чернов В. Интеллигенция и фашизм // Государственный архив Российской Федерации. Р-5847. Оп. 1. Д. 5. Л. 95—108 (далее — ГАРФ).
13. Чернов В. Новое Средневековье // ГАРФ. Р-5847. Оп. 1. Д. 34. Л. 239—245.
14. Чернов В. М. «Демократия, диктатура, социализм: К итогам марксизма» // Hoover Institution Library & Archives. V. M. Chernov writings. Box 388. Folder 18, 21.
15. Чернов В. М. Антисемитизм немецкий и русский // Новый журнал. 1942. № 2. С. 272—282.
16. Чернов В. М. К познанию советской экономики // «За Свободу!». 1942. № 6—7. С. 9—16.
17. Чернов В. М. Муки родов новой Европы // Hoover Institution Library & Archives. V. M. Chernov writings. Box 134. F. 8.
18. Чернов В. М. Пятый год войны // «За Свободу!». 1943. № 14. С. 1—11.
19. Чернов В. М. Сталинград // «За Свободу!». 1943. № 10—11. С. 6—14.

О. Н. Ерошкина

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В работе на основе личных документов советской интеллигенции определяются общественно-политические вызовы, с которыми ее представители столкнулись в довоенный период истории СССР, и их влияние на формирование позиции советской интеллигенции в начале Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: советская интеллигенция, общественно-политические настроения советской интеллигенции, начало Великой Отечественной войны.

O. N. Eroshkina

Associate Professor, St. Petersburg State University (Saint Petersburg)

CHALLENGES AND RESPONSES OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The work, based on personal documents of Soviet intelligentsia, identifies the socio-political challenges that its representatives faced in the pre-war period of the USSR's history, and their impact on shaping the position of the soviet intelligentsia at the beginning of the Great Patriotic War.

Key words: Soviet intelligentsia, socio-political sentiments of the Soviet intelligentsia, the beginning of the Great Patriotic War.

К началу Великой Отечественной войны советская интеллигенция состояла из представителей как дореволюционной, так и советской формации. На ее общественно-политические настроения существенное влияние оказывал политический курс

советского руководства. В период НЭПа между Советской властью и отечественными специалистами сложились отношения плодотворного сотрудничества и взаимодействия в подготовке и осуществлении многих проектов и программ развития страны. Однако с началом перехода СССР к форсированному социалистическому строительству в этих отношениях произошел глубокий перелом. Все чаще представители интеллигенции, особенно дореволюционной, стали ощущать себя не равноправными участниками жизни страны, а временными и случайными попутчиками тех, кто созидает в СССР новое прогрессивное общество. Преподаватель Эстонского педагогического института в Петрограде С. Бережков так отразил в своем дневнике происходящее вокруг: «Среди многих высказываний политических наших заправил задержала мое внимание одна мысль; речь шла об отношении к различным группам населения; признавалось наличие слоя капиталистического по отношению к ним, говорили ответственные лица, такая политика: “из них выжимают все, что можно, оставляя лишь столько, чтобы сохранить их для выживания их в будущий год”» [6]. Тревожные опасения вскоре не только подтвердились, но и дополнились открытыми обвинениями специалистов во вредительстве социалистическому строительству и сопровождались политическими репрессиями.

Процессы по таким делам, как «шахтинское», «академическое», «промпартии» трагически сказались на судьбах многих представителей советской интеллигенции. Владимир Иванович Вернадский, выдающийся отечественный ученый-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, в тот период избежал политических гонений и репрессий. Однако среди его знакомых и друзей еще со студенческих времен многие в той или иной мере подверглись преследованиям по политическим мотивам. С. Ф. Ольденбург, И. М. Гревс были лишены полноценной возможности использовать свои знания и практический опыт на благо обновления страны и подготовки советских специалистов. Д. И. Шаховской по надуманным обвинениям был арестован и погиб в заключении. Недостойное отношение к творческому наследию выдающихся деятелей отечествен-

ной науки и культуры, как, например, В. Г. Короленко, родственника В. И. Вернадского, также вызывало у него тяжелые раздумья. Реагируя на эти события, В. И. Вернадский записал в своем дневнике: «Вместо жандармов — ГПУ. Короленко сейчас во множестве — те же приемы и те же типы. Особенно это чувствуется здесь в Ленинграде, как и в Старом Петербурге королевского времени. Здесь старое переплелось с новым и живым и важным и его гноит» [1, с. 17]. Подобные проявления стали для В. И. Вернадского серьезным вызовом. Однако размышления над происходящим и его анализ привели В. И. Вернадского к выводу, что виной всему не политический курс, предлагаемый советским руководством, а бюрократия, воплощающая его в жизнь. В ней, по мнению В. И. Вернадского коренились многие проблемы и срывы при осуществлении планов реконструкции в СССР. Особенности страдания у В. И. Вернадского вызывали сведения о положении на Украине, с которой он был коренным образом связан. Последствия коллективизации порождали у него много вопросов и выводов: «Какое положение на Украине? Урожай ожидается хороший, но из разных сторон поправки. Самый ужасный 1933—1934; умирали с голоду; людоедство» [1, с. 20]. Не менее противоречиво, с серьезными перегибами, по наблюдению В. И. Вернадского, происходила и украинизация: «По мне впечатление такое, что верхи русские — по инерции стоят за украинство; и выгодна украинизация в смысле языка и быта. С этой точки зрения правильна борьба против попыток увеличить различия между украинским и русским языками. Комиссия, чистившая партию от украинских националистов созвана. Ярославский стоял во главе. Вся литература за период до 1932—1933 уничтожена и изъята из библиотек. Научно работать страшно трудно. Научная работа — из всех “практических” (исследований) выбрасывается. Население терроризировано — но относится к власти с ненавистью. По-видимому, скрытая борьба внутри партии» [1, с. 20, 26]. «Все больше углубляется у меня впечатление непрочности основ современного устройства России, а, может быть, и строя. Во что обернется все, если не будет Сталина-Молотова, даже если не будет внешней вой-

ны...», — заключил В. И. Вернадский в своем дневнике 19 декабря 1938 года [1, с. 4].

Ольга Федоровна Берггольц представляла новое поколение советской интеллигенции. Она родилась и выросла в религиозной семье с традиционными устоями, но атмосфера созидания нового общественного строя оказала на нее решающее влияние. В возрасте 14 лет она записала в своем дневнике: «...я рвусь в комсомол! Я считаю коммунизм самым верным, самым лучшим строем» [5, с. 55]. Но в 1929 году у нее закрадывается сомнение в безупречности советских порядков. Посетив А. А. Ахматову и узнав о том, что в опубликованном сборнике ее стихов оказалось множество купюр, О. Ф. Берггольц выразила возмущение: «Боже мой, какая тупость, какая реакция. Третье отделение какое-то. А репрессии над троцкистами?» [7, с. 297—298]. Арест в 1937 году Бориса Корнилова, первого мужа Ольги Берггольц, а затем и её собственное полугодовое тюремное заключение с 14 декабря 1938 года по 3 июля 1939 года по обвинению в антисоветской контрреволюционной деятельности потрясли и опустошили её. «Я круглый лишенец. У меня отнято всё, отнято самое драгоценное: доверие к Советской власти, больше, даже к идее её.... Всё или почти всё до тюрьмы казалось ясным: всё было уложено в стройную систему. Где, когда, почему мы выскочили из колеи?» — мучительно размышляла она [4, с. 31, 34, 41].

Представленные документальные свидетельства позволяют сделать вывод о том, что в среде советской интеллигенции, независимо от условий формирования ее представителей, к концу 1930-х годов под влиянием политических преследований зародились не только чувство обиды, но и сомнение в справедливости существующих в СССР порядков. Подобные настроения могли привести к отказу от сотрудничества с Советской властью. Жизненный опыт подсказывал В. И. Вернадскому правильную линию поведения. Он стремился избегать официальных собраний, где зачастую надо было требовать смертной казни «подлым убийцам», уклонялся от подписывания коллективных обращений подобной направленности, раболопных адресов,

но одновременно оказывал моральную поддержку ученым, подвергшимся несправедливым обвинениям, помогал материально и морально семьям репрессированных. Главному же делу своей жизни, научным исследованиям, он не изменял.

О. Ф. Берггольц пережитое также не сломило. Она вышла из него преображенной, закаленной и разграничила понятия «власть» и «народ», «Отечество». Последним готова была служить так же жертвенно и самозабвенно. Трагические события и потрясения, случившиеся в судьбе О. Ф. Берггольц, как будто готовили ее к еще большим испытаниям. В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война советского народа с фашизмом, она в стихотворной форме заявила: «И все яснее мне, что я всегда жила для этих дней, для этого жестокого рассвета» [3, с. 75]. В конце июня О.Ф. Берггольц направили на работу в Радиокомитет, а уже в августе состоялось ее первое выступление у микрофона. В начале января 1942 года в самые тяжелые и критические для Ленинграда дни Ольга Федоровна перешла на казарменное положение в Радиокомитет. К этому времени уже наблюдались массовые смерти ленинградцев от голода. Заболел дистрофией и 29 января умер муж О. Ф. Берггольц, Н. Молчанов. Начала развиваться тяжелая форма дистрофии и у нее самой. В феврале 1942 года был арестован, а в марте выслан в Красноярский край отец Ольги Федоровны. Превозмогая страдания, потери и лишения, она, тем не менее, продолжала работать и творить. 22 февраля в 195-ом выпуске «Радиохроники» Берггольц прочитала свой «Февральский дневник». Опасаясь за жизнь О. Ф. Берггольц, под предлогом командировки 1 марта 1942 года друзья и коллеги отправили ее в Москву. Но она не смогла там жить: «Я только теперь вполне ощутила, каким, несмотря на все наши коммунальные ужасы, воздухом дышали мы в Ленинграде: высокогорным, разреженным, очень чистым» [4, с. 202]. 20 апреля 1942 года Берггольц вернулась в Ленинград. Она снова была вместе со сражающимся городом.

В. И. Вернадский вскоре после начала Великой Отечественной войны в составе группы академических работников и их семей был эвакуирован в Казахстан. Он очень активно следил за

информацией о событиях на фронте, возмущался ограниченным и нередко неточным их освещением в сводках Совинформбюро. Размышляя о положении Москвы и налетах на нее, он записал в своем дневнике: «Молчание информационного бюро не означает, что налетов не было. Во главе Совинформбюро стоят бездарные, ограниченные люди, каковы и Ярославский, и Лозовский — это сказывается и в их статьях, и в их выступлениях» [2, с. 27]. Однако, отмечая бездарность и преступную некомпетентность государственной и партийной бюрократии, В. И. Вернадский уверенно прогнозировал скорый разгром фашистов: «Если правительство не сделает грубой ошибки — гибель гитлеризма в ближайшее время неизбежна и быстро — немногие месяцы. Основные линии верны. Создание сознательное могущественной военной силы, независимой от извне в своем вооружении, примат в данном моменте этого создания в государственной жизни — правильная линия, взятая Сталиным. Настроение кругом это создает здоровое. Принципы большевизма — здоровые — трутни и полиция — язвы, но здоровые основы, мне кажется, несомненно, преобладают. Страна при миллионах рабов (лагеря и высылки НКВД) выдержит эту язву, так как моральное окружение противника еще хуже» [2, с. 27]. Можно предположить, что В. И. Вернадский выражал уверенность в скорой победе над фашистами из-за плохой информированности. Однако дневниковые записи последующих месяцев содержат столь же оптимистичные прогнозы. Так, в августе 1941 года в дневнике отмечено: «Все-таки немцы наступают. Я глубоко убежден в их близком провале» [2, с. 37]. Даже получая от новых приезжающих в эвакуацию информацию о дальнейшем продвижении фашистов, об оставлении Смоленска, В. И. Вернадский продолжал верить в окончательный разгром врага: «А между тем я по-прежнему считаю гибель гитлеровской Германии неизбежной и, вероятно, являюсь наибольшим оптимистом — благодаря сознанию ноосферы» [2, с. 39].

Тем самым, научные исследования, которыми В. И. Вернадский занимался всю сознательную жизнь, созданное им учение о ноосфере помогали ему в анализе и предвидении общест-

венно-политических процессов как внутри страны, так и на мировой арене. Находясь в эвакуации, В. И. Вернадский, которому было уже 78 лет, продолжал заниматься научными разработками. При этом, на первое место были вынесены те задачи, которые напрямую касались борьбы с фашизмом и помощи фронту: «Тематика должна быть пересмотрена с точки зрения войны. Из предложений новых — витамины (шиповник), поиски каучуконосов» [2, с. 36]. В то же время, как не покажется странным, В. И. Вернадский внимательно изучал положение в Казахстане и даже написал книгу о нем: «Одновременно я кончил книжку “Казахстан” — XX лет Казахской ССР. Я ясно почувствовал глубину и силу большевиков на этом примере. Здесь революция еще глубже, чем у нас: сметен тот эксплуататорский слой (баи), который царил. Лицо народа изменилось. Прежние батраки идейно сознательно создают новое общество» [2, с. 36]. Однако нельзя не отметить, что В. И. Вернадский, обладая даром научного предвидения, занимаясь актуальными разработками, одновременно определял научные проблемы на перспективу. В этой связи необходимо отметить его пристальное внимание к изучению явления радиоактивности [2, с. 104]. Будучи создателем и до 1939 года руководителем Радиевого института, он летом 1940 года инициировал исследования урана на получение ядерной энергии, а 13 марта 1943 года обратился к Президенту АН СССР В. Л. Комарову с запиской о необходимости восстановления деятельности Урановой комиссии, «имея в виду как возможность использования урана для военных нужд, так и необходимость быстрой реконструкции последствий разрушений от гитлеровских варваров» [2, с. 495].

Таким образом, на примере приведенных документальных свидетельств различных по условиям формирования, сферам деятельности, жизненному опыту представителей советской интеллигенции можно заключить, что довоенные общественно-политические вызовы, изменившие многие судьбы, не сломили, а закалили большинство из них. Ответом на эти вызовы стали любовь к Родине, готовность жертвовать собой ради ее спасения и вера в конечную победу над врагом, ярко продемонстрирован-

ные советской интеллигенцией в начале Великой Отечественной войны, в самые тяжелые ее дни и месяцы.

Библиографический список

1. Вернадский В. И. Дневники. 1935—1941. В 2 кн. Кн. 1: 1935—1938. М., «Наука», 2006. 443 с.
2. Вернадский В. И. Дневники. Июль 1941 — август 1943. М.: РОС-СПЭН, 2010. 542 с.
3. Вспоминая Ольгу Берггольц. Л.: Лениздат, 1979. 591 с.
4. Ольга. Запретный дневник. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. 544 с.
5. Прозорова Н. А. Ольга Берггольц: Начало (по ранним дневникам). СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2014. 288 с.
6. Центральный государственных архив литературы СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 22. С. 34 об.
7. «Я буду жить до старости, до славы ...». Борис Корнилов. СПб.: Азбука 2012. 528 с.

УДК 94(47).084

А. К. Калинин

директор института ДПО, Верхневолжский государственный
агробиотехнологический университет (Иваново)

В. В. Комиссаров

профессор, Верхневолжский государственный
агробиотехнологический университет (Иваново)

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ: ВОЕННАЯ МЕМУАРИСТИКА В ТЕНЕТАХ СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Анализируется практика цензурного контроля советской военной литературы, в первую очередь военных мемуаров. Отмечаются особенности этого процесса. В публикации использованы архивные данные, впервые использованные в научном обороте.

Ключевые слова: мемуаристика, военные мемуары, беллетристика, цензура, военная цензура, Главное управление по охране государственных тайн в печати (Главлит).

Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025—03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».

A. K. Kalinin

director of the Institute of Additional Professional Education, Upper Volga State Agrobiotechnological University (Ivanovo)

V. V. Komissarov

Professor, Upper Volga State Agrobiotechnological University (Ivanovo)

PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY OF THE WAR: MILITARY MEMOIRISTICS IN THE SHADOW OF SOVIET CENSORSHIP

The article analyzes the practice of censorship control of Soviet military literature, primarily military memoirs. The peculiarities of this process are noted. The publication uses archival data used for the first time in scientific circulation.

Key words: memoiristics, military memoirs, fiction, censorship, military censorship, the General Directorate for the Protection of State Secrets in the press (Glavlit).

The article was prepared within the framework of the technical assignment for the implementation of research work commissioned by Ivanovo State University № 2025—03 “Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia”.

В СССР 1960—1970-х гг. придавалось первостепенное значение изданию литературы о Великой Отечественной войне, включая и мемуары участников войны, в первую очередь, видных военачальников, государственных и партийных деятелей. Как и все публикуемые в стране книги они проходили тщатель-

ное цензурирование. Факт редакторских и цензорских вмешательств легко установить, сравнивая различные издания одних текстов. Например, в СССР тремя изданиями, в 1965, 1980 и 1989-м гг., были выпущенные в свет воспоминания уроженца Ивановской области, генерала армии Александра Васильевича Горбатова «Годы и войны». Причем только первое издание было прижизненным, остальные печатались после смерти автора, наступившей в 1973 г. Но только издания постсоветского времени наиболее близки к авторской рукописи, предыдущие подверглись цензурным изъятиям, характер которых отражает изменения политической конъюнктуры. Так в издании 1965 г. были удалены фрагменты о боевой подготовке войск в послевоенный период, например, значительно сокращен эпизод о крупных воздушно-десантных учениях 1950-х гг., которыми А. В. Горбатов руководил в свою бытность командующим ВДВ. Также изъято упоминание о Тоцких общевоинских учениях с использованием ядерного оружия, в которых участвовал мемуарист. Однако в этом издании автору удалось сохранить большую главу под красноречивым названием «Так было», где рассказывалось об аресте А. В. Горбатова, его пребывании в тюрьме и лагере накануне войны. Он подробно описал пыточное следствие, издевательства в лагере, даже назвал фамилии сотрудников НКВД — своих истязателей [1, с. 95—122]. Следует полагать, что к моменту публикации книги эти люди были живы, но это единственная форма воздаяния, которую мог себе потребовать А. В. Горбатов в то время. В силу данных обстоятельств мемуары генерала разошлись, «как горячие пирожки» и сразу же стали библиографической редкостью. Но, с другой стороны, они тотчас подверглись критике в печати. И хотя оппоненты не ставили в вину А. В. Горбатову обнародование темы репрессий, это могло быть скрытым побудительным мотивом. Поэтому второе издание появилось уже 7 лет спустя после смерти автора и подверглось в этой части серьезным купюрам.

Причем такую тенденцию мы можем наблюдать не только в продукции Воениздата, но и в книгах, выходивших в других издательствах. Так в 1969 г. в Политиздате, в мемуарной серии

«О времени и о себе» напечатали 2-е издание воспоминаний известного авиаконструктора Александра Сергеевича Яковлева «Цель жизни». В ней была достаточно объемная глава, посвященная Сталину. И хотя в целом она была выдержана в комплиментарных оценках, в финале мемуарист задался вопросом об ответственности за репрессии. Помимо этого, А. С. Яковлев привел в книге ставший в последствие знаменитым анекдот о пропавшей курительной трубке Сталина. Это где Берия добился признательных показаний у 10-ти злоумышленников, в то время как трубка просто затерялась в кабинете Сталина. Сам А. С. Яковлев утверждал, что услышал его от А. А. Жданова [2, с. 509]. Помимо Берии автор упомянул в этой главе и других «опальных» политиков: Н. И. Ежова, Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина. А вот в следующем издании «Цели жизни», появившемся в 1973 г. анекдот уже отсутствовал, как и имена «вышедших в тираж» деятелей, но зато добавились подробное описание кремлевского кабинета Сталина и распорядок его работы в разные периоды [3, с. 488—501]. Так же следует отметить, что мемуары А. С. Яковлева содержали видимо первый в открытой печати рассказ о советско-германском военнотехническом сотрудничестве, начавшемся после подписания пакта Молотова—Риббентропа. В свое время мемуарист в составе правительственной делегации посетил фашистскую Германию, видел немецкие авиационные заводы, участвовал в официальных встречах с нацистскими лидерами. Конечно, воспоминания авиаконструктора в этой части не лишены умолчаний, но в целом достоверно освещают события.

Впрочем, все вышесказанное не означает, что тема репрессий совсем исчезла из военной мемуаристики. Так в 1979 г. Воениздат опубликовал воспоминания известного военного юриста, участника войны, также уроженца Ивановской области генерал-лейтенанта Николая Федоровича Чистякова. Автор прожил большую жизнь, сделал успешную карьеру в системе военной юстиции и в спецслужбах: он работал в военной прокуратуре, в Министерстве юстиции, в КГБ, в Военной коллегии Верховного суда СССР. Было бы странно, если бы столь осве-

домленный человек совсем обошел тему репрессий. И он её не обошел. Ей были посвящены примерно 3 из 256 страниц публикации. Несмотря на такую лапидарность, больше напоминающую школьный учебник, Н. Ф. Чистяков в качестве ответственных назвал не только Берию, но и еще десяток фамилий руководителей НКВД — МГБ, привел примеры пересмотра дел безвинно осужденных [4, с. 136—139]. Мемуарист не стал обходить скользкие темы и в других аспектах, например, он привел примеры несправедливого обвинения солдат на фронте. Также Н. Ф. Чистяков рассказал о такой специфической особенности позднесталинского времени, как вечерний график работы советских ведомств, который сложился из-за привычек Сталина. Сам мемуарист столкнулся с этой практикой, когда исполнял обязанности начальника канцелярии Министерства юстиции СССР [4, с. 117—118].

Анализ архивных документов показывает, что в системе советской цензуры военные мемуары проходили сложный многоуровневый контроль. На первом уровне была общая цензура, представленная Главным управлением по охране государственных тайн в печати — Главлитом. Затем военные мемуары должны были пройти контроль в военной цензуре Министерства обороны. А в некоторых случаях требовалось заключение ведомственной цензуры. Так, если воспоминания касались авиационной тематики, то они отправлялись на визирование в Министерство авиационной промышленности СССР. Такой путь, например, в 1973 г. проделали мемуары известного летчика-испытателя, участника войны Игоря Ивановича Шелеста «Лечу за мечтой» [5, л. 110]. Следует отметить, что воспоминания о войне представляли собой достаточно сложный вид текстов, включавших зачастую огромное количество различного рода фактов, событий, деталей. Сюда относились и военно-технические вопросы, подробности тактического или стратегического характера, особенности политической обстановки. Поэтому для скрупулезного цензурирования военных мемуаров часто создавались целые группы цензоров и редакторов. Например, в 1970 г. цензорам Главлита вместе с военной цензурой

пришлось проделать большую работу по подготовке к печати воспоминаний бывшего наркома связи СССР, начальника связи РККА, маршала войск связи (просим простить повторы, но это его официальные титулы) Ивана Терентьевича Пересыпкина. Из текста были удалены, прежде всего, факты, которые по мысли цензоров могли раскрыть организацию системы военной и правительственной связи в стране. Убрали упоминание о существовании в СССР особой системы правительственной телефонной связи в виде кремлевской АТС (т. н. «вертушки»). Также из текста выпали данные о подземных резервных узлах связи, организованных в годы войны в Москве, Горьком, Казани, Куйбышеве и др. местах [6, л. 36].

В некоторых случаях цензоры явно перестраховывались. Так в 1971 г. из книги о генерале Максиме Алексеевиче Пуркаеве был изъят факт, что после окончания Военной академии имени Фрунзе он командовал 1-й механизированной химической дивизией в Ярославле [7, л. 77]. С одной стороны, подобное решение кажется обоснованным: СССР до 1991 г. отрицал существование у себя химического оружия. С другой стороны — в 1930-е гг. к химическим вооружениям относились не только боевые отравляющие вещества, но огнеметы, зажигательные смеси, и, даже, средства по установке дымовых завес. Так советские танки с огнеметами в 1930-х гг. маркировались индексом ХТ — химический танк. Это полностью относится к 1-й механизированной (в реальности — моторизованной) дивизии, ее основное оружие — огнеметные танки. Боевых отравляющих веществ на вооружении не было, поэтому при соответствующих пояснениях данный факт в книге вполне мог быть сохранен.

Некоторые чрезмерные требования военной цензуры вызывали недовольство даже сотрудников Главлита. Начальник одного из отделов В. Я. Симаньков говорил на коллегии Главного управления 13 февраля 1968 г.: «В перечне есть ряд ограничений, которые давно устарели, а организации, которые заинтересованы в них, препятствуют их устранению... Много идет вмешательств по Отечественной войне. Немецкие полковники и генералы указывают, какие мы бомбили на оккупированной

территории аэродромы, а мы эти сведения публиковать не можем» [8, л. 46].

Главлитовской и ведомственной цензуре подвергались не только мемуары, но даже беллетристика, посвященная военной тематике. В ряде случаев подобное вмешательство было оправданным и благотворно влияло на качество текстов. Например, в 1972 г. на цензорский контроль попали две детективно-приключенческие повести О. Е. Кириллова «Пасмурные полигон» и «Только пять дней», посвященные деятельности советской разведки в канун и в ходе войны. Главлит совместно с военной цензурой не обнаружил в ней фактов разглашения секретных сведений и направил для визирования в КГБ [9, л. 12—23]. Именно КГБ выполнял роль ведомственной цензуры в текстах про разведку и контрразведку. В итоге один из рецензентов кандидат исторических наук, полковник Н. Пекельник указал на целый ряд фактических ошибок и неточностей. Например, он отметил, что У. Черчилль не был лордом, как это указано в повестях О. Е. Кириллова, Шелленберг в 1940 г. имел звание не обергруппенфюрера, а штурбанфюрера, Гиммер перед войной в черной форме не ходил и т. д. [9, л. 20].

Библиографический список

1. Горбатов А. В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1965.
2. Яковлев А. С. Цель жизни (записки авиаконструктора). 2-е изд. М.: Политиздат, 1969.
3. Яковлев А. С. Цель жизни (записки авиаконструктора). 3-е изд. М.: Политиздат, 1973.
4. Чистяков Н. Ф. По закону и совести. М.: Воениздат, 1979.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1474 (далее — ГА РФ).
6. ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1366.
7. ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1392.
8. ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1286.
9. ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1435.

Л. В. Климович

профессор, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (Ульяновск)

ВКЛАД ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ В ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ

Статья на основе современных исследований показывает роль преподавателей истории в формирование исторической памяти студентов вузов. Отмечено, что, несмотря на появление новых каналов получения информации: новые медиа, блогеры, преподаватели остаются основным источником достоверных и объективных знаний о прошлом, хотя и не эксклюзивным.

Ключевые слова: историческая память, преподаватель, университет, студенты

L. V. Klimovich

Professor, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk)

CONTRIBUTION OF UNIVERSITY TEACHERS TO THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF YOUTH

The article, based on modern research, shows the role of history teachers in the formation of historical memory of university students. It is noted that, despite the emergence of new channels for obtaining information: new media, bloggers, teachers remain the main source of reliable and objective knowledge about the past, although not exclusive.

Key words: historical memory, teacher, university, students

Историческая память является ядром самоидентификации индивида и общества в целом. Сам феномен исторической памяти неразрывно связан с прошлым: событиями, людьми, а вот осмысление произошедшего ориентировано на современное по-

коление и их потомков. В такой ситуации особое значение приобретает среда в которой происходит усвоение культурных ценностей индивидом. Для молодежи наиболее значимым выступают высшие учебные заведения, ведь именно там происходит их становление в профессиональном плане, завершается процесс социализации.

Вузовская интеллигенция во все времена была той средой, которая оказывала колоссальное влияние на молодое поколение. Нельзя отрицать, что в современности в молодёжной среде есть другие агенты влияния (новые медиа, блогеры и другие). Но исследования подтверждают, что на формирование взглядов и оценок прошлого большее влияние оказывают все же педагоги-историки.

Действительно сегодня преподаватель утратил уникальность источника информации, наряду с эксклюзивностью учебника, но именно на нем лежит ответственность за развитие в ученике критического мышления. Цифровизация, породившая беспрепятственный доступ к любой информации, содержащей противоречивые сведения и заведомо ложные данные о событиях прошлого, привело к актуализации роли преподавателя истории [3].

Рассматривая роль вузовской интеллигенции в формировании исторической памяти молодых людей, необходимо отметить, что структурно историческая память включает в себя несколько уровней: представления и знания, которые формируются в русле рациональных, научных концепций и исторические образы, которые основываются в том числе на эмоциональном восприятии человеком или его предками.

В научном дискурсе именно понятие «исторический образ» используется для обозначения значимых событий, закрепленных в общественном сознании индивида, группы, общности. Как считает, Л. Н. Мазур, именно образы составляют каркас исторической памяти [4].

В рамках образовательного процесса в курсах «История России» и «Основы российской государственности» заложен огромный потенциал для формирования исторической памяти студентов. Эти дисциплины призваны способствовать формиро-

ванию личности, которая осознает особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации. И главное — это «сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины» [5].

Как отмечалось выше уникальность преподавателя как источника информации утрачена, конкуренцию ему составляют те, кто преподносит исторические знания в наглядной и развлекательной форме. Эти обстоятельства требуют от современного педагога высокой квалификации, внедрение в образовательный процесс интерактивных методов обучения.

Современные исследования подтверждают, что интерес у студентов к изучению истории высокий, они осознают необходимость разбираться в исторических процессах и явлениях, но при этом считают, что в целом для этого достаточно школьных знаний [2, с. 14]. Опросы показывают, что уровень доверия молодежи к точке зрения профессиональных историков выше, чем к мнению общественно-политических деятелей на те или иные исторические события [1, с. 92].

Закономерно, что на формирование взглядов молодых людей на российскую государственность непосредственно влияют учителя и преподаватели вузов (53 %), затем студенты выделяют исторические фильмы (38 %), учебную литературу (35 %), СМИ (28 %). [1, с. 93]. В целом молодежь позитивно оценивает программу преподавания «Истории России» в вузе, а наиболее эффективными формами считают дискуссии и живое обсуждение [2, с. 19]. Для проведения таких форм занятий требуется подготовка не только педагога, но и самих учащихся, которые зачастую ограничиваются чтением учебника. Особую опасность в этой связи играет использование искусственного интеллекта при подготовке к занятиям, результаты деятельности которого могут содержать неточности и фактологические ошибки. Об этом преподаватели на примерах, должны предупреждать студентов. Второй сложностью становится низкий порог отбора релевантной информации, обучающиеся не стремятся найти в интернете наиболее полный материал, а берут первый, который

им попадется. Все это сказывается на качестве ответов и накладывает на преподавателя ответственность, за исправление допущенных ошибок и неточностей.

Со стороны преподавателя подготовка к такого рода формам семинарских занятий, требует умения справляться с противоречивостью оценок тех или иных персоналий, событий в историографии, которые озвучиваются на дискуссиях. Кроме этого, дисциплина «История России» ориентирована на выработку сознательного оценочного отношения к историческим деятелям, так чтобы исключить возникновение взаимоисключающих трактовок исторических фактов, в особенности если они имеют существенное значение для отдельных регионов России.

Исследователи подчеркивают, что при проведении практических занятий: «Уровень подготовки студентов неодинаков, поэтому преподаватель может столкнуться с низкой культурой ведения спора, недостаточным знанием фактов участников коллективного обсуждения исторических проблем, неумением уложиться в регламент» [6, с. 494]. И именно задача педагога с помощью педагогических приемов направить дискуссию в нужное русло, таким образом, чтобы у обучающихся сложилось корректное представление об изучаемых исторических процессах и в дальнейшем сформировались верные исторические образы.

Историческая память человека формируется на протяжении всей жизни, в кругу семьи, близких, друзей. СМИ, новые медиа, блогсфера стали еще одним каналом, который оказывает колоссальное воздействие на историческую память молодежи. Главными опасностями вышеназванных источников остается их неточность, недостоверность. Поэтому важна роль вузовских преподавателей, которые хотя и утратили уникальность источника информации, как подтверждают исследования остаются основным каналом получения информации о прошлом, которому доверяет молодежь.

Библиографический список

1. Галкина Е. П., Кадничанская М. И., Климович Л. В. Факторы формирования взглядов студентов вузов на российскую государственность // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 3 (28). С. 88—98.
2. Галкина Е. П., Климович Л. В. Роль преподавания гуманитарной дисциплины «История» в формировании исторической памяти молодежи (по материалам социологического исследования в г. Ульяновске) // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 9—27.
3. Котляр П. С. Медиаграмотность в условиях развития цифровых технологий // Вестник ВятГУ. 2017. № 8. С. 26—31.
4. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарн. науки. 2013. № 1(117). С. 243256.
5. Основы российской государственности: учебно-методич. комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 212 с.
6. Юмашева Т. А., Назаров В. В. Формирование исторической памяти студентов педагогического вуза в процессе преподавания учебной дисциплины «История России» // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 9, № 5. С. 489—496.

УДК 378.12(091)(470.315)

И. А. Комиссарова

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

ОБ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ИВАНОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В год 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне много пишут об участниках, событиях, подвиге тыла. Много написано и о жизни Ивановского педагогического института в годы войны. Предлагаемый материал с одной стороны носит информационный ха-

ракти, так как речь пойдет о материалах, опубликованных в газете «Ивановский университет» в 1970-е — начале 2000-х гг., с другой стороны, историографический, так как будет дана оценка тому, что и как писали об истории ИвПИ в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Ивановский государственный университет, газета «Ивановский университет», Ивановский педагогический институт, Великая Отечественная война.

I. A. Komissarova

Associate professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

ABOUT THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: BASED ON THE MATERIALS OF NEWSPAPER «IVANOVO STATE UNIVERSITY»

In the year of the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, much has been written about the participants, events and exploits of home front workers. Much has been written about the life of the Ivanovo Pedagogical Institute during the war years. The proposed material, on the one hand, is informational in nature, since it will focus on materials published in the Ivanovo University newspaper in the 1970s — 2000s, and on the other hand, it is historiographical, since it will assess what was written and how.

Key words: Ivanovo State University, newspaper «Ivanovo State University» Ivanovo Pedagogical Institute, the Great Patriotic War.

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне особое значение приобретает любая инициатива, связанная с сохранением исторической памяти. При этом ценно не только новое исследование и введение в научный оборот источников, ранее неизвестных, но и оценка уже написанного о войне и людях, которые ее пережили, теми, кто лично был знаком с участниками, работал и учился у них, в том числе самими участниками.

В данном контексте считаем, что малотиражная вузовская газета очень ценный источник информации. Так как на ее страницах можно найти: воспоминания участников войны, студентов военных лет, материалы тех, кто занимался изучением истории войны, заметки студентов. Отметим и фотографии, которые,

пусть и не в большом количестве, но все-таки регулярно публиковались на страницах газеты и сохранили для нас визуальную память о людях военных лет.

Малотиражка «Ивановский университет» была типичной вузовской газетой, которая стала регулярно издаваться с 1950-х годов тиражом от 1000 до 1500 экземпляров. На страницах газеты рассказывали о том, как идет учеба, о том, как трудятся и отдыхают студенты о событиях в университете, все, чем жил вуз. Писали в газету сами читатели, студенты, сотрудники, преподаватели, это одна из особенностей малотиражных газет. Возможно этим обстоятельством можно объяснить искренность материалов: сложно обманывать своих коллег, однокурсников. Редакция газеты обращалась к своим читателям: «Пишите статьи, заметки, информации, приносите фотографии и рисунки. Если они интересны и в них вложена ваша душа, им обязательно найдется место на страницах малотиражки» [11 октября. 1977]. (Здесь и далее ссылки на выпуски газеты «Ивановский университет»).

В данном материале мы напомним о том, что писали на страницах газеты о Великой Отечественной войне с 1974 года и до начала 2000-х годов, в период существования печатной университетской малотиражной газеты. К сожалению, не все выпуски газеты сохранились, нет отдельных номеров за некоторые годы (1980-е и 1990-е). Редакторами газеты в указанный период были сотрудники университета (библиотекари, филологи), в том числе журналисты, увлеченные и профессиональные люди.

За указанный период выявлено более 30 заметок, которые были посвящены тематике Великой Отечественной войны. Но количество публикаций, в которых упоминался период Великой Отечественной войны или участники Великой Отечественной войны, гораздо больше. Однозначно можно сказать, что эта тема одна из самых популярных на страницах газеты. Великой Отечественной войне были посвящены и тематические выпуски в юбилейные годы (1995, 2005 годы).

Среди авторов в 70 % случаев выступают сами участники войны, в том числе историки (И. Я. Биск, доктор исторических наук, профессор, Ю. А. Якобсон, кандидат исторических наук,

доцент), несколько публикаций подготовлены заведующей музеем ИВГУ Е. Алексеевой, краеведом К. Е. Балдиным. Есть среди авторов и студенты, чаще подобные публикации написаны в форме интервью. Жанр публикаций — это информационные заметки, статьи, очерки, подготовленные специально для газеты.

Тематика публикаций разнообразна, условно их можно объединить в три группы: 1) материалы об участниках войны (преподавателях, сотрудниках, выпускниках и тех, кто пришел работать в разные годы в университет по окончании войны); 2) публикации об истории вуза в годы войны; 3) разные публикации о войне. Мы чуть подробнее расскажем о публикациях, посвященных участникам Великой Отечественной войны и о войне, так как то, что написано о вузе в годы войны, большей частью опубликовано в книге К. Е. Балдина «Ивановский государственный университет: очерки истории (1918—2023 годы). (Иван. гос. ун-т. Иваново, 2023).

В газете больше и чаще писали именно об участниках Великой Отечественной войны. Среди героев публикаций выпускники, преподаватели, сотрудники. Значительная часть публикаций посвящена тем, кто продолжал работать в вузе. Абсолютное большинство материалов о мужчинах, но есть несколько и о женщинах участницах (Ольге Сергеевне Лион [28 апреля. 2005]). Среди материалов об участниках немало написано ими самими, это и воспоминания, и очерки о войне. В таком жанре писали Н. Савин, И. Биск, Ю. Якобсон. Интересно, что преподаватели редко повторялись в своих воспоминаниях, хотя публиковались регулярно. Есть в них и упоминание о редких и уникальных сюжетах. Например, Николай Васильевич Савин вспоминал, о том, как во время войны «через мои руки прошли сотни и тысячи наших солдат и офицеров, побывавших в немецком плену» [28 апреля. 2005]. Следует отметить, что воспоминания написаны по устоявшейся схеме: как началась война, боевой путь, кратко, одно – два события подробнее, о ранениях, о Победе, о выборе профессии после войны. Но от этого значимость этих воспоминаний не становится меньше. Первое, что можно отметить, это воспоминания людей, которые могли как ученые

отметить важность отдельных эпизодов, второе — это все-таки личные воспоминания, поэтому писали о самых ярких событиях на своем боевом пути. И, если отдельные авторы подобных заметок, оставили опубликованные мемуары, например, И. Я. Биск, то для многих эти газетные заметки так и остались единственными опубликованными воспоминаниями.

Перечислим, тех чьи воспоминания опубликованы в газете. Это А. М. Устинов, В. Я. Маслов, Н. В. Савин, Л. Н. Андроников, Ю. А. Якобсон, В. М. Бритов, А. Затымин, В. П. Павлов, О. С. Лион, З. А. Кузнецова, В. Жуков и многие других.

Среди сюжетов более чем 20 публикаций, посвященных тем или иным аспектам Великой Отечественной войны, есть привычные, например, о боевом пути некоторых воинских подразделений. Но есть и очень оригинальные, включая аналитические статьи. Среди них «Они приближали Победу» [30 апреля. 1985]. Автор этого материала неизвестен, а расположен он на первой странице. Будем считать его редакторским, на этот период времени редактором газеты была Т. К. Юшкина. Татьяна Кузьминична была профессиональным журналистом, при ней материалы газеты отличались разнообразием тематики и авторов. Интересный для нас материал принципиально отличается от всех других. Это социологический портрет ветеранов войны, работавших в вузе в 1985 году. Кто провел это исследование, какие данные легли в основу, в статье информации нет. Но сам обобщенный портрет очень интересен: возраст, пол, должность, ученая степень, воинское звание, род войск, награды. Названо в общей сложности порядка 30 фамилий. Указано, что в коллективе вуза трудилось 50 ветеранов Великой Отечественной войны, около 70 % из них имели офицерское звание, на 1985 год в вузе работал один Герой Советского Союза В. Б. Митрохин. В статье указано, что более 30 преподавателей, сотрудников и студентов вуза погибли в годы войны. Позднее эта цифра была уточнена, на мемориальной доске в 1 корпусе увековечено 44 фамилии. О достоверности данных судить однозначно сложно, но та информация, которая есть, например, об И. Я. Биске и о Ю. А. Якобсоне указана верно.

Еще один материал, который следует упомянуть отдельно, посвящен рассказу о результатах анкетирования участников встречи выпускников 1941 года, которая прошла в ИвГУ в 1991 году. Эта встреча была организована в университете в канун празднования Дня Победы. Указывается, что на встречу собралось около 60 выпускников физико-математического, исторического и литературного факультетов. В организации встречи участвовала заведующая музеем Е. М. Алексеева, возможно, по ее инициативе и была составлена анкета для тех, кто смог приехать. На анкету ответили 52 выпускника, всего было задано 6 вопросов: ваша основная работа, ваше участие в Великой Отечественной войне, какие события студенческой жизни вам наиболее памяты, кто из преподавателей запомнился, что дал вуз, что хотите пожелать нынешним студентам. В заметке [16 мая. 1991] приводятся краткие итоги анкетирования. К сожалению, информация об ответах на вопрос об участии в войне очень краткая, гораздо больше ответов из анкет цитируется с пожеланиями студентам. По всей видимости редакция посчитала, что это важнее. Сейчас, мы можем только сожалеть, что был сделан именно такой выбор. В частности, в заметке упоминается, что из числа выпускников 1941 года. 18 человек участвовали в Великой Отечественной войне. Те, кто не был призван в армию, работали в госпиталях, школах, были участниками трудового фронта. Такое соотношение участников и тружеников тыла среди выпускников объясняется очевидными причинами: из числа тех, кто ушел на фронт, вернулись далеко не все. Еще в одной заметке «Добровольцы огненного выпуска» [20 декабря. 1988], посвященной выпускникам только исторического факультета, отправившимся добровольцами на фронт в составе батальона под Смоленск, упоминаются 6 человек. В заключении к очерку автор указал, что более 200 студентов, преподавателей и сотрудников ушли на фронт в 1941—1942 гг.

Нельзя не упомянуть статью И. Я. Биска «Вклад ИвГУ в изучение истории Великой Отечественной» [21 февраля. 1991]. Эта статья в отличие от многих, информационно-аналитическая. В самом начале своего повествования автор замечает, какое

воспитательное значение имеет изучение истории войны. Сам материал Израиль Яковлевич подписал: «И. Биск, участник войны». Статья структурирована, выделены 5 разделов: научная работа, учебный процесс, курсовые работы, дипломные исследования (самая большая часть), их оценка и использование. В статье упоминаются преподаватели и студенты исторического факультета, в целом дана высокая оценка качеству и разнообразию тематики в изучении истории Великой Отечественной войны. В разделе научной работы Израиль Яковлевич много пишет о заслугах В. М. Бритова. Далее автор отмечает, что курсовые работы под руководством Ю. А. Яковсона написаны об участниках Великой Отечественной войны на базе воспоминаний родственников, друзей, переписки и других источников. В настоящее время остается только жалеть, что тексты этих работ не сохранились. Далее И. Я. Биск упоминает, что ежегодно на историческом факультете защищали более 30 работ по тематике Великой Отечественной войны с преподавателями четырех кафедр. В настоящее время количество работ студентов о войне не более трех в год. Отмечен и интерес к работам студентов со стороны музеев. В целом у Израйля Яковлевича получился практически историографический по своей сути материал. В заметке нет, к сожалению для историков, критики, характеристики источниковой базы исследований и упоминания о том, что было опубликовано, а что так и осталось в рукописном варианте. Современным исследователям это бы очень помогло, но напомним, что речь идет о газетной заметке, а не о историографической статье.

В заключение отметим, что о Великой Отечественной войне на страницах газеты «Ивановский университет» писали много и разнообразно. Были официальные материалы и личные воспоминания, многое из того, что опубликовано в настоящее время, сохранилось только на страницах газеты. Но есть и такие материалы, после знакомства с которыми, начинаешь сожалеть, что газетный формат малотиражной газеты такой маленький, что позволило авторам написать и сказать больше. Публикациям в изучаемый период присущ и некоторый схематизм и пафос, но

это не самое важное. Важнее, то, что эти материалы искренние, что абсолютное большинство публикаций о людях, это живое слово.

УДК 930.85

А. Н. Кураев

профессор, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет, Москва)

КУЛЬТУРА КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1920—1930-е годы

В статье рассматривается культура казачьего зарубежья в 1920—1930 гг.: казачья историография, литература, музыка. Указаны особенности казачьей эмиграции и её идейные течения. Сделан вывод о значении культурного наследия казаков-эмигрантов для России и всего мира.

Ключевые слова: Россия, казачество, казачья эмиграция, культура казачества, история казачества, казачья литература, казачья музыка.

A. N. Kuraev

Professor, K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University, Moscow)

THE CULTURE OF THE COSSACK DIASPORA IN THE 1920—1930

The article examines the culture of the Cossack diaspora in the 1920—1930: the Cossack historiography, literature, music. The peculiarities of the Cossack emigration and its ideological trends are indicated. The conclusion is made about the importance of the cultural heritage of the emigrant Cossacks for Russia and the whole world.

Key words: Russia, the Cossack, the Cossack emigration, culture of the Cossacks, history of the Cossacks, Cossack literature, Cossack music.

Культура всегда была, есть и будет неотъемлемой частью всей жизни, труда и быта казаков. Поэтому изучение казачества невозможно без изучения его культуры [4]. Это относится и к казачьему зарубежью.

Гражданская война стала настоящей трагедией для казаков. Многие из них, бойцы и сторонники Белого движения, их семьи, а также те, кто просто боялся большевистской власти, навсегда покинули Россию.

Казачью эмиграцию отличало то, что казачество не растворялось в основной массе русских эмигрантов, а проживало, как правило, обособленно в зарубежных казачьих центрах, объединялось вокруг своих станичных и войсковых атаманов. Консолидация казаков в эмиграции началась с создания казачьих групп, хуторов и станиц. Вторым этапом было создание специальных казачьих организаций, ориентированных на улучшение условий жизни и быта казаков. Третьим этапом консолидации казаков стало создание казачьих союзов. Эти союзы объединяли казаков всех казачьих войск, подчеркивали свой неполитический характер, что означало объединение казаков независимо от их политических пристрастий. У казаков, таким образом, проявилась главная особенность их быта и жизни на чужбине, по сравнению с другими слоями эмиграции: большой дух коллективизма, стремление к объединению и взаимопомощи, к взаимной поддержке.

При этом сама казачья диаспора оказалась расколота на несколько идейных течений. 1) Монархисты, сторонники «единой и неделимой России под властью монарха» (созданный бароном П. Н. Врангелем Русский Общевоинский Союз). 2) Умеренные (Объединённый Совет войсковых атаманов казачьих войск Дона, Кубани и Терека; Казачий союз в Париже). Они считали, что форму правления в России и форму её

государственного устройства должен определить сам народ. Умеренные настаивали, чтобы после свержения советской власти в стране была проведена децентрализация управления, расширены права местного самоуправления. А территории компактного проживания казаков должны получить права широкой автономии в составе России. За это их называли «автономистами». 3) Третье направление — демократическое, республиканское, анти(не)монархическое. Его сторонники считали необходимым установление в России демократической республики. Центром данного течения была казачья эмиграция в Чехословакии. 4) Созданный в 1927 г. Совет вольного казачества («Вольные казаки») стоял за решительное и окончательное отделение казачества от России и создание в пределах Дона, Кубани, Терека, Астраханских, Яицких (Уральских) и Оренбургских казаков или независимого казачьего государства «Казакия» («казакийцы»), или ряда независимых казачьих государств («самостийники»). Это направление активно поддерживалось властями Польши, одержимыми идеями «прометеизма» — расчленения СССР.

Как видим, критериями для выделения идейных течений являлись отношение к форме правления и к форме государственного устройства России, и особо — место казачьих регионов в составе будущего Российского государства. Однако объединяющей всех казаков-эмигрантов духовной основой осталась приверженность к православию и представление о воинском служении как сущностной основе казачества. Всех эмигрантских авторов также объединяли антисоветские взгляды, идеализация казачьего прошлого и крайне ограниченный круг доступных источников, которые, по сути, исчерпывались теми войсковыми архивами, которые казакам удалось вывезти с собой в эмиграцию. Это определяло и главное направление эмигрантских исследований для создания нового комплекса трудов о недавних событиях проигранной белыми, в т. ч. казаками Гражданской войны.

Был и другой важный фактор, объясняющий особый интерес зарубежных казаков к своей истории. Находясь в

эмиграции, подавляющее большинство из них продолжало идентифицировать себя, прежде всего, как казаков, стремясь к сохранению и развитию самобытной казачьей культуры. Поэтому в культурной жизни казачьего зарубежья исключительная роль принадлежала изучению истории, сохранению «исторической памяти», особенно для молодого поколения эмигрантов. Через изучение прошлого казачества, его места и роли в истории России все эмигрантские казачьи организации стремились сохранить на чужбине казачьи традиции и уникальный уклад жизни.

Альтернативой советской науке выступала зарубежная историография казачества, которая распадается на два различных сектора — исторические труды казаков-эмигрантов и собственно историография казачества зарубежных стран. Для казаков-эмигрантов главными героями Гражданской войны стали белые полководцы, а красные казаки воспринимались безусловными предателями идеалов казачества.

Особое внимание уделялось собиранию, хранению и публикации материалов по истории казачества. По инициативе донского атамана А. П. Богаевского весной 1920 г. Донской казачий архив был эвакуирован в Константинополь, затем в Белград, а в феврале 1925 г. с разрешения МИД Чехословакии он был перевезён в Прагу, которая стала одним из центров культурно-просветительной работы среди русской эмиграции. В 1926 году к Донскому казачьему архиву был присоединён архив эвакуированного Донского корпуса. Кроме Донского архива, который возглавлял П. А. Скачков, с 1923 г. действовала Донская историческая комиссия во главе с В. А. Харламовым. Она публиковала материалы и исследования по всем периодам истории донского казачества.

Большинство казаков-эмигрантов, писавших на исторические темы, рассматривали свои труды как часть более общей работы по изучению духовной культуры казачества и его обычаев. Работы по истории казачества писали в основном не профессиональные историки, а казачьи генералы и офицеры, представители гражданской казачьей интеллигенции, искренне

стремившиеся осмыслить опыт недавнего прошлого, особенно период Гражданской войны. Для многих авторов исторические труды были подчинены идейной борьбе как в среде эмиграции, так и борьбе против Советской власти.

Известными историками казачества в эмиграции были донской автономист С. Г. Сватиков, автор книг о событиях на Дону с 1549 по 1917 гг. [6; 7]; И. Ф. Быкадоров, который провёл кропотливую работу по изучению казачьих архивов [2]; Л. Л. Масынов, издавший книгу об участии уральских казаков в Гражданской войне под заголовком «Гибель уральского казачьего войска» [5]; И. Г. Акулинин, написавший работу «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками» [1]. Широкую известность получила обобщающая работа А. А. Гордеева «История казачества» [3]. «Государственно-колонизаторскую» концепцию казачества отстаивали П. Н. Краснов и В. Д. Синеоков [8].

В литературе русского зарубежья, в том числе в творчестве писателей и поэтов — казаков по происхождению, особое место занимало освещение проблем истории революций 1917 г. и Гражданской войны в России. В казачьей эмигрантской прессе подробно освещались события 1917—1920 гг. в казачьих краях России. Им посвящались многочисленные воспоминания, очерки и статьи.

Предметом особой гордости и заботы в казачьих войсках были их регалии: знамена, царские грамоты и награды, знаки атаманской власти (булавы и др.) и др. Атаманы и правительства Кубанского и Донского казачьих войск сумели сохранить их на чужбине, несмотря на все сложности, связанные с многочисленными перемещениями регалий, в том числе, вызванными тяготами Второй мировой войны.

Наибольшую мировую известность принесла казакам-эмигрантам деятельность по сохранению и развитию богатейших традиций их музыкального искусства. В 1930—1970-х гг. всемирной славой пользовался Донской казачий хор имени атамана Платова, организованный Николаем Федоровичем Кострюковым, который стал его художественным

руководителем и дирижёром. Хор этот был создан в мае 1927 г. в Праге. За 47 лет своей творческой деятельности Донской казачий хор имени атамана Платова дал более 8 тыс. концертов в 65 государствах. Гастролируя, хор объединял своими песнями рассеянных по всему миру россиян, прежде всего казаков.

Чрезвычайно популярным в течение пяти десятилетий оставался и Донской казачий хорпод управлением Сергея Алексеевича Жарова, окончившего в 1917 г. московское Синодальное училище церковного пения. Он прекрасно усвоил исполнительскую манеру Синодального хора — главного церковного хора России, певшего в кафедральном Большом Успенском соборе Московского Кремля, т. к. все ученики Синодального училища пели в этом хоре. Основу концертной программы Донского казачьего хора составляли православные и народные музыкальные произведения, что глубоко воздействовало на эмигрантов, посещавших его концерты. Это позволяло русским людям, находящимся на чужбине, чувствовать духовную связь с Родиной.

В духовной и интеллектуальной жизни русского зарубежья видное место занимает художественная проза и поэзия казаков-эмигрантов. В июне 1925 г. в Чехословакии было создано издательство «Семья молодых казачьих литераторов», переименованное к концу декабря этого года в «Литературную казачью семью». В эту организацию входили преимущественно молодые казачьи поэты, такие как Ю. Гончаров, П. Крючков, Б. Кундрюцков, К. Поляков, П. Поляков и др.

Из всех поэтов казачьего зарубежья самым ярким, самобытным и талантливым был Николай Николаевич Туроверов, которого называли «казачий Есенин». Наиболее известны его стихотворения «Жизнь не проста и не легка», «Вольница», «Товарищ», «Равных нет мне в жестоком счастье», поэма «Новочеркасск». На многие стихотворения Н. Н. Туроверова написаны песни: «Уходили мы из Крыма...», «Было их с урядником тринадцать», «Берег Русский», «Мне снилось казачье знамя», «Заря», «Сочельник» и др. Многие из его произведений были посвящены событиям Гражданской войны, их осмыслению с позиций офицера Белого движения.

Читатели поэтических сборников Н. Н. Туроверова отмечали его страстную любовь к родному краю, донскому казачеству, виртуозное владение словом, что придавало стихам этого поэта лёгкость в понимании, доходчивость и подлинную народность.

Большая часть казаков-эмигрантов не мыслила Родину, своё Отечество без России и вне России. Культурное наследие, сохранённое казаками в эмиграции, выполняло три важные функции. Во-первых, казаки на чужбине участвовали в диалоге двух культур: эмигрантской и советской. Несмотря на политическое и идеологическое противостояние, развитие культуры и в эмиграции, и в СССР взаимно влияли друг на друга. Вторая функция культурного наследия казачьего зарубежья состояла в том, что через знакомство с творчеством художественных коллективов казаков-эмигрантов многие жители десятков стран мира познавали богатство отечественной культуры. Наконец, в-третьих, для россиян, живущих в начале XXI века, крайне ценно культурное наследие казачьей эмиграции, поскольку казаки вместе с другими её слоями сумели бережно сохранить многие черты и оттенки русской национальной культуры начала XX века, которые были преданы забвению на родине в советский период.

Вот почему заслуживает самой высокой оценки подвижническая деятельность казаков-эмигрантов по сохранению культурных традиций и обычаев казачества. Настоящего многоцветья культуры в современной России не может быть без возрождения и развития казачьей культуры, казачьих обычаев и традиций.

Библиографический список

1. Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. М.: Центрполиграф, 2024. 191 с.
2. Быкадоров И. Ф. История казачества. Т. I. Прага: Библиотека Вольного казачества, 1930. 177 с.
3. Гордеев А. А. История казачества. М.: Вече, 2014. 640 с.
4. Kotovchikhina N. D., Kuraev A. N., Polozhentseva I. V., Emtseva O. V., Abeldinova E. N. Sociocultural characteristics of the cossacks // *Revisita Inclusiones*. 2020. V. 7. № S3-2. P. 280—292.

5. *Масянов Л. Л.* Гибель Уральского казачьего Войска. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1963. 159 с.
6. *Сватиков С. Г.* Донской Войсковой Круг (1549—1917 гг.). [Б. м.]: [б. и.], 1923. 196 с.
7. *Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549—1917 гг.): исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград: Издание Донской исторической комиссии, 1924. 592 с.
8. *Синеоков В.* Казачество и его государственное значение/ с предисл. ген. Краснова. Париж: [б. и.], 1928. 46 с.

УДК 378.661:37.016+61(072)(091)

В. Ю. Мартыненко

Заместитель директора по основной деятельности, Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области (Шахты)

ШАХТИНЦЫ. МЕДИКИ. ФРОНТОВИКИ

В данной статье рассказывается о медиках-шахтинцах, прошедших славный боевой путь в годы Великой Отечественной войны и внесших неоценимый вклад в общую победу над фашизмом.

Ключевые слова: шахтинские медики, госпиталь, городская больница, оккупация, военнопленные, раненые, память.

V. Y. Martynenko

Deputy Director for Main Activities, Center for Storage of Archival Documents in Shakhty, Rostov Region (Shakhty)

SHAKHTINTS. DOCTORS. FRONT-LINE SOLDIERSS

This article tells about the Shakhty doctors who went through a glorious military path during the Great Patriotic War and made an invaluable contribution to the overall victory over fascism.

Key words: Shakhty medics, hospital, city hospital, occupation, prisoners of war, wounded, memory.

80-летие Победы в Великой Отечественной войне — время очередной раз вспомнить тех, кто, не щадя своей жизни, сделал все возможное для ее приближения. Война коснулась всех советских людей. Как сказал Мякушев С. Д. в одном из своих интервью: «Всенародный характер Великой Отечественной войны — понятие необсуждаемое, аксиома» [2, с. 3].

Неоценимый вклад в общую победу над фашизмом внесли и медики, которые отважно сражались за жизни и солдат, и мирных жителей, проявляя невероятное мужество и самоотверженность.

Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян после окончания войны писал: «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо подвигом. Для нас, ветеранов Великой Отечественной войны, образ военного медика останется олицетворением высокого гуманизма, мужества и самоотверженности» [5, с. 1].

Золотыми буквами вписаны в историю Победы и имена медиков из города Шахты.

Славный боевой путь дорогами войны прошли врачи: М. С. Юдин, А. В. Шлепов, И. М. Севостьянов, Н. М. Савенко, И. Г. Цемин, Г. А. Франциянц, В. П. Харченко, А. Г. Полудненко, Г. В. Шемякин, А. А. Крейцберг, А. А. Калачев, Н. К. Ягнич, Н. Т. Алексеенко, В. Н. Доронин и многие другие. Наряду с мужчинами несли тяготы военных будней фронтовички-женщины: А. Д. Франциянц, Л. И. Петрова, А. М. Попова, Р. Е. Полякова, Л. А. Кривошеева, Т. М. Акимова, Т. Г. Бешенко, О. В. Гаврилова, О. Я. Алешина, М. А. Мрыхина, В. И. Барашкина, Р. Е. Полякова, З. К. Зерщикова — все не перечислишь [7, с. 1—7].

На всех фронтах Великой Отечественной войны воевали шахтинские медики. Родина высоко оценила их ратный подвиг: все они награждены орденами и медалями. Их имена помнят, ими гордятся, они навсегда вписаны в историю шахтинских лечебных учреждений, в том числе городской больницы им. В. И. Ленина. О себе шахтинские медики не любили говорить. Только скупые строки автобиографий и листков по учету кадров

из личных дел фондов ЦХАД рассказывают об их фронтовых буднях.

Уже в первый день войны медики получили повестки военкомата. « <...> И 22 же июня ночью, в 12 часов, мне принесли повестку. И меня <...> утром, нас всех построили и направили в г. Ростов-на-Дону, в гостиницу «Ростов». Тут же сформировались, всех из гостиницы эвакуировали, мы начали переоборудовать все эти номера под палаты. Ну и начали принимать первых раненых <...>. Начались бомбежки <...>. Ростов бомбили день и ночь. Мы — с этими ранеными, получили одну партию, вторую, третью. И уже такие бомбежки начались, что нельзя было раненых держать. Вот... без конца эвакуировали мы их в бомбоубежища. Но были еще и в палатах. Но когда уж немцы подошли близко к Ростову <...>, то стали эвакуировать. Железная дорога уже была отрезана, начали собирать, грузиться на баржи и началась другая наша история <...>», — рассказывает в своих воспоминаниях П. С. Рясная, младший лейтенант медицинской службы [9, с. 2].

В начале войны в городе было оборудовано несколько госпиталей: госпиталь № 2100 и в школе № 10 находился госпиталь № 1607. Начальником его хирургического отделения был А. В. Шлепов. Сотни раненых поступали в госпиталь на лечение. Хирург сутками не покидал операционную [6, с. 38]. В стихотворении В. И. Фомина, учителя школы № 10, есть такие строки: «<...> Шлепов — усталый, измученный взгляд, до 40 операций подряд. <...>» [12, с. 40].

В конце сентября 1941 г. на юге страны сложилась тяжелая обстановка. Город Шахты стал прифронтовым. Началась эвакуация учреждений и населения. Многие предприятия были демонтированы, шахты затоплены. Вокруг города создавался пояс оборонительных сооружений.

На рассвете 21 июля 1942 г. город Шахты был оставлен нашими войсками [8, с. 23].

Во время отступления советских войск из Шахт не был эвакуирован госпиталь, находящийся в школе № 10. Фашисты превратили его в лагерь военнопленных. Были также организо-

ваны лагеря военнопленных в школе № 5 и на шахте «Пролетарская диктатура» [8, с. 25]. Вместе с солдатами и офицерами терпели все тяготы плена и медики госпиталя.

Николай Афиногенов, бывший военнопленный лагеря в школе № 5, в своем письме вспоминает о том, как зверски с ним и другими пленными обращались фашисты: «<...> кто не выдерживал пыток и умирал, выбрасывали в Грушевскую балку или в траншеи, вырытые руками пленных, прямо на территории лагеря <...>. Освободили нас в начале февраля месяца 1943 г., когда наши взяли город. Нас хотели взорвать, хотя мы были уже трупы...» [11, с. 2]. «<...> В лазарете не было нужных медикаментов, перевязочного материала, чтобы спасти раненых, врачи вынуждены были подсаживать в раны червей — личинок мух. Личинки пожирали гной, это вызывало нестерпимый зуд раны, но раненые молчали, они в этом видели свое спасение от смерти», — вспоминал в своем послевоенном письме школьникам города бывший военнопленный Н. В. Серов [3, с. 2]. А военный врач госпиталя в школе № 10, ставшего лагерем военнопленных, Н. С. Романов, так описывал работу врачей: «<...> обстановка не позволяла делать полостные операции, оборудование и той, и другой (перевязочной и операционной) было крайне убогое, медикаменты и перевязочный материал врачи получали от коменданта лазарета. Время от времени в лазарет приходили немецкие врачи для проверки нашей работы. В основном они интересовались, не задерживаются ли больные. К больным обычно они не прикасались. Поэтому нам нередко удавалось задерживать здоровых больных, которых впереди ожидала только работа в лагерях» [4, с. 2].

Шахтинцы всячески помогали пленным: выводили через вырытый подземный лаз на волю, кормили, прятали, снабжали одеждой и справками, удостоверяющими шахтинскую прописку, подобранными в здании Октябрьского райисполкома в дни безвластия в городе перед оккупацией.

Активно участвовала в этом семья Ткаченко, жившая по соседству с лагерем: глава семьи, его жена и дочь Александра,

окончившая три курса Ростовского мединститута. Семья была расстреляна, чудом выжила только Александра.

Врач-окулист И. И. Грандилевский тоже помогал нашим пленным из концлагеря, расположенного на территории школы № 10. Он постоянно приходил к охраняемой зоне и украдкой, через щели в заборе, передавал бинты, вату, йод. Иван Иванович лечил в дни оккупации и мирное население города, безвозмездно оказывая помощь всем, кто в ней нуждался [6, с. 36]. Но не все медики города пережили оккупацию. Во время расправ гитлеровцев с еврейским населением были расстреляны сестры Рабинович, двое из которых — врачи [1, с. 1].

Сразу после освобождения города от немецкой оккупации 12 февраля 1943 г. [8, с. 23] возобновила работу шахтинская городская больница им. В. И. Ленина. За почти семь месяцев оккупации больница была разрушена: стекла разбиты, отопление, канализация не работали. Часть хирургического корпуса была повреждена бомбой. Инвентаря не было [6, с. 37]. В феврале на ее территории Северо-Кавказским военным округом, при участии горздравотдела, организовывается госпиталь № 5782.

Организация госпиталя проходила в очень трудных условиях: в палатах, операционной, перевязочной поставили печи-буржуйки, вставили стекла, часть окон заложили кирпичом. В конце августа 1943 г. пришли первые санитарные поезда с ранеными. После сортировки оставляли нетранспортабельных с ранениями в грудь, живот, конечности, а других размещали в областных госпиталях. Первую партию раненых после обработки пришлось в палатах размещать на сене — простыней не было, кроватей тоже. Сено покрывали, чем могли. Врачи и медсестры госпиталя, сутками сменяя друг друга, проводили сложные хирургические операции, ведя упорную борьбу с опасными ранениями. В отделениях было в среднем до 120 коек. Госпиталь просуществовал до октября 1943 г., когда последних раненых перевезли в Ростовский госпиталь.

В феврале 1943 г. в городе был создан еще один госпиталь: хирургический полевой госпиталь № 3533. Он входил в состав 5-ой Ударной Армии. «<...> всех больных и раненых

нашего убогого лечзаведения¹ распределили по госпиталям. Часть медработников в том числе и меня отправили на работу в госпиталь, который был сформирован в г. Шахты и вливался в 5-ую Ударную Армию», — вспоминает Н. С. Романов [4, с. 3].

Жизнь лечебных заведений города постепенно входила в нормальный ритм: уже к концу 1944 г. их сеть была восстановлена на 90 % с объемом работы в них до 50 % от довоенного уровня [10, с. 13]. В 1943—1945 гг. на здравоохранение города было израсходовано более восьми миллионов рублей [6, с. 37].

Погибли на фронтах войны врачи С. П. Нечаев, Я. И. Капелевич, Ф. Е. Кудинов, Г. А. Беле. В честь павших медиков в центре больничного городка сооружен на средства, собранные сотрудниками больницы, обелиск со словами «Никто не забыт и ничто не забыто». Здесь проходят торжественные мероприятия сотрудников больницы, посвящения в медработники молодых специалистов, возложения цветов в День Победы — 9 мая [7, с. 8].

Медицина и армия неразделимы: и врачи, и фронтовые медсестры делили все тяготы фронтовой жизни наравне с солдатами, и награды они получали одинаковые — фронтовые, солдатские.

Низкий поклон всем медикам, отдавшим свои силы, а, порой, и жизнь, благородному делу спасения людей.

Библиографический список

1. Аксизовский Б. Мы им этого не простим! // Красный шахтер. 1943. 10 марта. С. 2.
2. Кураш В. И., Тарасов В. П., Мякушев С. Д. «Сохранить память о войне» («круглый стол» в редакции) // Отечественные архивы. 2020. № 1. С. 3.
3. Научно-вспомогательный фонд Шахтинского краеведческого музея № 12 «Фотодокументы».
4. Научно-вспомогательный фонд Шахтинского краеведческого музея № 76 «Фотодокументы».

¹ Речь идет о госпитале в школе № 10, ставшем лагерем военнопленных.

5. *Рязанцева Н. Ю., Козлова А. А., Жмакин И. А., Баканов К. Б.* Вклад военных медиков — Героев Советского Союза в достижение победы в Великой Отечественной войне. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view> (дата обращения: 13.02.2025).
6. *Тихонов Е. Т.* Городская больница г. Шахты 1927—2017. Шахты, 2017. 223 с.
7. Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области. Ф. Р-923. Оп 4 Д 1 (далее — ЦХАД).
8. ЦХАД. Ф. Р-1044. Оп 1 Д 69.
9. ЦХАД. Ф. Р-1184л/п. Оп. 1 л/п. Д. 5.
10. ЦХАД. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 1.
11. Школьный музей МБОУ СОШ № 5 г. Шахты // Сборник воспоминаний очевидцев города Шахты. Рукопись.
12. Школьный музей МБОУ СОШ № 10 г. Шахты // Сборник воспоминаний очевидцев города Шахты. Рукопись.

УДК 930.1 (322)

В. А. Матвиенко

доцент, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина (Елец)

А. В. Исаев

доцент, Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС (Орел)

ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВОЕННЫХ ФЛОТОВОДЦЕВ КАК ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается как историко-патриотическое наследие великих флотоводцев способствует формированию национальной идентичности в России. Особое внимание уделяется тому, как славные традиции русского военного флота влияют на активную гражданскую позицию российской молодёжи и мотивируют её на самоотверженное служение интересам России в будущем. В ходе исследования историко-патриотического наследия выдающихся деятелей русского военно-

морского флота автор выявляет ключевые элементы, которые оказали существенное воздействие на формирование российской государственности в наиболее критические моменты её истории.

Ключевые слова: российское государство, военные моряки, национально-государственная идентичность, историко-патриотическое наследие.

V. A. Matvienk

Associate professor, Bunin Yelets State University (Yelets)

A. V. Isaev

Associate professor, Central Russian Institute of Management — RANEPA branch (Orel)

HISTORICAL AND PATRIOTIC HERITAGE OF MILITARY NAVAL COMMANDERS AS A SIGNIFICANT ELEMENT OF THE NATIONAL STATE IDENTITY

The article examines how the historical and patriotic legacy of the great naval commanders contributes to the formation of national identity in Russia. Special attention is paid to how the glorious traditions of the Russian navy influence the active citizenship of Russian youth and motivate them to selflessly serve the interests of Russia in the future. In the course of researching the historical and patriotic heritage of prominent figures of the Russian Navy, the author identifies key elements that had a significant impact on the formation of Russian statehood at the most critical moments of its history.

Key words: the Russian state, military sailors, national and state identity, historical and patriotic heritage.

В условиях усиления геополитической и социально-экономической напряженности, которая оказывает дестабилизирующее воздействие на нашу страну, становится крайне важным возродить историческую традицию преданного, инициативного и самоотверженного служения интересам России.

В этой связи следует подчеркнуть, что изучение героических страниц военной истории нашей страны, а также её духовно-нравственных традиций, обычаев и уклада жизни всегда было и остаётся одним из важнейших факторов, способствующих

формированию национально-государственной идентичности нашего народа.

Изучение вклада русских военных моряков в формирование российской государственности и в настоящее время остаётся актуальным.

Вопросы, связанные с изучением сущности и содержания военно-патриотического наследия военных моряков во всём его многообразии, часто становятся предметом актуального научного обсуждения. По большинству аспектов этой многогранной темы было опубликовано некоторое количество интересных работ.

Анализ основных военно-профессиональных традиций отечественных флотоводцев и моряков показывает, что они долгое время были основой формирования морально-нравственных императивов не только в военно-профессиональной среде, но и среди многих поколений молодёжи [9, с. 55].

Исследования военно-патриотического опыта военных моряков можно условно разделить на несколько направлений. Во-первых, это изучение нравственных идеалов, которые являются основой для формирования и реализации морально-этических норм поведения. Во-вторых, особое внимание уделяется личному опыту военных моряков и определению педагогических подходов, способствующих развитию стремления военнослужащих к самообразованию и самовоспитанию.

Так, к примеру В. П. Масягин полагает, что именно комплекс методов, применяемых морскими офицерами для воздействия на своих подопечных, а также соблюдение обычаев, ритуалов и традиций способствуют пробуждению и укреплению интереса к военной службе и уважению к профессии военного моряка [8, с. 145].

Авторы Н. З. Кунц и А. И. Владимиров также разделяют эту точку зрения, отмечая, что в последние десятилетия опыт создания и функционирования кадетских корпусов в России, а также суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ в Советском Союзе и Российской Федерации стал особенно актуальным [6, с. 59].

В. В. Дудулин доказывает, что на личность российского воина решающее влияние оказали исторические события, связанные с защитой основ государственности и суверенитета Отечества, а также патриотическое и духовно-нравственное самосознание русского народа [4, с. 94].

В своей работе исследователь М. О. Маринин рассматривает вопросы, связанные с названиями военных кораблей как российского, так и зарубежного флотов, анализирует эти названия как символы исторической преемственности и идентичности общества в определённый исторический период [7, с. 248].

Авторы Н. В. Ершов и А. В. Лосик проводят анализ параллелей между одним из наиболее ярких периодов в истории российского флота — эпохой правления императрицы Екатерины II и современным состоянием российского флота, который в постсоветский период столкнулся с трудностями [5, с. 41].

В соответствии с авторской позицией И. И. Белоусова, задачи нравственного и духовного воспитания военнослужащих в армии и на флоте на различных этапах исторического развития российского государства решались различными методами и средствами в контексте государственной кадровой политики в отношении вооружённых сил [2, с. 57].

Историческая память, как известно, отличается избирательностью. Она сохраняет одни имена и предаёт забвению другие, хотя порой люди, чьи имена мы помним, заслуживают не меньшего внимания со стороны потомков.

Среди тех, кто оказал значительное влияние на формирование национально-государственной идентичности Российской Федерации, примечателен личный опыт многих представителей российского военного флота: Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Сенявина, Ф. А. Клокачева, А. В. Елманова, М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. И. Истомина, С. О. Макарова и многих других.

Жизненные пути этих военных моряков неразрывно связаны с процессом становления российской государственности, и они были теми, кто закладывал основы и развивал искусство «науки побеждать».

Характерными чертами историко-патриотического наследия русских военных моряков и флотоводцев являются их глубокая религиозность, патриотизм, высокие духовные ценности, основанные на православных традициях, а также гуманизм и благородство, проявляющиеся в чувстве офицерской чести и воинского долга.

В контексте становления национальной государственной идентичности религия, как таковая, предлагает своё видение различных значимых вопросов и формирует собственный свод этических норм и принципов, в том числе в области войны и мира, патриотизма и духовного состояния военнослужащих [3, с. 80].

Следует подчеркнуть, что на всех этапах становления российской государственности духовность человека оценивалась с точки зрения его религиозных убеждений. В этой связи понятия духовно-нравственного и религиозно-нравственного воспитания, а также духовно-нравственных и религиозно-нравственных качеств военных флотоводцев и моряков были тесно связаны.

В этой связи особенно примечателен жизненный путь и историко-патриотическое наследие адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова. Будущий русский флотоводец родился 13 (24) февраля 1745 года и провёл своё детство и юность в деревне. В то время в нём уже начало проявляться чувство глубокой религиозности. Юноша, искренне верующий в Бога, использовал все свои способности для того, чтобы получить образование. Он неоднократно говорил отцу о своём стремлении посвятить свою жизнь служению Господу. Однако судьба распорядилась иначе. Но искренняя вера будущего адмирала в Промысел Божий заслуживает глубокого уважения. В грядущие времена, на протяжении всего своего жизненного пути, он не предпринимал ни единого начинания без обращения к молитве и благословения.

В феврале 1761 года Фёдор Ушаков поступил в Московский шляхетский кадетский корпус. Благодаря способностям к обучению и стремлению к знаниям он быстро продвигался по службе: в феврале 1763 года он получил звание гардемарина, в апреле 1764 года стал капралом, а в мае 1766 года — мичманом.

В выпускном списке из 59 человек его имя стояло четвёртым, что свидетельствовало о его успехах в учёбе. В 1768 году он проходил практику на корабле «Три иерарха» под командованием капитана 1-го ранга С. К. Грейга. Это плавание стало отправной точкой, которая на протяжении всей жизни определяла деятельность Фёдора Ушакова. Впоследствии он говорил: «Тогда я и понял моря».

За выдающиеся достижения в службе в июле 1769 года он был удостоен звания лейтенанта. В дальнейшем его карьера была весьма насыщенной: он занимал различные командные должности, в том числе командовал яхтой императрицы. Затем он был переведён в Херсон, где успешно проявил себя в борьбе с эпидемией чумы. За выдающиеся достижения в службе в июле 1769 года он был удостоен звания лейтенанта. В дальнейшем его карьера была весьма насыщенной: он занимал различные командные должности, в том числе командовал яхтой императрицы. Затем он был переведён в Херсон, где успешно проявил себя в борьбе с эпидемией чумы. Русско-турецкая война 1787—1792 годов застала его в должности командира авангарда Черноморского флота. Именно в этот период в полной мере проявился гений флотоводца Ушакова. Совершив почти невозможное — спас свой корабль, потерявший две мачты, — и вернувшись в Севастополь, он создал блестящую концепцию ведения войны на море. Практическая реализация этой концепции привела к выдающимся результатам, которые на долгие века станут фундаментом для величия российского Военно-морского флота. Последующие годы жизни Фёдора Фёдоровича Ушакова были ознаменованы рядом блистательных побед и свершений, направленных на благо и славу Отечества. После увольнения со службы в январе 1807 года, он некоторое время проживал в Санкт-Петербурге, а в 1809 году переехал в деревню Алексеевка, находящуюся рядом с Санаксарским монастырём в Тамбовской губернии. В июле 1812 года Фёдор Ушаков был всенародно избран предводителем народного ополчения губернии. Однако, учитывая состояние своего здоровья и возраст, он отказался от этой должности. В апреле 1813 года Фёдор Ушаков пожертвовал

все свои сбережения на помощь пострадавшим в Отечественной войне 1812 года. Большую часть своей пенсии он также отдавал на нужды монастыря, прихожанином которого являлся. Фёдор Ушаков скончался в своём имении в сентябре 1817 года и был похоронен в монастыре. В 2001 году Фёдор Ушаков был канонизирован в лике местночтимых святых, а в 2004 году Архиерейский собор Русской Православной Церкви прославил его в общецерковном масштабе. Судьба Ф. Ф. Ушакова должна стать «...важным духовным ориентиром для всех, кто хочет приобщиться и понять, что Бог есть Любовь..., ведущая к совершенствованию мира и человечества» [1, с. 253].

Адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков, оставивший богатое наследие, является образцом праведного воина и патриота. Несмотря на козни завистников и происки врагов, он сумел сохранить душевную чистоту и благочестие как в своих помыслах, так и в делах. Не проиграв ни одного сражения, Фёдор Фёдорович одерживал победы над превосходящими силами противника, проявляя высокое мастерство и умение. За свои заслуги он был удостоен государственных наград. Фёдор Фёдорович Ушаков остаётся одним из небесных заступников и помощников российского Военно-морского флота. Его жизнь является ярким примером беззаветного служения Родине, который должен стать источником вдохновения и примером для воспитания молодого поколения.

Итак, время неумолимо движется вперёд, технологии развиваются, и некоторые духовные ценности, являющиеся основополагающими элементами национальной идентичности, подвергаются риску утраты. Эти процессы представляют собой угрозу, поскольку они могут привести к утрате стремления у молодых людей к самосовершенствованию и самореализации. В свете сложившихся обстоятельств представляется крайне значимым дальнейшее исследование историко-патриотического наследия выдающихся отечественных флотоводцев, чья жизнь и служение являются олицетворением славных традиций и героических свершений прошлого нашей страны, способных сохранить и подчеркнуть её уникальность.

Библиографический список

1. *Атаманова Е. Т.* Православные некрополи Ельца: туристский дискурс // Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас: материалы XIII Междунар. форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». Липецк — Задонск, 27—29 апреля 2017 г. / под ред. Н. Я. Безбородовой, Н. В. Стюфляевой (отв. ред.). Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С. 251—253.
2. *Белоусов И. И.* Духовно-нравственные аспекты воспитания военных кадров российской армии и флота в XVIII веке // Вестник Военного университета. 2008. № 1 (13). С. 56—64.
3. *Гришин О. Е., Матвиенко В. А., Толочко А. В.* Война, защита Отечества и религия // Вестник Российской нации. 2018. № 1. С. 79—94.
4. *Дудулин В. В.* Воинские традиции как основа воспитания защитников Отечества: историко-педагогический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № (109). С. 94—98.
5. *Ершов Н. В., Лосик А. В.* Летопись становления флота российского // История Петербурга. 2020. № 4 (81). С. 41—45.
6. *Кунц Н. З., Владимиров А. И.* Становление и развитие суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ // Военный академический журнал. 2015. № 3 (7). С. 49—61.
7. *Маринин М. О.* Названия военных кораблей как символ исторической идентичности страны (на примере российского императорского и советского флотов) // Россия и Запад: диалог культур: материалы XXI Междунар. науч. конф., Москва, 31 мая — 1 июня 2019 г. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2020. С. 248—256.
8. *Масягин В.* Зарождение военно-профессиональной подготовки офицеров ВМФ России // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 143—147.
9. *Матвиенко В. А., Исаев А. В.* Духовно-нравственные аспекты социальной активности молодежи в контексте обеспечения российской государственной идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 54—66.

М. А. Миловзорова

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

Е. М. Раскатова

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

**«ОБРАЗ ЖИЗНИ РАЗНОГО РОДА
ЛЮДЕЙ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ...»
КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ДИСКУРСА**

В работе исследуются архивные документы и газетные материалы, мало представленные в современном научном дискурсе, характеризующие повседневную историю ИГПИ в период Великой Отечественной войны. Акцентируя внимание на деталях, раскрывающих особенности образовательных, научных, трудовых, бытовых и др. практик, авторы в определенной степени решают задачу создания научной реконструкции жизненного мира «человека войны» – сотрудников и студентов ИГПИ.

Ключевые слова: Ивановский государственный педагогический институт, 1941—1945 гг., военная повседневность, труженик тыла, «архивная ткань», «история практик» и др.

M. A. Milovzorova

Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

E. M. Raskatova

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

**«THE WAY OF LIFE OF VARIOUS KINDS OF PEOPLE DURING
THE WAR...» AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC DISCOURSE**

This paper examines archival documents and newspaper materials that are underrepresented in modern scientific discourse, characterizing the everyday history of Ivanovo State Pedagogical Institute (ISPI) during the Great Patriotic War. By focusing on details that reveal the peculiarities of educational, scientific, labor, everyday and other practices, the authors to

some extent solve the task of creating a scientific reconstruction of the life-world of the 'person of war' – the staff and students of ISPI.

Key words: Ivanovo State Pedagogical Institute, ISPI, 1941—1945, wartime everyday life, home front worker, 'archival fabric', 'history of practices', etc.

Современная историческая наука сформировала широкое поле дискуссий о «статусе документа» [5], его роли в конструировании коллективной исторической памяти, о границах интерпретаций и о значении способов чтения «архивной ткани» [6] для создания многоплановой картины прошедшего. Причиной дискуссий, нужно полагать, стала объективно видимая на фоне фундаментальных сдвигов научных парадигм и в контексте архивных открытий, недостаточность сформировавшейся в XX веке культуры работы с архивными документами (также как и иными источниками), когда они присутствуют в границах научного дискурса лишь в качестве более или менее полноценных иллюстраций (иногда просто как указание), сопровождающих научные рассуждения, которые чаще всего реализуют заданную логику видения (интерпретации) прошлого. Определяющее значение для этих процессов имели идеи Поля Рикёра, изложенные им в книге «Память, история, забвение» [4] и диагностирующие актуальные проблемы социальной памяти, что само по себе переводит выше обозначенные вопросы из разряда сугубо теоретических и историографических в разряд мировоззренческих.

Особенное значение эти вопросы приобретают, когда мы изучаем периоды катаклизмов и глубоких социальных потрясений — одним из таких, безусловно, является период Великой Отечественной войны. Общая событийная канва истории ИГПИ в годы Войны воссоздана исследователями К. Е. Балдиным, В. С. Околотиным, В. Н. Маином, В. М. Бритовым и др.

Заглавие нашей статье дали начальные слова размышления физика Виктора Сергеевича Сорокина — работавшего в ИГПИ преподавателем во время Великой Отечественной войны, приведем их полностью: «Образ жизни разного рода людей во время войны, даже такой большой войны, как вторая, заслужи-

вает изучения, тем более что очень трудно описать его объективно — так же трудно, как описать объективно войну на фронте. Воображение людей далеко не простирается, и если где-то идут бои, никто не представляет себе, что это такое, тем более что официальная пропаганда описывает эти бои совсем не так, как они на самом деле происходят. Описания эти столь однообразны и нудны, что очень скоро никто не обращает на них внимания. Живется всем плохо, и когда есть нечего, пропаганда воспринимается как городской шум или как ветер: нельзя сказать, что она не действует, но действует, как гипноз, не затрагивая сознания» [3, с. 159].

Слова В.С. Сорокина, во многом справедливые по отношению к существующим научным описаниям, и как будто бы иллюстрирующие современные научные дискуссии, заставляют нас задумываться о том, как почувствовать и показать жизнь, которая не всегда открывается современному человеку в исторических очерках и научных публикациях.

Обращаясь к идеям и терминологии Энн Стоулер можно сказать, что «архивная ткань», прочитываемая скрупулезно, как «вдоль волокон», так и «поперек», способна существенно расширить наши сегодняшние представления о «жизни разного рода людей», составлявших большой коллектив студентов, преподавателей и сотрудников ИГПИ во время Великой Отечественной войны.

Однако, даже скрупулёзное чтение, хотя и создаёт трудности интерпретации, без соответствующих методологических усилий может не принести желаемых результатов понимания и научного описания изучаемых явлений.

И здесь ключевой стратегией может стать «история практик» (Питер Берк), поставленная во главу угла новой культурной историей [1]. Читаемые «вдоль» архивные документы создают исключительно объёмное представление о «рутинной» повседневности со всем многообразием её практик, нюансы которой и открывают для нас, в первую очередь, мироощущение людей и, вслед за этим, позволяют двигаться дальше в понимании исторических процессов [2].

Немаловажное значение для изучения повседневности ИГПИ периода войны имеют материалы областной газеты «Рабочий край» [7], где регулярно размещались статьи и заметки, касающиеся различных аспектов жизни института, существующего в масштабном социально-историческом и политическом контекстах.

Традиционными для пединститута практиками, были, конечно, образовательная (которую характеризуют выраженные трансформации учебного процесса) и научная.

О том, что война внесла изменения в учебный процесс можно прочитать в различных научных и научно-популярных публикациях, но характер этих изменений редко детализируется и тем более не иллюстрируется соответствующими документами (приказы по институту, учебные планы и др.), а именно они в полной мере позволяют понять специфику ситуации и оценить степень погруженности студентов в происходящие события. Суровую атмосферу времени передает текст приказа от 10 сентября 1941 г., предписывающего необходимость и обязательность посещений занятий по военно-санитарной и физкультурной подготовке: «Изучение военного дела является первой необходимостью всех трудящихся, оставшихся в тылу. Указание тов. Сталина: “Мы должны непременно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага”, должно найти отражение в учебной работе нашего института. Между тем, отдельная часть нашего студенчества не поняла этих задач и уклоняется от военно-санитарных занятий и занятий по физической подготовке <...> Деканам факультетов <...> повести решительную борьбу со студентами, не посещающими занятия, докладывая мне о злостных прогульщиках, на предмет исключения их из института» [2, д. 5, л. 176].

Характер подготовки выразительно показывает перечень дисциплин (их названия и количество часов) учебного и календарного планов по военно-санитарной подготовке (1941/42 учебный год), внимание к которой закономерно, например: дисциплина «Подготовка к рукопашному бою» (54 часа на каждом

курсе), включающая «занятия на местности, гимнастику, легкую атлетику), «Противопожарные занятия» и т.д. [2, д. 9, л. 5]

Не менее показателен календарный план по санитарной подготовке, кроме общемедицинских знаний включающий такие пункты как «Ранения (раны и их классификация)», «Кровотечение и его остановка, переливание крови», «Ушибы, повреждение составов и костей, воздушная контузия» и 38 (!) часов «Практических занятий по уходу за ранеными и больными» [2, д. 9, л. 6]. Посмотреть на эту ситуацию с точки зрения ее общественной значимости, придать ей объём позволяют публикации в «Рабочем крае», такие, как например «Студентки — медсестры запаса» [7, 20 сентября 1941 г.] — об организации при пединституте в летние месяцы 1941 г. в ответ на заявления студентов об отправке добровольцами на фронт — курсов медсестер, где слушательницы за два летних месяца прошли восьмимесячные курсы и «свыше 70 часов отработали на практике в лечебных учреждениях города»; или статья «Дружинницы. О студентках, отложивших учебу для работы в госпиталях» [7, 23 ноября 1941 г.]. Институт предоставлял отпуска студенткам-медсестрам, которые принимали решение работать в санитарных поездах.

Вообще, формулировки «отложить...до», «отчислить...до», «перенести сдачу экзаменов...до» — часто встречаются в документах («до возвращения из РККА», «до окончания войны») и, кроме понимания формальной необходимости именно таких формулировок дают ощущение общей настроенности на скорое и благополучное завершение военных действий, коллективную надежду, которой (насколько дает нам право судить наше современное знание) во многом не суждено было сбыться, но именно эта надежда, возможно, и позволяла сопротивляться и выстоять.

Еще немного о трансформациях учебного плана — большое место в нем заняла «сельхозподготовка», во-первых для того, чтобы обеспечить эффективность сельскохозяйственных работ на «трудовом фронте», как обязательных, так и добровольных (о результативности такой тактики может свидетельст-

зовать и материал «Рабочего края» — «Студентки — двухсотницы колхозных полей» [7, 18 августа 1942 г.] — о добровольной помощи студенток пединститута колхозам в каникулярное время (200 студенток-помощниц), о двухкратном выполнении нормы и параллельном выпуске «Боевого листка»), так и для того, чтобы обеспечивать институт необходимой сельхозпродукцией в организованном подсобном хозяйстве, без которого в войну было бы не выжить. Документы сурового военного времени показывают, насколько серьезным было отношение к этим новым аспектам образования, необходимым, пусть и вынужденным и насколько суровыми могло быть наказание за пренебрежение ими.

В том, что касается образования профильного, то, конечно, и оно реагировало на запросы военного времени, прежде всего, политические — примером может служить список разговорных тем кафедры французского языка (при организованном лишь в 1941 году факультете иностранных языков): в этом рукописном документе, где почерк выдает гимназическое образование писавшего, темы звучат так: «Наши герои в борьбе с германским фашизмом», «Зверства фашистов в оккупированных областях», «Дети и война», «Фашизм и культура» и т. д. [2, д. 9, л. 76].

Интересен в этом отношении план работы лекторского кружка (рукопись), цель которого организаторы видят в следующем: «... привить студентам Литературного факультета навыки лекторского искусства для практического использования его в культурно-просветительской работе (госпитали, колхозы, комсомольские организации) и будущей литературно-педагогической деятельности» [2, д. 9, л. 76].

Но в целом все эти вещи не изменили фундаментальный характер гуманитарного образования, центром которого стремился стать пединститут — учебные планы факультетов свидетельствуют о чрезвычайно насыщенной предметной подготовке, которой могли бы удивиться и современные студенты [2, д. 9, л. 42, 70].

Этой фундаментальности в немалой степени способствовало и то, то в годы войны в эвакуации в Иванове, как известно, оказалось немало крупных ученых, продолживших работу преподавателями и сотрудниками ИГПИ. Мы не будем повторять здесь хорошо известную информацию, хотя существенно расширившийся список научных тем кафедр, в первую очередь, мировой истории и литературы, полное представление о котором позволяют получить планы научно-исследовательской работы ИГПИ за все военные годы, позволяют говорить об изменении конфигурации научного поля в целом, в котором просматриваются очертания будущих научных школ [2, д. 9, л. 31, 31 об., 32, 32 об., 33].

Хотелось бы обратить внимание и на другие детали, прочитываемые в приказах по институту: в тяжелые годы войны аспирантов и преподавателей института не часто, но регулярно отправляли в командировки в Москву — в библиотеки (!) для эффективного продолжения научной работы; для сдачи кандидатских экзаменов и др. [2, Д. 59. Л. 104]. Эти конкретные «микродействия» на фоне «большой истории» только на первый взгляд могут показаться несущественными, на самом же деле они, с одной стороны, непосредственно связаны с усилившейся научной составляющей работы пединститута (который в недолгое довоенное время своего существования ещё не сформировался как центр фундаментальной науки), с другой — именно такие действия, во многом, дали возможность и подготовить в годы войны значительное количество диссертаций, и, в целом, сформировать такую интеллектуальную среду, которая в дальнейшем позволила педагогическому институту стать университетом.

И наконец — повседневность — наиболее трудно объективируемый пласт событий, явлений, действий и ощущений, связанных с бытовыми практиками. Современная наука считает, что повседневные практики закономерно выступают одной из наиболее значимых характеристик социально-исторических процессов, показателем трансформаций социального мира и, в конечном счете, изменений сознания человека, создающего этот мир. Архивные документы (приказы, отчеты, протоколы и др.)

погружают нас именно в такую «рутинную» повседневность, сферу «микрособытий», непосредственного опыта.

Одной из наиболее показательных практик в годы войны стал «трудовой фронт». О понимании значимости участия студентов института в «трудовом фронте» свидетельствует текст приказа, предлагающего «студентам, совмещающим учебу с работой на предприятиях и нуждающихся в освобождении от посещения лекций и семинарских занятий, подать мне заявление и справку о работе на предприятии» [2, д. 5, л. 183]

Заслуживает внимания приказ (декабрь, 1941 г.) о направлении преподавателей и студентов (по факультетам) на строительство оборонных сооружений, где интересны детали: например, указания на нормы, на дисциплинарные меры или пункт, предусматривающий «восполнение пропущенных учебных часов» — «занятия проводить в воскресенье по расписанию соответствующих пропущенных дней» [2, д. 5, л. 242].

Слова Л. А. Розановой о том, что «каждый из студентов того времени может считаться тружеником тыла» [3, с. 47] наполняются предельно конкретным смыслом, когда мы читаем приказ о направлении студентов на работу в летний период 1944 г. для заготовки дров для института и города, торфа для города, в подсобное хозяйство и др., с распределением нормативов по факультетам [2, д. 72, л. 91]. Не менее выразителен документ распоряжения от 18 августа 1944 г. приказывающего 83 сотрудникам института (пофамильно) «...явиться на базу в институте для участия в воскреснике по рытью котлована и установлению дошников» [2, д. 72, л. 139] или приказ такого содержания: «Под личную ответственность Зав. столовой т. Тумановой В. Д. в течение 5 дней набить льдом или снегом подвал столовой для хранения летом скоропортящихся продуктов» [2, д. 85, л. 37].

Кроме деталей повседневной жизни института, архивные документы открывают исследователю локальные сюжеты, на первый взгляд, известные, но в своей целостности представляющие и как героические, и как трагикомические и как глубоко драматические. В данном случае речь идет о подсобном хозяйстве,

организованном при пединституте, которое позволяло обеспечивать сотрудников и обучающихся необходимыми продуктами питания. Большое количество документов, в первую очередь, приказов, позволяют узнать детали обеспечения института посадочными материалами, инструментами, представить систему работы в подсобном хозяйстве сотрудников и студентов, но не только.

Тяжелое военное время становилось источником противоречивых коллизий. Показательна история командировки «за капустой и вином», которую открывает нам текст приказа от 26 июня 1944 г. Приведем его большую часть: «24 июня 1944 года ОРСом института была командирована в г. Шую Зав. базой тов. Козлова В. И за капустой и вином. Прибыв на место, тов. Козлова вместо погрузки капусты стала принимать все меры к тому, чтобы достать вина, для чего отправила автомашину за дровами на расстояние 20 километров от Шуи. Получив вино в количестве 20 литров, Козлова 1 литр выдала шоферу Сетемину, один литр якобы за ремонт машины, и один, видимо распили сами. Принимая во внимание, что Козлова уже не один раз предупреждалась о недопустимости самовольного расходования продуктов

П р и к а з ы в а ю:

1. Объявить Козловой строгий выговор <...>

Бухгалтерии института и ОРСа взыскать стоимость водки по рыночной цене с Козловой за один литр и Сетемина за один литр. Целесообразность расхода третьего литра установить т. Левкоеву. <...>» [2, д. 72, л. 107].

И в целом существование подсобного хозяйства института в годы войны, очевидно, было настолько непростым, что итогом всех противоречий, злоупотреблений и безответственности стал «развал подобного хозяйства», выразившийся, согласно тексту документа «в падеже двух лошадей... истощении четырех свиней... замораживании картофеля и капусты... и др.», за что директор хозяйства был привлечен к уголовной ответственности [2, д. 85, л. 3].

Эти и подобные им сюжеты повседневной жизни Ивановского педагогического института не просто открывают выразительные детали, но и заставляют исследователя размышлять о сложности существования людей в историческом времени.

Подводя итог, можно сказать следующее. В рамках небольшой статьи, конечно, невозможно воссоздать скольконибудь полную картину «образа жизни разного рода людей...», составлявших коллектив ИГПИ во время Великой Отечественной войны. Но очевидно, что этот предмет требует существенного изменения или обновления научного дискурса. Сегодня можно и нужно писать «новую историю» ИГПИ в годы войны, в фокусе которой должны быть локальные события, особенности повседневных практик, субъективный опыт, которые позволят нам приблизиться к пониманию жизненного мира «человека войны», а только это, в свою очередь сделает для нас и, особенно, для тех, кто идет за нами, необходимым и востребованным историческое знание.

Библиографический список

1. Берк Питер Что такое культуральная история / пер. с англ. И. Полонской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.
2. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-804. Ивановского государственного педагогического института, Оп. 3 (1941—1945 гг.): приказы Директора института, учебные планы, протоколы заседаний Ученого Совета, отчеты о работе, о прохождении педагогической практики и т. п. (далее — ГАИО)
3. Ивановский государственный университет глазами современников / сост. Е. М. Алексеева. Иваново, 1995. Вып. 2.
4. Рикёр Поль Память, история, забвение / пер. с франц. И. Блауберг и др. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
5. Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство?: сб. ст. / под ред. И. М. Каспэ. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
6. Stoler A. On archival labor. Recrafting colonial history. El trabajo archivístico y su importancia en la reformulación de la historia colonial. // № 46, 2015. Páginas 153-165 *Diálogo Andino*.
7. Цифровые копии газеты представлены на сайте Центральной универсальной научной библиотеки (Иваново) // Путь доступа: ЭБ ИО - Поиск по электронным документам

Л. П. Муромцева

доцент, Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова (Москва)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭМИГРАЦИИ ПО СОХРАНЕНИЮ АРХИВА И МУЗЕЯ ВОЙСКА ДОНСКОГО

В статье прослеживается деятельность эмигрантской интеллигенции по сохранению Донского исторического архива и музейных ценностей Войска Донского, вывезенных из Новочеркасска в годы Гражданской войны в Турцию (Стамбул), а затем не раз перемещавшихся из одной страны в другую. С 1925 по 1945 год архив, а также Донское войсковое имущество хранились в Праге. И сегодня их можно увидеть в Музее истории донского казачества, в Новочеркаске, куда музейные коллекции были возвращены в 1946 г. А в 1988 г. был открыт доступ к материалам Донского исторического архива, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации.

Ключевые слова: эмиграция, интеллигенция, казачество, Войско Донское, архивы, музеи.

L. P. Muromtseva

Associate Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow).

ACTIVITIES OF EMIGRATION TO PRESERVE THE ARCHIVE AND MUSEUM OF THE DON ARMY

The article traces the activities of the emigrant intelligentsia to preserve the Don historical archive and museum values of the Don Army, exported from Novocherkassk during the Civil War to Turkey (Istanbul), and then more than once moved from one country to another. From 1925 to 1945, the archive, as well as the Don military property, were stored in Prague. And today they can be seen in the Museum of the History of the Don Cossacks, in Novocherkassk, where museum collections were returned in 1946. And in 1988, access to the materials of the Don Historical Archive,

which are stored in the State Archive of the Russian Federation, was opened.

Key words: emigration, intelligentsia, Cossacks, Don Army, archives, museums.

После 1917 г. вместе с эмигрантами за границей оказалось немало культурно-исторических ценностей, вывезенных из России. Среди них заметно выделяются коллекции казачьих реликвий и архивов, являющихся важным историческим источником. Обратившись к ним, можно полнее и глубже соприкоснуться с духовной жизнью наших зарубежных соотечественников, оказавшихся волею судеб далеко от Родины, но всячески стремившихся сохранить свою национально-культурную идентичность, не раствориться в иной среде.

Культурная и научно-информационная роль архивного и музейного дела прекрасно осознавалась эмигрантской интеллигенцией, в составе которой были видные представители российской исторической науки. [2, л. 16]. В начале 1930-х гг. историк и архивист Б. Р. Брежго опубликовал обзор музеев и архивов российского зарубежья, где, в частности, отмечал: «За рубежом встречаем крупные и богатые по содержанию русские архивы. Известны десять более или менее значительных русских архивохранилищ, из коих в Чехословакии — пять, во Франции — четыре и одно в Германии» [1, с. 7].

Одной из интересных и ценных коллекций такого рода были материалы Донского исторического архива и Донского музея. Еще в 1884 г. в Новочеркасске — административном центре Области войска Донского — возникло Общество любителей донской старины, сыгравшее большую роль в создании музейного собрания. А в 1899 г. состоялось открытие Донского музея истории казачества в специально построенном для него здании в центре города. Наиболее важные документы Войска Донского хранились в музее, но основная масса архивных материалов оставалась в ведении войсковой канцелярии [4, с. 7].

Если бы не революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война, реликвии донского казачества вряд ли по-

кинули бы стены Новочеркасского музея. Но из-за угрозы захвата Новочеркасска Красной Армией в декабре 1919 г. по решению Донского казачьего правительства и атамана Войска Донского А. П. Богаевского Донской архив и основная коллекция музея, оцененная в 8 763 500 рублей, были вывезены из Новочеркасска по железной дороге в Новороссийск.

Эвакуация из Новороссийска в марте 1920 г. остатков Донской армии, а вместе с ней архивных и музейных ценностей, происходила при весьма драматических обстоятельствах под огнем наступавших красных. Для Донской армии было выделено всего три парохода, которые не могли вместить всех людей. Казакам пришлось даже оставить на берегу тысячи породистых лошадей. Но, несмотря на все ужасы Новороссийской катастрофы, коллекции Донского архива и Новочеркасского музея были переправлены морем в Константинополь.

В Константинополе вывезенные материалы Донского архива и Новочеркасского музея истории донского казачества разместили в здании летней резиденции Российского посольства в Буюк-Дере, где приступили к их предварительному разбору. Но там архивные и музейные ценности Войска Донского надолго не задержались. В связи с эвакуацией в 1921 г. из Турции остатков армии генерала П. Н. Врангеля, в которую входил Донской казачий корпус, казачьи реликвии переправили через Болгарию в Югославию и хранили в течение четырех лет в Белградской крепости под контролем образовавшейся в 1923 г. Донской исторической комиссии. На этом их зарубежные странствия, однако, не закончились. В 1924 г. в Чехословакию из Парижа приезжал А. П. Богаевский, чтобы договориться с властями о перемещении туда реликвий истории Дона. В феврале 1925 г. под руководством члена Донской исторической комиссии П. А. Скачкова они были перевезены по железной дороге в Прагу на деньги, выделенные Чехословацким правительством.

В столице Чехословакии казачьи музейные экспонаты вместе с Донским архивом первое время находились в помещениях Национального музея благодаря любезному содействию его директора, доктора Теодора Сатурника. А в 1927 г. их пере-

везли в здание на Вензиговой улице. В Чехословакии в то время существовало несколько группировок и объединений казачьей эмиграции. Между ними развернулась борьба за право обладания святынями казачества. В частности, их пытались взять под свой контроль Общеказачий сельскохозяйственный союз и Центральное Правление Вольного казачества — казаков-националистов. Но, пользуясь поддержкой донского атамана А. П. Богаевского, Скачков не выпустил ценности из своих рук.

Фонды архива систематически пополнялись за счет документации находившихся в эмиграции донских органов управления, штабов и различных организаций. К моменту вхождения Донского исторического архива в РЗИА в его состав входили 269 931 документов по истории Великой и Гражданской войн, пребывания Донской армии в эмиграции, а также документы Красной Армии, отбитые казаками во время боевых действий; исторический отдел содержал 63368 документов; учреждения войскового Донского правительства — 621 814 документов. Эмигрантский период насчитывал 45 038 документов на 94 972 листах [6, с. 11].

К 1934 г. Донская историческая комиссия фактически распалась, а чехословацкие власти уведомили о прекращении субсидий на содержание коллекций.

Чтобы выйти без потерь из создавшейся тяжелой ситуации, незадолго до своей смерти А. П. Богаевский в начале 1934 г. по предложению П. А. Скачкова санкционировал передачу донских коллекций на хранение в Русский заграничный исторический архив (РЗИА) при Министерстве иностранных дел Чехословакии, которое его и финансировало.

По этому поводу был заключен специальный договор из 14 пунктов, гарантировавший особые условия их хранения и определенную автономию созданного в 1934 г. в составе РЗИА Донского отдела. Его возглавил П. А. Скачков, а после кончины последнего — его помощник, бывший полковник М. А. Ковалев.

Далеко не сразу о переходе коллекций из Новочеркасска под юрисдикцию РЗИА стало известно более широким кругам казачьей эмиграции в Чехословакии. Лидер казаков-

националистов В. Г. Глазков сразу же обратился с письменным протестом против передачи реликвий «в руки русских», опубликованным в 1935. г. в журнале «Казакия».

В действительности на основе специального соглашения коллекции Донского музея все эти годы числились на временном хранении в фондах Национального музея в Праге. В рукописном «Проекте условий передачи материалов Донского Казачьего архива в фонды Р.З.И. Архива при МИД Чехословацкой Республики» говорится только об архивных материалах. В частности, в пункте 2 подчеркивается: «По установлении в России некоммунистической власти все материалы Донского казачьего архива передаются в Россию, в Донской войсковой архив или иное равноценное на Дону учреждение» [3, л. 4]. Как явствует из машинописного же экземпляра «Проектов основных положений для организации Комиссии по Казачьему отделу при РЗИА», коллекции из Новочеркасского музея истории донского казачества обозначались термином «войсковое имущество». Пункт 21 этого документа гласил: «Имущество донского Архива с его описями, в полном объеме подлежит возврату его собственнику — Войску Донскому по требованию Войсковой власти, основанному на постановлении Представительного органа — Войскового круга, с ведома и согласия Общегосударственной Российской некоммунистической власти, признанной Правительством Чехословацкой Республики. Если в течение тридцатилетнего срока в России не наступят все, указанные выше условия, это войсковое имущество подлежит возвращению в Донской музей в Новочеркасске» [3, л. 9]. Как видим, предусматривался даже вариант передачи ценностей в Советскую Россию при условии сохранения большевистского режима через 30 лет, то есть к середине 1960-х гг.

В 1942 г. архивные материалы и музейные коллекции Донского отдела РЗИА были переданы по требованию фашистской оккупационной администрации в чехословацкий архив Министерства внутренних дел и Национальный музей, находившиеся под ее строгим контролем.

Лишь в 1946 г., наконец, закончились многолетние странствия архивных и музейных реликвий Донского казачества. По соглашению между правительствами Советского Союза и Чехословакии Русский зарубежный исторический архив был передан в СССР. В составе этого архива находился и Донской исторический архив с частью музейных ценностей и библиотекой. 115 казачьих знамен и штандартов, атаманские регалии, оружие (булавы, насеки и др.), портреты военачальников Войска Донского, юбилейные подарки (братины, чаши, кубки), церковная утварь, иконы, кресты, археологические находки, ордена, медали перевезли из Праги в Москву, где их вернули через Комитет по делам культурно-просветительных организаций при Совете Министров РСФСР на законное место — в экспозицию и фонды Новочеркасского музея истории донского казачества [5, с. 26, 28]. Документы же из Донского исторического архива на долгие годы закрыли в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации). Только в 1988 г. они были переведены с секретного на открытое хранение. Часть библиотеки Донского архива (книги, журналы, брошюры, газеты) вошли в состав Научной библиотеки центральных государственных архивов СССР, а часть ее осталась в Славянской библиотеке в Праге.

Библиографический список

1. *Брежнев Б. Р.* Русские музеи и архивы вне России. Даугавпилс. 1932. 17 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5791. Оп. 1. Д. 36 (далее — ГА РФ).
3. ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 11.
4. Новочеркасский музей истории донского казачества. Путеводитель. Ростов-на-Дону, 1978. 80 с.
5. *Павлова Т. Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 19—30.
6. Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. 671 с.

Н. Р. Наркабилов (Кучкар Наркабил)

член Союза писателей Узбекистана (Ташкент)

БЕЛОРУССКО-УЗБЕКСКАЯ МАТУШКА
(80-летию Великой победы посвящается)

Представленный материал — это рассказ автора о поездке в Белоруссию и встречах, результатом которых стали стихи о дружбе народов, победивших в Великой войне, о белорусской девочке, которую спас узбекский воин, а затем в эвакуации приютила узбекская семья, о том, что любовь и душевная теплота, полученные в детстве, сохраняются на всю жизнь.

Ключевые слова: Н. Р. Наркабилов (Кучкар Наркабил), война 1941—1945 гг., Узбекистан, Белоруссия, эвакуация, дружба народов.

N. R. Narkabilov (Kuchkar Narkabil)

Member of the Writers Union of Uzbekistan (Tashkent)

BELARUSIAN-UZBEK MOTHER
(dedicated to the 80th anniversary of the Great Victory)

The presented material is the author's story about a trip to Belarus and meetings that resulted in poems about the friendship of the peoples who won the Great War, about a Belarusian girl who was saved by an Uzbek soldier and then given shelter by an Uzbek family during the evacuation, about how love and warmth received in childhood last a lifetime.

Key words: N. R. Narkabilov (Kuchkar Narkabil), war 1941—1945, Uzbekistan, Belarus, evacuation, friendship of peoples.

22 июня 2021 г. Утро. Самая середина леса. От Минска верст тридцать. В районе Пуховичи.

Кстати, сегодня день, когда началась война.

Здесь меня сопровождают фотожурналист Дмитрий и старенький, но еще крепкий историк Александр Александрович.

Вот этот лес, трудно сейчас представить, является свидетелем тех ужасных лет. Скольких партизан защитил и скрыл он в своих объятиях. В Белоруссии и лес воевал против фашистов. Во время войны среди бойцов были и узбеки, мои черноглазые деды. Вот и мне сейчас за большой сосной показался узбекский парень с оружием.

Мне показалось, или я увидел? Идешь, и боишься наступить на землю: вдруг увидишь глаза погибших в боях солдат.

— Здесь узбеки тоже воевали, да, дед? — спросил я, глядя на деда Александра.

— Конечно. В то время много узбекских парней служили в Белоруссии. Знаешь, у нас есть такая поговорка: **«Узбеки — восточные белорусы. Белорусы — европейские узбеки!»**

Эта необычайная поговорка появилась в годы войны, — сказал повидавший на своем веку старец, — Поэтому, мы, белорусы, считаем узбеков своими, уважаем их мужество и героизм.

— Во время войны в наш край было эвакуировано много белорусских детей. Кстати, Вы меня поведете к той старушке, о которой Вы рассказывали?

— Обязательно, уже через версту, мы будем на опушке. Дальше село. Старуха там живет. «Мы её называем ташкентская бабуля», — говорил, смеясь, Дмитрий-фотограф.

Мы вошли в село. Было очень волнительно встретиться со старенькой согнутой от прожитых лет старушкой, эвакуированной во время войны в Ташкент и прожившей там детские и юные годы.

Да, память не умирает. Детство не умирает, добро не умирает, не умирает! Не умирает! Не умирает, не умирает, не умирает!!!

Когда старушка узнала, кто я и откуда, она, сидя на пороге своей избы, заплакала. Я почувствовал, что в её дрябленьком от старости тельце еще жива память, память, которую можно сравнить с морской волной, а слёзы, которые лились из её глаз, брызгами этих волн. Она содрогалась от волнения, как

будто вернулся её сын, без вести пропавший много лет. Сказать честно, и у меня тоже появились слёзы.

Мои попутчики стали подтрунивать над старушкой:

— «Вот он приехал, именно, к Вам, из Ташкента»

Изба. Сморщенная старушка не может какое-то время успокоиться. Но потом взяла себя в руки. Далее я решил написать стихами:

В избе дрожит старушка от волнения
Плачет, а по телу ветер-холодок...
На столе хлеб, сыр и квас, и скатерть белая,
Говорит: «Добро пожаловать, сынок...»
Рада, будто сын с войны вернулся
И волнуясь, шепчет невзначай:
«Нету чайника», — смущенно повернулась,
Подала в стакане мне зеленый чай.
И альбом листая, худенькой рукой
Улыбалась: «Помню двор, деревья, помню сад весной...
Вот я! Моё детство... вот арык большой...»
В памяти промчались годы чередой.
И блестят слезинки добрых, серых глаз,
И дрожат ресницы, слышится вопрос,
С умилением глядя на гостей, на нас:
«Сладок ли поныне, в Ташкенте абрикос?»
А потом взгрустнула — задрожал альбом —
В памяти воскресли бой, кровешный ад...
Пред собой лес вижу, и горит все в нем...
Сколько там погибло молодых солдат!
Вся земля пылала, стоял страшный гул
Громыхали танки, цепьями звеня,
И боец-узбек руку протянув,
Осторожно девочку вынес из огня...
Нет здесь больше жизни, всё сожгла война
От земли до неба горе, смерч и мгла.
И осталась девочка в том краю одна...
Приютила девочку узбекская семья.
Погостив немного, собрался я домой

Обняла старушка: «Спасибо, дорогой!»
И к груди прильнула, с дрожью, вся в слезах,
Словно та девчонка вмиг в ней ожила...
«Не забуду землю вашу: сад... порог...» —
Плача, прошептала старушка чуть дыша,
И скажу я больше: «Видит Бог, сынок,
В моей груди с тех пор — узбекская душа!»

УДК 93/94

В. С. Околотин

заведующий кафедрой, Ивановский государственный университет
(Иваново)

**ИЗ ИСТОРИИ НАГРАЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА
ИВАНОВСКИХ ВУЗОВ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Статья посвящена истории награждения преподавателей ивановских вузов за подготовку кадров в годы Великой Отечественной войны государственными наградами.

Ключевые слова: вузы г. Иваново, профессорско-преподавательский состав, награждение, Указ, Президиум Верховного Совета СССР, научный полк.

V. S. Okolotin

Head of the Department, Ivanovo State University (Ivanovo)

**FROM THE HISTORY OF AWARDING THE TEACHING
STAFF OF IVANOV UNIVERSITY DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The article is devoted to the history of awarding state awards to teachers of Ivanovo universities for training during the Great Patriotic War.

Key words: universities of Ivanovo, faculty, awarding, Decree, Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, scientific regiment.

Система высших учебных заведений Ивановской области сполна ощутила трудности военного времени. В Иваново были эвакуированы вузы из Москвы и Ленинграда. Несмотря на военное лихолетье, они продолжали действовать и готовить квалифицированные кадры для различных отраслей промышленности, сельского хозяйства и медицинских учреждений. О том, как осуществлялось признание заслуг представителей профессорско-преподавательского состава в годы войны и рассказывается в данной статье.

Итак, 21 декабря 1943 г. состоялось совещание бюро Ивановского обкома ВКП(б). На нем рассматривался вопрос «О проведении 25-летнего юбилея институтов: энергетического имени В. И. Ленина, химико-технологического, текстильного и сельскохозяйственного». Это было связано с тем, что в декабре 1943 г. исполнялось 25 лет со дня преобразования Иваново-Вознесенского политехнического института в отраслевые вузы. В том числе энергетического имени В. И. Ленина, химико-технологического, текстильного и сельскохозяйственного институтов, которые как в мирное время, так и в годы войны достигли значимых успехов не только в подготовке квалифицированных кадров для народного хозяйства страны, но и в области научной работы.

В результате бюро обкома приняло решение разрешить указанным институтам празднование 25-летнего юбилея. Одновременно было решено поддержать ходатайства наркоматов: электростанций, боеприпасов, текстильной промышленности и земледелия о представлении ряда работников институтов к правительственным наградам.

Руководству вузов было предложено 25 декабря 1943 г. провести совместные заседания студентов, профессоров, преподавателей и сотрудников институтов, посвященных 25-летию с докладом «25-лет Иваново-Вознесенского политехнического института». Докладчиком утвердить профессора И. И. Заслав-

ского. Бюро также обязало завоблторгоотделом Богатова и горторготделом Крымова, директоров обувной фабрики «Трудовая коммуна» Огурцова, «Инпошив» — Голубева, Комбината искусственной подошвы Скворцова обеспечить институты товарами. Директору «Облзаготживконторы» Шипову было предложено продать сельхозинституту для укомплектования молочного стада учхоза 5 голов «швицев», 5 голов «Красной Горбатки» в обмен на имеющееся поголовье. Ему же также было поручено продать подсобным хозяйствам энергетического института им. В. И. Ленина 10 голов овец [1].

В преддверии празднования данного юбилея вузами были подготовлены представления по награждению ведущих преподавателей. В частности, химико-технологическому институту 15 человек профессорско-преподавательского состава. Из Ивановского текстильного института 5 человек, Сельскохозяйственного 11 человек и Энергетического 8 человек. Всего 39 человек. Далее согласно документам этот список был направлен в Управление НКГБ по Ивановской области и 18 декабря 1943 г. его начальником Е. П. Гореловым Г. Н. Пальцеву под грифом «совершенно секретно» (этот документ в настоящее время рассекречен — комментарий О. В.) был дан ответ. К нему были приложены о наличии компрометирующих материалов на 7 человек из указанного списка [2].

Однако история с награждением на этом не закончилась. 29 декабря 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О награждении орденами и медалями работников Ивановских институтов — Текстильного, Энергетического имени В. И. Ленина и Сельскохозяйственного». Он был опубликован в газете «Правда» 26 февраля 1944 года.

В нем говорилось следующее: «В связи с двадцатилетием Ивановских институтов — Текстильного, Энергетического имени В. И. Ленина и Сельскохозяйственного и учитывая проделанную ими большую работу по подготовке высококвалифицированных специалистов для промышленности и сельского хозяйства и широкую помощь промышленности и сельскому хо-

зяйству, в особенности в дни Отечественной войны, наградить следующих работников этих институтов» [3].

И далее следовал перечень награжденных [3].

Орденом Трудового Красного Знамени были награждены: Касаткин Василий Геннадьевич — профессор Сельскохозяйственного института; Кузьмин Леонид Михайлович — профессор Текстильного института; Разумов Алексей Васильевич — директор энергетического института имени В. И. Ленина; Розанов Федор Маркианович — директор Текстильного института, кандидат технических наук, доцент; Роскин Ефим Самойлович — заместитель директора Текстильного института по учебной и научной части, кандидат технических наук, доцент; Сушков Вячеслав Владимирович — профессор Энергетического института имени В. И. Ленина; Федоров Владимир Семенович — доктор физико-математических наук, профессор Энергетического института имени В. И. Ленина; Филоненко Георгий Кузьмич — доктор технических наук, профессор Энергетического института имени В. И. Ленина.

Ордена «Знак Почета» были удостоены: Залесов Сергей Георгиевич — доцент энергетического института имени В. И. Ленина; Кованько Владимир Николаевич — доктор технических наук, профессор Текстильного института; Лопатин Борис Владимирович — кандидат технических наук, доцент Энергетического института имени В. И. Ленина; Масленников Михаил Сергеевич — профессор Энергетического института имени В. И. Ленина; Полтырев Савелий Соломонович — заместитель директора Сельскохозяйственного института по учебной и научной части, доктор биологических наук, профессор Сельскохозяйственного института; Свешников Александр Михайлович — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент.

Медаль «За Трудовую доблесть» получил Васильев Александр Сергеевич — кандидат биологических наук, доцент Сельскохозяйственного института.

Медалью «За Трудовое отличие» были награждены: Ковалев Кузьма Филлипович — доцент Сельскохозяйственного института; Малаховский Алексей Яковлевич — кандидата сель-

скохозяйственных наук, доцент Сельскохозяйственного института; Моисеев Николай Иванович — истопник-кочегар Сельскохозяйственного института; Насекин Николай Аркадьевич — профессор Текстильного института; Юницкий Валентин Павлович — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент Сельскохозяйственного института.

Таким образом, правительство высоко оценило вклад профессорско-преподавательского состава ивановских вузов в подготовку специалистов в годы Великой Отечественной войны. Наравне с преподавателями, воевавшими на фронтах войны и награжденных орденами и медалями за ратные подвиги, они по праву входят в состав научного полка Ивановской области.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Д. 749. Л. 168 (далее — ГАИО).
2. ГАИО. ФП-327. Оп 7. Д. 821. Л. 187.
3. Правда. 1944. 26 февраля.

УДК 94 (470.53)

В. А. Порозов

доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ В ГОРОДЕ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ 1941—1945 гг.

Как один из центров эвакуации, город Молотов (Пермь) сосредоточил в годы Великой Отечественной войны большое число представителей российской художественной интеллигенции, которые сумели найти свое место в подвиге Города трудовой доблести.

Ключевые слова: художественная интеллигенция, эвакуация, Великая Отечественная война, трудовой подвиг тыла, художественное творчество, Театр им. Кирова (Мариинский), город Молотов (Пермь).

V. A. Porozov

Associate Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University
(Perm)

ARTISTIC INTELLIGENTSIA OF RUSSIA IN THE CITY OF LABOR VALOR 1941—1945

As one of the evacuation centers, the city of Molotov (Perm) concentrated during the Great Patriotic War a large number of representatives of the Russian artistic intelligentsia, who managed to find their place in the feat of the City of labor valor.

Key words: artistic intelligentsia, evacuation, the Great Patriotic War, labor feat of the home front, artistic creativity, Kirov Theater (Mariinsky), the city of Molotov (Perm).

2 июля 2020 г. Указом Президента РФ в числе первых двадцати городов России городу Перми было присвоено звание «Город трудовой доблести». Трудовые подвиги пермяков, называвших себя в годы Великой Отечественной войны молотовчанами, трудно перечислить. Каждое четвертое артиллерийское орудие, 15 процентов авиамоторов, более 13 млн минометных снарядов, около трех млн реактивных зарядов для «Катюш», 650 тыс. телефонных аппаратов были произведены тружениками предприятий города. Девять предприятий были награждены орденами (завод № 172 — трижды!). Шести предприятиям переходящие красные знамена были оставлены на вечное хранение. 500 млн рублей пожертвовали пермяки в фонд обороны, на фронт было отправлено 170 вагонов теплых вещей, 280 вагонов с подарками. Пермские доноры сдали 35 тыс. литров крови [8].

Тяготы военного времени не всегда позволяли уделять должное внимание культуре. Даже в 1943 г. из 15 клубов, работавших в городе до войны, функционировало только семь, из пяти кинотеатров — три, на миллион экземпляров (было 2,5 млн.) уменьшился книжный фонд. Некоторые учреждения культуры утратили оборудование, в них было холодно, грязно, никаких мероприятий кроме кино и танцев не проводилось. По-

давлиющее большинство общежитий лишились красных уголков. При этом 120 тыс. руб. из средств, выделенных в 1942 г. на культуру, не израсходовали [2. 1943. 21 мая].

При всем том героические достижения города — это не только подвиг проживавших в нем до войны пермяков. Город принял огромное количество эвакуированных — предприятий и мирных граждан. Только на площадке авиамоторного завода № 19 было размещено оборудование восьми заводов и двух конструкторских бюро. Ряд крупных промышленных предприятий сегодняшней Перми с военных лет и начинают свою историю. В 1941—1943 гг. именно в Молотове-Перми функционировали два наркомата — вооружения и угольной промышленности. Население губернского чиновного города, которому лишь в 1938 г. был возвращен областной статус и в черту которого окончательно вписали заводские окраины, в считанные месяцы возросло на 74,6 тыс. человек при численности населения города (по переписи 1939 г.) 255,2 тыс. [7, с. 22, 26].

Точно так же волею обстоятельств город превратился в один из ведущих центров российской художественной культуры. Нельзя сказать, что этот феномен возник на пустом месте: культурные традиции губернского города, первого на Урале города университетского достаточно известны. С немалым трудом они поддерживались в 1920—1930-е гг. К примеру, Пермь была единственным не областным городом России, имевшим стационарный оперный театр. Однако взлет пермского художественного феномена, как называли некоторые столичные деятели культуры достижения пермяков в этой сфере социальной жизни 1960—1970-х гг., берет свое начало именно в военные годы.

Эвакуированные прибывали из Москвы, семи республик СССР и 11 областей России. Но особо значимой во всех сферах жизни стала эвакуация из блокадного Ленинграда. Из 259,3 тыс. человек прибывших в область свыше 108 тыс. человек были ленинградцы, в том числе 31,5 тыс. из 80,8 тыс. детей [7, с. 22—23]. Среди прибывших было немало представителей творческой интеллигенции, а пребывание в городе Молотове Академиче-

ского театра оперы и балета имени Кирова стало новой легендой и без того уже легендарной Мариинки.

Привез в Пермь эвакуируемый по Транссибу театр его художественный руководитель Народный артист СССР и орденоносец дирижер Арий Моисеевич Пазовский, уроженец этого уральского города, в котором провел детские годы, учился играть на скрипке и дебютировал как дирижер. Вместе с ним в эшелоне, насчитывавшем порядка 80 теплушек и два классных вагона для руководства, прибыло около тысячи работников театра с двумя с половиной тысячами членов их семей и даже просто с друзьями [б. 8 февр.]. Все были размещены, обеспечены работой и максимальным по возможностям города питанием. Даже девочки из хореографического училища приравнялись в этом отношении к взрослым рабочим. Местная опера уступила ленинградцам свою сцену, отправившись в скитания по области.

За два года и девять месяцев пребывания на уральской земле ленинградские артисты показали 27 оперных и балетных постановок при общем количестве свыше тысячи спектаклей, 11 концертов-спектаклей и около 3500 военно-шефских концертов. Постановщики и ведущие исполнители оперных спектаклей А. М. Пазовский, Л. В. Баратов, Ф. Ф. Федоровский, О. А. Кашеварова, Г. М. Нэлепп, Б. М. Фрейтков были удостоены Сталинских премий. Ф. И. Балабина, Т. М. Вечеслова, Н. М. Дудинская, Г. Н. Кириллова, Г. С. Уланова, А. Я. Шелест, С. С. Каплан, В. И. Пономарев, К. М. Сергеев, приезжавшая из Москвы М. Т. Семенова, работавшие с училищем А. Я. Ваганова, Е. Н. Гейденрейх, Н. П. Ивановский задавали высочайшую планку хореографического искусства, которая будет поддерживаться в городе в послевоенные годы. Приезжавшие композиторы завершали здесь работу над своими произведениями: А. И. Хачатурян закончил «Гаянэ» и после постановки ленинградцев (дирижер П. Э. Фельд, хореограф Н. А. Анисимова) получил свою вторую Сталинскую премию; С. С. Прокофьев написал в клавире «Золушку» (поставлена в столицах после войны); Мариан Коваль закончил поставленную Мариинским театром на пермской сцене оперу «Емельян Пуга-

чев» (либретто всероссийски известного поэта-пермяка Василия Каменского), за музыку которой (в оркестровке Д. Р. Рогаль-Левицкого) также был удостоен Сталинской премии.

Неоднократно посылались бригады в Свердловск, Челябинск, к химикам Соликамска, Березников, Губахи, шахтерам Кизеловского угольного бассейна. Артисты театра вели активную концертную деятельность на местном радио, площадках областного центра. В составе десяти концертных бригад ленинградцы побывали на передовых линиях фронта, в Сталинграде сразу после легендарной битвы, в Ленинграде после снятия блокады, на Украине вместе с наступающими частями Красной Армии.

Но артисты не только пели и танцевали. Ощущая себя лидерами отечественной интеллигенции, они активно проявляли, как тогда говорили, свое общественное лицо: выступали на митингах, участвовали в демонстрациях, осваивали военный всеобуч с нешуточным изучением уставов и строевой подготовкой, сдавали личные сбережения на военные нужды, приобретали облигации государственных займов. Театр внес более четырех миллионов рублей в фонд обороны и перечислял средства от целевых спектаклей в фонд помощи детям фронтовиков [2. 1944. 2 июня].

«Я — балерина, — говорила Т. М. Вечеслова на антифашистском женском митинге 22 сентября 1941 г. — Всю свою жизнь я отдаю искусству — этому прекраснейшему виду человеческой деятельности. С гордостью я думаю о замечательнейших достижениях русского балета, которые доставили ему мировую славу. Но я, прежде всего, советская актриса, для которой творческая работа неразрывна с гражданскими обязанностями. Нашей стране выпала историческая задача защищать культуру от фашистских варваров, сохранить искусство и науку, спасти человечество от гибели и разрушения. Будем же всегда помнить об этой великой исторической задаче, вдохновляя наших мужей и братьев на борьбу с врагом» [2. 1941. 23 сент.].

Возвращаясь в Ленинград, артисты единодушно отмечали, что годы, проведенные в сложных условиях уральской провинции воюющей страны, не пропали зря. «Мне кажется, — гово-

рила Г. С. Уланова, — что пребывание в Молотове Ленинградского театра имени С. М. Кирова оставит большой след, заметно скажется в культурной жизни города. Уезжая, мы благодарим наших зрителей-молотовцев за ту любовь, которую они высказывали нам, которой поддерживали нас и каждый раз вдохновляли на дальнейшее высокое и радостное служение искусству». «Каждый раз, выходя на сцену в Молотове, — сказала Ф. И. Балабина, — я сознавала, что выступаю для героев-уральцев, для многих сотен советских патриотов, которые своим напряженным трудом на фабриках и заводах служат делу победы над врагом. Это сознание придавало мне творческие силы и заставляло мириться с теми техническими затруднениями, которое особенно ощущалось балетной труппой из-за небольших масштабов молотовской сцены». «Не сомневаюсь, — подчеркнула Г. Н. Кириллова, — что трехлетнее пребывание нашего театра в Молотове способствовало культурному росту молотовских зрителей и повысило их требовательность к театру, а те образцы высокой ленинградской театральной культуры, которую мы имели возможность демонстрировать здесь, благотворно скажутся на уровне спектаклей музыкального театра, призванного занять наше место» [2. 1944. 2 июня].

Последняя мысль также оказалась пророческой. Местная опера, будучи, с приездом ленинградцев, официально расформированной, в кратчайший срок возродилась как самостоятельный театр и после работы в нескольких городах региона в 1944 г. вернулась на родную сцену. Руководством города и области задача была поставлена предельно определенно: соответствовать творческому уровню ленинградцев. Под руководством нового директора и художественного руководителя коллектива Савелия Григорьевича Ходеса задача эта была решена, что подтверждается спектаклями театра, отмеченными за 1946 и 1950 г. Сталинскими премиями, а также постоянной поддержкой власти и общественности, в частности открытием известного ныне хореографического училища.

Работая в 1942—1944 гг. в труднейших условиях в городах области, театр к 1943 г. имел 175 человек творческого со-

става. Выступали в заводских условиях, на стройках и нефтепромыслах, на фермах и полевых станах, даже в шахтах. Слушатели знакомились с русской классикой: в полном объеме звучали «Иван Сусанин», «Князь Игорь», «Мазепа» и ряд других опер отечественного и мирового репертуара. Театр стремился пробудить в трудящихся военного тыла патриотические чувства любви к своей Родине и уважения к культурным ценностям. Была даже поставлена опера композитора-современника на актуальную военную тему — «Три встречи» композитора Л. А. Ходжа-Эйнатова, не удержанная, впрочем, в репертуаре.

За два с половиной года в промышленных районах области было дано 699 спектаклей, на которых побывало около полумиллиона человек. Было организовано 282 концерта. 19 человек выезжала на фронт в составе концертных бригад, некоторые по два и три раза. Только первая фронтовая бригада дала за два месяца в действующей армии 224 концерта. На фронте побывали А. Базарова, Г. Земляков, А. Любченко, М. Кузнецова, дирижеры И. Бушуев и М. Пазовский, балетмейстер Г. Язвинский. За два года было дано 534 шефских концерта в госпиталях и агитпунктах. Из личных сбережений в феврале 1943 г. работники театра собрали 100 тыс. руб. на эскадрилью «Кизеловский шахтер». На займы 1942—1945 гг. небольшой коллектив театра подписался на сумму около миллиона рублей. Особое внимание уделялось выступлениям в воинских частях и военных учебных заведениях. Артисты обучались военным специальностям, посещали курсы медсестер, некоторые были донорами [1, л. 73, 81—82].

Нельзя забывать о тех, кто покинул театр, отправившись на непосредственную защиту Отечества с оружием в руках. Артисты театра М. Аксенов, П. Бобылев, И. Глебов, А. Павлов, З. Школьник, директор Н. С. Варушкин пали смертью храбрых в боях за Родину. Прошли трудный боевой путь и вернулись в театр В. Крылов, М. Сейгель и Б. Чиркин, И. Пачук стал капитаном, кавалером ордена Красной Звезды, Ю. Егоров участвовал в боях под Смоленском, М. Чугунов штурмовал Берлин [3, с. 60].

Значительный шаг вперед сделал областной драматический театр. В 1941 г. его возглавил И. С. Ефремов, будущий главный режиссер Ленинградского Большого драматического театр им. Горького (в 1950—1952 гг.) и начальник управления культуры Ленсовета. Ряд спектаклей поставил А. Б. Винер, будущий глава театра «Эстония». Труппу дополнили московские и ленинградские актеры заслуженные артисты РСФСР А. А. Колобаев, М. Н. Розен-Санин, А. Г. Шейн, артисты Т. Ф. Градова, М. В. Щуко, Ю. В. Городецкий [4, с. 355—356]. Возник полюбившийся городу Театр музыкальной комедии, просуществовавший до театральной реформы 1948 г. Официально в ведении Отдела по делам искусств при Исполкоме облсовета функционировал Областной театр миниатюр — до возвращения его основателя и художественного руководителя А. Н. Любанского и ведущей актрисы Ю. М. Даминской в город Горький.

В истории филармонии остались выступления в городе в военные годы Э. Г. Гилельса, Л. Б. Когана, Г. Г. Нейгауза, Д. Ф. Ойстраха, В. В. Софроницкого, Я. В. Флиера и других выдающихся мастеров музыкального искусства, создание собственной фронтовой концертной бригады «Звездочка», членам которой за активную работу и героизм командование Северо-Западного фронта вручило гвардейские значки.

12 и 13 июля 1941 г. на открытой эстраде городского сада им. М. Горького даны первые «оборонно-патриотические концерты». Участвовали артисты филармонии и гастролировавших в Молотове Свердловского театра драмы и Чкаловской музыкальной, поэты города. Через две недели к ним присоединились лауреаты Всесоюзных конкурсов скрипач Наум Латинский, пианист Виктор Городинский, чтец Антон Шварц, артист оперы орденоносец Владимир Таланкин, солистка московской филармонии А. Ляховецкая. 2 августа опубликовано письмо находящейся в Молотове лауреата международных конкурсов музыкантов-исполнителей, кавалера ордена «Знак Почета», сестры великого пианиста Лизы Гилельс, в дальнейшем профессора Московской консерватории Елизаветы Григорьевны Гилельс,

заслуженной артистки РСФСР, жены выдающегося скрипача Леонида Когана. В письме говорится: «Многочисленный советский народ в едином порыве решил создать могучий фонд обороны. В эти грозные часы войны с кровавыми ордами фашизма сердце каждого сына, каждой дочери родины наполнено одним стремлением, одним чувством — сделать как можно больше во имя родины, принести как можно больше пользы для победы над врагом. Вчера я внесла в фонд обороны 2000 рублей. Пусть эти деньги явятся моим вкладом в фонд обороны. Я обращаюсь ко всей молодежи Молотовской области и ко всем работникам искусств — моим товарищам по профессии с призывом внести в фонд обороны свои вклады. Этим мы еще и еще раз продемонстрируем свою беззаветную любовь к нашему отечеству, к партии, к нашему дорогому товарищу Сталину, этим мы ускорим гибель кровавых гитлеровских полчищ. Создадим всенародный фонд обороны родины!» [2].

Уже 23 июня читатели областной газеты получили номер с актуальными стихами пермского поэта и журналиста Сергея Стрижова, а 24 июня опубликован его документальный очерк «Первая ночь» с рассказом о том, как сразу после объявления войны труженики Завода имени Сталина, прервав воскресный отдых, вышли на работу и в первую же ночь войны показали двукратный рост производительности труда [2]. В середине июля 1941 г. в Молотовском книжном издательстве тиражом 10 тыс. экземпляров выходит первая книга о боевых буднях, так и озаглавленная: «Великая Отечественная война советского народа». Если до войны местная организация Союза писателей вместе с будущими, но уже пишущими, а также репрессированными членами от силы насчитывала десяток человек, то в годы войны она вырастала до 86 официально признанных писателей. В 1941—1943 гг. в Перми творили В.А. Каверин, М.Э. Козаков, В. Ф. Панова, А. А. Первенцев, С. Е. Розенфельд, М. Л. Слонимский, И. С. Соколов-Микитов, окончившие здесь свой жизненный путь А. А. д'Актиль, Ю. Н. Тынянов [7, с. 207].

Первые панно, плакаты и лозунги, зовущие на борьбу с врагом, появились в городе в первые же дни войны: их авторами

стали студенты художественного училища под руководством художника И. И. Россика: по оценке современников, они показали «образец организованности и быстроты». 11 сентября 1941 г. решением горисполкома утверждена организация мастерской по выпуску агитплакатов и агитокон. Молотовские художники А. Б. Бриндаров, Ф. И. Дорошевич, Д. Л. Зайдман, Е. В. Камшилова, П. А. Оборин, Э. Н. Шорина работали вместе с эвакуированными видными мастерами Ю. А. Васнецовым, Н. В. Кашиной, В. М. Орешниковым, Г. Г. Ряжским, М. М. Черемных. Художественным руководителями мастерской были известные московские художники В. Г. Одинцов и Б. В. Иогансон [5, с. 34—37]. В эти же дни в Молотовской художественной галерее открылись выставки патриотических произведений советских художников [2. 1941. 31 июля]. Впрочем, вскоре выставки будут передвижными, а залы галереи будут отданы под хранилища фондовых коллекций столичных музеев.

Разумеется, не обходилось без проблем и противоречий. Нередко столичные деятели искусства искали места потеплее, поблагоприятнее, отправляясь, часто без разрешения руководства, в города Средней Азии и Закавказья, при первой же возможности покидали суровый уральский край и возвращались в столицу; обещания постоянной помощи местной культуре и постоянного сотрудничества быстро забывались. Но не об этом сегодня речь. Лучшие представители российской художественной интеллигенции вновь на передовой.

Библиографический список

1. Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 20. Первичные организации ВКП(б)-КПСС Ленинского района города Перми, объединенный архивный фонд. Оп. 1. Д. 3301.
2. Звезда: орган Молотов. ОК и ГК ВКП(б), обл. и гор. Советов депутатов трудящихся.
3. *Витвицкий К. З.* Артисты Пермской оперы. Пермь: Кн. изд-во, 1987. 131 (1) с.
4. *Ивинских Г. П.* Пермский театральный период: Из истории театрального искусства Пермского края. XIX—начало XXI века. Пермь: Титул, 2014. 682 (2) с.

5. *Казаринова Н. В.* Художники Перми. Л.: Художник РСФСР, 1987. 192 с.
6. Память сердца: Военный дневник прославленного театра / сост. С. П. Королева, Г. Ф. Станковская // *Вечерняя Пермь*. 1985. 8—18 февр.
7. Пермский край в Великой Отечественной войне: энцикл. Изд. испр. и доп. Пермь: Пушка, 2020. 471 (1) с.
8. Пермь — город трудовой доблести // Муниципальное образование город Пермь. URL: <https://www.gorodperm.ru/> (дата обращения: 07.04.2025).

Секция 2.
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

УДК 94

А. П. Анисимова

Ивановский государственный университет (Иваново)

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МЕСИЛОТ» И ИНИЦИАТИВЫ
М. ЯХИЛЕВИЧА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОБЩИНЫ ИЗРАИЛЯ

Исследование посвящено анализу деятельности Михаила Яхилевича и группы репатриантов-единомышленников, образовавших группу «Месилот» и ставших одними из первопроходцев в развитии сферы изобразительного искусства «Русской улицы» Израиля. Отдельное внимание в работе уделено культурному взаимодействию художников с Россией.

Ключевые слова: израильские художники, «Месилот», репатрианты СССР/СНГ, «русская улица» Израиля.

A. P. Anisimova

Ivanovo State University (Ivanovo)

THE MESILOT ASSOCIATION AND M. YAKHILEVICH'S INITIATIVES IN DEVELOPING THE CULTURE OF THE RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITY OF ISRAEL

The study is devoted to the analysis of the activities of Mikhail Yakhilevich and a group of like-minded repatriates who formed the Mesilot group and became some of the pioneers in the development of the fine arts of the "Russian Street" of Israel. Special attention in the work is given to the cultural interaction of artists with Russia.

Key words: Israeli artists, "Mesilot", repatriates from the USSR/CIS, "Russian street" of Israel.

Культурная сфера жизни любого государства — это сложная система, состоящая из разных отраслей искусства, образования и науки. Изучение роли репатриантов в развитии израильского художественного пространства последней четверти XX — начала XXI века является важным и многоплановым направлением исследования культурных трансформаций в условиях миграции. Русскоязычные художники, прибывшие в Израиль в рамках т. н. «Большой алии», не только продолжили свою профессиональную деятельность в новой стране, но и некоторым образом влияли на формирование местного художественного дискурса. Их стремление сохранить художественные традиции советской школы, адаптировать их к израильскому контексту и участвовать в международном культурном обмене делает этот феномен значимым для анализа. Показательным примером такого влияния стало создание объединения «Месилот» и творческая деятельность Михаила Яхилевича, чей вклад в развитие израильско-российских культурных связей заслуживает внимания. Этому объединению практически не уделено внимания в отечественных исторических исследованиях. Данная статья является попыткой заполнить возникший пробел.

По воспоминаниям известных художников «русской улицы» удалось восстановить процесс формирования объединения

«Месилот» (ивр. «пути», «тропинки», «колеи» — в смысле от множественного «колея»), формально появившегося в 1991 году. Инициатором его создания стал Михаил Фритиофович Яхилевич, художник из семьи потомственных еврейских интеллигентов, сын поэтессы и переводчицы Елены Аксельрод, репатрировавшийся в Израиль в 1990 году. Переехав в новую страну М. Яхилевич достаточно быстро осознал различия в художественных традициях и необходимость объединения усилий для проведения совместных выставок и дальнейшего профессионального развития в чужой культурной среде: «Мне, новоявленному сионисту и в то же время послушному ученику московской школы живописи, был непонятен такой сознательный отказ от традиции. Он казался заблуждением, досадной ошибкой. Почти никто не пользовался холстами и красками, зато все фотографировали, делали коллажи, писали тексты, строили инсталляции. <...> В Израиле хотелось заниматься именно живописью. Я уговорил своих друзей — художников, приехавших из России, объединиться и выставляться вместе. В группу вошли восемь человек» [1].

В «Месилот», помимо инициатора создания объединения Яхилевича, вошли Михаил Моргенштерн, Борис Карафелов, Валерия Барштейн, Юлия Шульман, Элла Бышевская и Лея Зарембо [1]. Почти все они приобрели известность еще в СССР, были членами разных союзов художников. На начальном этапе объединению «Месилот» активно предоставляли поддержку уже обжившиеся в стране репатрианты 1970-х годов Михаил Гробман и выпускник Киевской художественной школы им. Т. Г. Шевченко и Московского полиграфического института, ученик известного советского художника Владимира Вейсберга Ян Раухвергер. М. Гробман помог в налаживании знакомств в среде галеристов, а Я. Раухвергер стал организатором первой общей выставки группы «Месилот» в Тель-Авивском Доме художников в 1991 году [1].

В первые же годы существования объединению удалось организовать несколько выставок своих работ в разных городах Израиля, среди которых были Тель-Авив, Иерусалим, Рамат-Ган

[2]. Разумеется, это сказалось положительно не только на их профессиональной деятельности, но и на репрезентации русскоязычных художников в стране.

Достаточно быстро объединение «Месилот» вышло за рамки внутренних проектов. С 1991 по 1999 год художники этой группы организовали более 20 выставок в Израиле, России, Германии и Италии. В 2021 году «Месилот» очередной выставкой отметил свое 30-летие. Правда, по мнению некоторых посетителей, «настрой» участников этого показа оказался слабее наиболее маститных предшественников [3].

В рамках изучения вопросов культурного обмена Израиля и России в сфере живописи важно рассмотреть и индивидуальные инициативы Михаила Яхилевича, а не только его работу в составе группы «Месилот». Репатриировавшись в Израиль, он активно занялся профессиональной художественной деятельностью, вступил в Союз художников выступал куратором выставок и презентаций [2]. Уже в 2000 году за свою работу стал лауреатом премии Фонда Булата Окуджавы за вклад в абсорбцию художников-репатриантов, что иллюстрирует признание его вклада в развитие культуры русскоязычного Израиля.

Одним из таких мероприятий, имеющих значение для израильско-российских культурных связей, стала выставка, посвященная 90-летию организации «Джоинт» в Москве, куратором которой Яхилевич выступил в 2003 году [2]. Привлеченный в качестве профессионального эксперта-художника для работы, он тем самым стал вовлечен в межстранный диалог.

1 февраля 2006 года в Москве в Музее личных коллекций Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина была открыта семейная выставка «Общая тетрадь. Три поколения семьи Аксельрод. Живопись, графика, стихи», в которой экспонировались в т.ч. современные работы Яхилевича, которые были созданы уже после репатриации. Выставка проводилась при поддержке Федерации еврейских общин России и других еврейских организаций. Сам художник в автобиографии писал, что стал первым израильским художником, получившим приглашение

выставиться в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

В качестве израильского художника в России М. Яхилевич был представлен на выставках:

- «Картины из книги» в Москве в 2002 году;
- «Праздники» в Москве в 2007 году;
- «Это было у моря» в Москве в 2011 году;
- «Юбилей» в Москве в 2016 году.

Часто мотивами его живописных произведений становились зарисовки из израильской жизни, ближневосточные пейзажи. Они привлекали российского зрителя, позволяя приобщиться к далекой от него реальности.

Подводя итог, хотелось бы сделать вывод о том, репатриация художников в Израиль в последней четверти XX века стала важным культурным явлением, оказавшим значительное влияние на развитие местного изобразительного искусства. Среди значимых процессов этого периода — формирование профессиональных сообществ русскоязычных художников, одним из первых ярких примеров которого стало объединение «Месилот», основанное в 1991 году Михаилом Яхилевичем. Это сообщество не только способствовало адаптации и самореализации репатриантов в новой культурной среде, но и внесло заметный вклад в многообразие художественного пространства Израиля.

Участники «Месилот» активно участвовали в выставочной жизни как внутри страны, так и за её пределами, представляя своё творчество в России, Германии и других странах. Индивидуальная деятельность Михаила Яхилевича способствовала не только укреплению позиций русскоязычных художников в Израиле, но и развитию культурного диалога между Израилем и Россией. Его участие в кураторских проектах, выставках в престижных московских музеях и популяризация израильской художественной реальности среди российской аудитории стали важным этапом в развитии двусторонних культурных связей.

Таким образом, история объединения «Месилот» и творческий путь Михаила Яхилевича служат ярким примером того,

как репатриация может стать стимулом для культурного развития внутри страны, а также обмена между государствами.

Библиографический список

1. Яхилевич М. Поворот круга // Иерусалимский журнал. 2019. № 62. URL: <https://new.antho.net/wp/jj62-yakhilevich/#post-8426-footnote-ref-1> (дата обращения: 18.04.2025).
2. Михаил Яхилевич: официальный сайт. URL: <http://www.michael-yakhilevich.com> (дата обращения: 18.04.2025).
3. Mknizhnik. Выставка к 30-летию группы «Месилот» // Livejournal. 22 июня 2021 года. URL: <https://mknizhnik.livejournal.com/292051.html?es=2> (дата обращения: 18.04.2025).

УДК 94(47)+908

А. М. Белов

профессор, Костромской государственный университет (Кострома)

А. Н. Малинин

аспирант, Костромской государственный университет (Кострома)

УЧАСТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КООПЕРАТИВНОМ ДВИЖЕНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам Костромской и Ярославской губерний)

В статье рассматривается участие представителей интеллигенции в кооперативном движении в начале XX в. Объектом исследования являются кооперативные организации различных видов на территории Костромской и Ярославской губерний. Были привлечены опубликованные земские издания, периодическая печать и архивные материалы.

Ключевые слова: интеллигенция, кооперация, кооперативное движение, российская провинция, Костромская губерния, Ярославская губерния.

A. M. Belov,

Professor, Kostroma State University

A. N. Malinin,

Postgraduate student, Kostroma State University

**THE PARTICIPATION OF THE INTELLIGENTSIA
IN THE COOPERATIVE MOVEMENT AT
THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
(based on materials from Kostroma and Yaroslavl provinces)**

The article examines the participation of intellectuals in the cooperative movement in the early XX century. The object of the study is cooperative organizations of various types in the Kostroma and Yaroslavl provinces. Published zemstvo publications, periodicals and archival materials were involved.

Key words: intelligentsia, cooperation, cooperative movement, Russian province, Kostroma province, Yaroslavl province.

Российская кооперация с самого начала своего возникновения нуждалась в грамотной постановке дела. Успех любого кооператива зависел не только от осознанности его членов, но и от деятельности кооперативных служащих. Они, занимая ключевые позиции в учетно-распорядительном аппарате кооперативов, отвечали за документальную работу счетоводства, контроля регистрации и учета [10, с. 31]. В силу неграмотности большинства населения страны подобную работу далеко не всегда могли вести крестьяне. Именно поэтому в сельской и городской местности за помощью обращались к образованным элементам общества, среди которых выделяли духовенство и интеллигенцию. Такое сотрудничество было возможно благодаря тому, что кооператив приносил выгоду всем его членам вне зависимости от сословной принадлежности и социального положения в обществе. Так, к 1 января 1904 г. в составе Варнавинского потребительского общества (г. Варнавин, Костромская губерния) пайщиками стали не только крестьяне (10) и мещане (14), но и чиновники (31), служащие в общественных и частных учреждениях (22), купцы (5), лица духовного звания (3) и учителя (2) [2,

л. 144]. Аналогичная ситуация была в январе 1914 г. в Марьинском сельскохозяйственном обществе (Мологский уезд, Ярославская губерния). Общество состояло из 72 членов, среди которых были крестьяне (51), мещане (5), член землеустроительной комиссии (1), люди с агрономическим образованием (4), духовные лица (8) и учителя (3) [7, л. 104].

В источниках земского и кооперативного происхождения, как правило, не делалось пояснений относительно того, кого следует относить к интеллигенции. Ярославская губернская земская управа весной 1912 г. произвела опрос потребительских обществ губернии. К тому времени в Ярославской губернии функционировали 32 общества, но на анкеты земства ответили только 19. Земству было важно понять, кто выступал инициатором возникновения кооперативов. Оказалось, что в 2 случаях инициатором выступали церковнослужители, а в 3 случаях — «местная интеллигенция». Кроме того, в 9 обществах в числе учредителей были 80 лиц «интеллигентных профессий» [12, с. 7—8], но при этом не указывалось, какие именно профессии к ним относятся.

В этом плане интересен рапорт инспектора мелкого кредита Ф. В. Горского управляющему Ярославским отделением Государственного банка от 6 марта 1912 г. Инспектор, докладывая об открытии сельскохозяйственного общества в с. Георгиевском (Даниловский уезд, Ярославская губерния), отметил, что инициатором создания кооператива стала местная интеллигенция в «лице священника Вознесенского» и «дворян братьев Андреевых» [8, л. 1]. Получается, представителей духовенства либо вносили в число интеллигенции, либо выделяли отдельно. Например, газета «Поволжский вестник», сообщая о съезде по делам мелкого кредита в Костромской губернии 1—2 сентября 1913 г., отмечала, что на нем, помимо крестьян, присутствовали «представители духовенства и сельской интеллигенции» [13, с. 2].

Анализ источников свидетельствует о том, что под интеллигенцией в первую очередь понимали образованных людей. Это доказывает тот факт, что на ответственные посты пригла-

шали не только церковнослужителей, но и учителей. Последние занимали в кооперативах такие важные должности, как член Ревизионной комиссии [3, л. 21 об.], казначей [4, л. 9], секретарь [4, л. 9], счетовод [1, л. 7]. Стоит отметить, что профессиональные навыки человека стояли выше гендерных представлений того времени. Перечисленные должности занимали как учителя-мужчины, так и учительницы. В Костромской губернии такие женщины стали казначеем Большесольского сельскохозяйственного общества [4, л. 9], членом Ревизионной комиссии Майтихинского потребительского общества [3, л. 21] и счетоводом Забельского потребительского общества [1, л. 7].

Потребность в образованных кооперативных работниках оставалась актуальной на протяжении всей истории российской кооперации второй половины XIX — начала XX в. В июне 1909 г. в газете «Поволжский вестник» сообщалось, что для эффективной экономической борьбы кооперативам нужны опытные и честные интеллигентные силы. Однако, по мнению автора, этот «драгоценный человеческий капитал» уничтожила реакция, а без него кооперативы не будут быстро развиваться [14, с. 5]. В 1913 г. к сельской интеллигенции обратилась редакция журнала «Костромской кооператор». По ее словам, народ, живя в период «глубокого поворота в области народного хозяйства и народной психологии», ищет выход из создавшегося «гнетущего состояния русской жизни». В этом народу способна помочь только кооперация. Однако возникает проблема отсутствия опытных руководителей в кооперативных организациях. Журнал призывал земских работников (агрономов, врачей, учителей, фельдшеров и др.) помочь крестьянству в стремлении организовать хозяйственную и культурную жизнь на кооперативных началах. Было бы желательно, если сам интеллигент возьмет на себя инициативу в устройстве таких организаций. Участие интеллигенции в кооперативном движении важно, так как в прошлом именно она «всегда шла на помощь народу в его поисках лучшей жизни» [9, с. 1—2]. Интересно, что некоторые образованные люди целенаправленно стремились проявить свои силы в развитии отечественной кооперации. В январе 1912 г. в Кост-

ромскую уездную земскую управу пришло письмо кандидата экономических наук С. М. Лотошникова. Адресант писал, что желает «приложить свои силы в области сельскохозяйственной кооперации», поэтому просит управу зачислить его кандидатом на должность инструктора по кооперации [5, л. 1]. В дальнейшем Лотошников станет видным костромским эсером. Именно эсеры придавали кооперации особое значение. Она воспринималась ими как подготовительное средство для вызревания социалистических отношений внутри капитализма [10, с. 61].

Интеллигенты были особенно необходимы кооперативному движению в годы Первой мировой войны. В 1915 г. Костромское Центральное сельскохозяйственное общество, обсуждая вопросы культурно-просветительской деятельности кооперативов, признало необходимость привлекать к кооперативной работе интеллигенцию и учащихся высших учебных заведений. Они должны быть задействованы в работе над составлением кооперативных газет и журналов, а также в разработке и систематическом чтении лекций по истории, литературе, политической экономии, кооперации и т. п. [6, л. 19, 39 об.]. Годы войны стали временем народного сплочения. В марте 1916 г. периодическая печать сообщала, что в Костромской губернии открывается сеть потребительских обществ, в создании которых принимает участие сельское население, руководимое священниками, учителями и агрономами [11, с. 3].

Таким образом, участию интеллигенции в кооперативном движении в начале XX в. уделяли особое внимание. Под интеллигентом в первую очередь понимали образованного человека, который в силу своих знаний и навыков мог занять важную и ответственную должность в кооперативной организации. При этом из-за отсутствия необходимых статистических сведений сложно выявить масштабы участия интеллигенции в кооперации, и это открывает новые перспективы в исследовании данного вопроса.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области. Ф. 182. Оп. 2. Д. 5.
2. Государственный архив Костромской области. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11709 (далее — ГАКО).
3. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12318.
4. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1176.
5. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Л. 1184.
6. ГАКО. Ф. 510. Оп. 2. Д. 1.
7. Государственный архив Ярославской области. Ф. 79. Оп. 7. Д. 4367 (далее — ГАЯО).
8. ГАЯО. Ф. 518. Оп. 3. Д. 11.
9. К сельской интеллигенции // Костромской кооператор. 1 августа 1913. № 6—7. С. 1—2.
10. *Кабанов В. В.* Кооперация, революция, социализм. М.: Наука, 1996. 206 с.
11. Курьер. 13 марта 1916.
12. Общества потребителей в Ярославской губернии: материалы, анкеты, произведенные Ярославской губернской земской управой в 1912 году / Ярославское губернское земство, Агрономический отдел. Ярославль: Типолитография Губернской земской управы, 1912. 80 с.
13. Поволжский вестник. 3 сентября 1913.
14. Поволжский вестник. 7 июня 1909.

УДК 159.922

Б. А. Воскресенский

доцент, Российский национальный исследовательский институт имени Н. И. Пирогова (Москва)

Р. И. Бегматов

ассистент, Российский национальный исследовательский институт имени Н. И. Пирогова (Москва)

ЛИЧНОСТЬ КАК ЕДИНСТВО МНОГООБРАЗИЯ

Представлено становление и формы организации психики человека — от панпсихизма к трихотомии. Акцентируются понятия ценностей, личности, интеллигенции, сострадания.

Ключевые слова: психика, становление, трихотомия, ценности, сострадание, антиномия.

B. A. Voskresensky

Associate Professor, Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow)

R. I. Begmatov

Assistant, Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow)

PERSONALITY AS A UNITY OF DIVERSITY

The formation and forms of organization of the human psyche are presented — from panpsychism to trichotomy. The concepts of values, personality, intelligence, and compassion are emphasized.

Key words: psyche, formation, trichotomy, values, compassion, antinomy.

Масштабы феномена интеллигентности необозримы. Он, «...несмотря на свое родовое (мировое) качество, всегда имеет не только этнонациональное, но и личностно-конкретное историческое лицо» [8]. В своих размышлениях мы пойдем от общего к частному. Становление психики человечества в целом понимается нами как этапы, «ноосферной истории человечества» — истории формирования содержания духовных процессов, которые наиболее ярко прослеживаются прежде всего в эволюции интеллигенции [8].

Антропологические (в широком смысле), культурно-исторические и психологические исследования позволяют полагать, что изначально человек был «первичноцелостным» (термин наш). Тело и психика не разграничивались и в своем единстве не противопоставлялись окружающему миру, все «было таким же, как человек», и в этом контексте «было психическим». И «мировая душа», и «шепот листьев», и «раздумья обезьяны» были реальностью, а не мифологически-романтическими построениями. Через века и тысячелетия эти переживания частично преобразовались в близкие нам художе-

ственные образы — вспомним хотя бы монолог Нины Заречной в первом действии чеховской «Чайки». Этот модус взаимоотношения человека с окружающим миром в некоторых своеобразных формах являет себя и в наши дни. Таковы, например, феномены экстрасенсорики и телепатии, (квалифицированная оценка которых требует психиатрических и психофизиологических знаний), это и симптоматика собственно психопатологических состояний — транзитивизм (перенос пациентом своих болезненных переживаний на окружающих), синдром психического автоматизма (он же синдром Кандинского-Клерамбо) и др. Это и одно из человеческих (в самом возвышенном смысле) чувств — эмпатия, лежащая, в частности, в основе особого, на-верное, самого человеческого чувства — сострадания.

Постепенно, со временем человек (равно-человечество) «понял» (равно-«поняло»), что он (оно) состоит из тела и души-психики в самом широком смысле — дихотомия. Затем эта изначально единая психика разделилась на части «инструментальную» — психические (уже в узком, «функциональном» смысле) процессы — мышление, эмоции, воля, память и др. и «содержательную» — ценностную — то, что человек ставит выше себя, ради чего он живет, то, что им движет.

Это уже трихотомия — антропологическая структура, пришедшая к нам из глубины тысячелетий, именуемая ныне как биопсихосоциальная модель. Графически она может быть изображена как три концентрические окружности, дух отображает внешняя. Углубляя это видение, круги следует преобразовать в овалы, что позволит выразить иерархию структур.

Становление-усложнение психики представлено, по нашему мнению, и в строках «Большой элегии Джону Донну» И. Бродского:

Нет, это я, твоя душа, Джон Донн.
Здесь я одна скорблю в небесной выси
о том, что создала своим трудом
тяжелые, как цепи, чувства, мысли.
Ты с этим грузом мог вершить полет
среди страстей, среди грехов и выше.

Ты птицей был и видел свой народ
повсюду, весь, взлетал над скатом крыши.
Ты видел все моря, весь дальний край.
И Ад ты зрел — в себе, а после — в яви.
Ты видел также явно светлый Рай
в печальнейшей — из всех страстей — оправе.

«Чувства», «мысли», созерцание («видел»), движение («полет») [3] открывают-порождают Рай, Ад, народ и все другие структуры бытия. Так формируется и ноосфера, и зарождается интеллигенция. Применительно к начальным этапам будет уместно воспользоваться термином В. С. Меметова «протоинтеллигенция» [7].

Современное определение интеллигенции ставит во главу угла «особый моральный комплекс служения идеалу» [9]. Психологическим=душевым базисом для этого мы считаем рефлексивность сознания [4], которая, как и другие, онтогенетически предшествующие ей варианты организации сознания, является продуктом культурно-исторического развития.

Но и «моральный комплекс», и «идеал» — это не душевные процессы, а ценностные, так сказать, общечеловеческие структуры. Но являют себя они через конкретного человека, которого в представляемом контексте правомерно определить как личность.

Личность формируется также поэтапно, ее «предшественниками» (мы имеем в виду онтогенез психической индивидуальности по Г. К. Ушакову [10]) являются темперамент и характер.

Повторим — личность — это человек как хранитель, носитель и создатель ценностей.

Каждый по-своему проявляет себя в пространстве ценностей, творит или разрушает истину, веру, красоту, любовь к отечеству, к ближним, к себе, к комфорту. Однако, даже в эпоху постмодернистской рядоположенности приоритеты здесь имеют место быть.

И как раз перечисление многочисленных и многообразных этапов психического развития с неизбежностью ставит вопрос о

направленности этих преобразований. Нам близка позиция Л. Н. Гумилева, расположившего на вершине графика становления пассионарной системы жертвенность. Его построения, нередко подвергаемые критике, могут быть подкреплены заключениями генетиков: «Сильнейшие, наиболее самонадеянные стремятся к тому, чтобы попираť слабых. Но влияние этого космического процесса на эволюцию обществ тем сильнее, чем грубее форма их цивилизации. Социальный прогресс является средством, ограничивающим на каждом шагу могущество процесса космического и выдвигает на смену ему другой процесс, который мы можем назвать этическим. Результатом этого процесса может оказаться переживание не тех, кто наиболее приспособлен к общим условиям существования, а тех, кто приспособлен к условиям существования наилучшего, в смысле этическом» [12] (Отдавая себе отчет в неоспоримо высоком авторитете В. Эфроимсона как ученого и гражданина, предлагаем читателям самостоятельно решить вопрос о том, насколько буквально следует понимать этот вывод).

Но исследователь не одинок в своей позиции. Советский писатель В. Астафьев в повести «Печальный детектив» задается вопросом: «Зачем нужны тормозимые личности?» [1] (имеются ввиду люди деликатные, воспитанные, стеснительные, внутренние не способные к агрессии). И тут же дает ответ: «Чтобы одна половина человечества не съела другую». А по-своему популярный мыслитель сравнительно недавнего прошлого И. И. Ильин, многими упрекаемый в жесткости некоторых своих идеологических позиций, в статье «О призвании врача» подчеркивает: «Диагноз осуществляется в живом художественно-любовном созерцании страдающего брата...»¹ [5].

Такое антиномное отношение субъекта к окружающему изумляет. Но это и есть одно из проявлений многогранности человека. Вновь позовем на помощь чеховские образы. Разбирая его «Скрипку Ротшильда», К. И. Чуковский задается вопросом:

¹ Точности ради необходимо указать, что в этих строках, как и почти во всей статье И. Ильин цитирует письмо своего семейного врача.

«Праведник или злодей этот Яков? Не то и не другое! И то и другое.... Он и положительный и отрицательный сразу»¹. И далее классик детской поэзии и литературоведения разъясняет: «И в пьесах, и в новеллах он властью своего мастерства заставляет нас жалеть даже тех, *кому мы не можем сочувствовать и кого не расположены любить...*» [11]. Этот вывод предотвращает искушение «по-современному», — то есть постмодернистски — трактовать антиномию — как равноценность, равнозначность, рядоположенность противоположностей ее составляющих².

Анонсировав в заголовке единство, в тексте мы сосредоточились на лишь одном переживании — сострадании неслучайно. Именно это переживание делает нас человеческими, то есть несущими жизнь и ее сохраняющими. И именно оно сейчас весьма активно подвергается различного рода обструкциям.

В заключение все же вернемся к личности. Это человек как носитель и создатель ценностей, то есть существо ноосферное, хранящее как духовную-ценностную историю, так и творящее современность человечества. В заключение воспользуемся (немного его переформулировав), афористическим определением классика психиатрии XX века: «Я» (здесь resp. Личность. — Б. В., Р. Б.) есть мир как переживание³.

Это и есть единство многообразия.

¹ Заметим, что сам К. И. Чуковский не пользуется понятием антиномия. Он говорит о «диалектике образов, их превращении в свою противоположность, в свой, так сказать, антитезис...» (С. 129). Полагаем, что сегодня такое употребление слова диалектика правомерно будет расценить как знак того времени. Диалектика подразумевает единство и борьбу противоположностей, антиномия просит, призывает нас вместить, совместить противоположности и по-человечески пережить их.

² За упоминанием постмодернизма здесь стоит цитата из Х. Л. Борхеса: «... взгляд на мир как на систему, где все компенсируется повлиял на бессмертных всемерно. Прежде всего они потеряли способность к состраданию» [2].

³ В подлиннике говорится: «Душа есть мир как переживание. Сумма всех вещей, рассматриваемая с определенной точки зрения» [6].

Библиографический список

1. *Астафьев В. П.* Печальный детектив. М.: Вече, 2024. 384 с.
2. *Борхес Х. Л.* Письмена Бога. М.: Республика, 1992. 510 с.
3. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
4. *Воскресенский Б. А.* Интеллигенция как воплощенная рефлексия // Интеллигенция и интеллектуалы XXI столетия в контексте вызовов окружающего мира: материалы 32-й Междунар. науч.-теоретич. конф., Иваново, 22—23 сент. 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 92—96.
5. *Ильин И. А.* О призвании врача / Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
6. *Кречмер Э.* Медицинская психология / пер. с 3-го нем. изд. под ред. и с предисл. В. Е. Смирнова. М.: Кооперат. изд-во «Жизнь и Знание», 1927. 349 с.
7. *Меметов В. С.* Генезис, формирование и деятельность интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: кол. монограф. / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 432 с.
8. *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества как процесс коэволюции мировой интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: кол. монограф. / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 432 с.
9. *Усманов С. М.* Судьбы интеллигенции и процессы модернизации: опыт России, Востока и Запада // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: кол. монограф. / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т., 2008. 432 с.
10. *Ушаков Г. К.* Детская психиатрия. М.: Медицина, 1973. 393 с.
11. *Чуковский К. И.* О Чехове: Человек и мастер. 4-е изд. М.: Русский путь, 2008. 208 с.
12. *Эфроимсон В. П.* Генетика этики и эстетики // Независимый психиатрический журнал. 2019. № 3. С. 9—13.

В. А. Евсеев

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ГАРВАРД. НАЧАЛО СТАНОВЛЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Статья посвящена началу становления Гарвардского университета в середине XVII в. Выделены ряд общих и специфических аспектов его возникновения и становления. Проблемы материально-финансовые и кадровые. Религиозные дискуссии как стимул возникновения Гарварда.

Ключевые слова: Гарвард, возникновение колледжа, середина XVII в., проблемы становления

V. A. Evseev

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo),

HARVARD. THE BEGINNING OF ITS FORMATION IN THE MIDDLE OF THE XVII CENTURY

The article discusses the beginning of Harvard University's formation in the mid-XVII century, highlighting both general and specific aspects of its origins and development. It explores financial and personnel challenges, as well as religious discussions that served as an impetus for the establishment of Harvard.

Key words: Harvard, the emergence of the college, the middle of the XVII century, problems of formation

Возникшие еще в XVII веке первые высшие учебные заведения в Северной Америке (Гарвард — 1636 г, Колледж Уильяма и Марии — 1693 г., Йель — 1701 г.) по-прежнему остаются основными центрами подготовки интеллектуальной и политической элиты США. В этой связи изучение становления Гарварда — первого колледжа на территории английских североамериканских колоний — представляется вполне

обоснованной задачей. Какие проблемы вставали перед основателями данного учебного заведения? Какие аспекты стимулировали его возникновение? Именно эти вопросы мы постараемся осветить в данном сообщении.

История возникновения и первых десятилетий деятельности Гарварда отражает в целом первые этапы становления высшего образования в североамериканских колониях Великобритании в XVII в. Первые три колледжа Британской Северной Америки следовали образцам Реформационной Европы. Каждый колледж имел свои особенности, но были и общие элементы. Обучение шло под надзором церкви и в религиозном контексте. Представители установленной церкви в колонии обеспечивали внешнее управление, а гражданские власти были вовлечены как надзиратели, кроме Йеля, который был основан королём. Колония обеспечивала финансовую поддержку и верховный надзор над колледжами. Эта модель совместных церковно-государственных усилий работала достаточно стабильно для этой эпохи [1, р. 15]. Колония обеспечивала финансовую поддержку и верховный надзор над колледжами. Эта модель совместных церковно-государственных усилий работала достаточно стабильно для этой эпохи.

Религиозные дискуссии, которые были характерны для эпохи Реформации, конечно, отразились и на общественно-религиозной жизни первых колоний Англии в Северной Америке. С волнами мигрантов они перенесли в Новый Свет. Подобные религиозные споры среди колонистов, которые в первые десятилетия существования были выходцами из метрополии, требовали каким-то образом изменить ситуацию. Необходима была подготовка собственных священнослужителей, чтобы они проповедовали правильные идеи с точки зрения руководства колоний и большинства паствы. Это фактически и стимулировало создание собственной школы или колледжа. Такая мысль отражена в одном из самых первых печатных документов, посвященных ранней истории Гарварда. Он был создан 28 сентября 1642 г. анонимным автором из Бостона и озаглавлен «Первые плоды Новой Англии в отношении прогресса обучения в кол-

ледже Кембриджа Массачусетского залива». Анонимный автор выразил ту мысль, которая была и у руководства колонией для организации собственного учебного заведения по подготовки пасторов [4, р. 153]. События, связанные с делом Энн Хатчинсон, ускорили процесс по созданию колледжа.

28 октября 1636 года Большой и Генеральный суд Массачусетского залива «согласился дать 400 фунтов стерлингов на школу или колледж» [1, р. 1]. Несмотря на двусмысленность этой формулировки, нет никаких сомнений в том, что пуританские лидеры намеревались дать образование, сравнимое с образованием в Оксфорде и Кембридже, с которыми они были знакомы. Уже были предусмотрены условия для подготовительной грамматической или латинской школы в Бостоне. Это относительно щедрое ассигнование послужило толчком к череде событий, которые привели к созданию Гарвардского колледжа. Однако путь был далеко не легким. Дальнейшие шаги были предприняты в конце 1637 года, когда суд постановил, что колледж должен быть расположен в Ньютауне, и добавил, что «Ньютаун отныне будет называться Кембридж. Подготовка священников с правильным толкованием пуританства была понята как миссия нового колледжа. Поиск квалифицированных руководителей для колледжа был проблемой на протяжении всего семнадцатого века. Пасторы существующих общин были обязаны оставаться в своих приходах, что делало новых мигрантов, прибывавших из метрополии, наиболее вероятными кандидатами в учителя на первых порах. Летом 1637 года Натаниэль Итон прибыл в Бостон, по приглашению властей колонии. Ему было всего 27 лет. Он учился в Тринити-колледж в Кембридже. Итон был назначен мастером и ему было поручено основать колледж. Он начал обучать около десяти первокурсников летом 1638 года [1, р. 2].

Джон Гарвард, выпускник колледжа Эммануэль в Кембридже, прибыл в колонию, вероятно, на том же корабле, что и Итон. Он был назначен пастором в Чарлзтаун и, несомненно, посетил новый колледж. Когда вскоре после открытия колледжа он умер на следующий год от чахотки, то он завещал ему половину своего имущества, которое составляло около 1700 фт. [4,

р. 153—154]. Это в значительной мере материально обеспечило создание колледжа. Шесть месяцев спустя Генеральный суд постановил, что «колледж, на который ранее было дано согласие, был построен в Кембридже и назывался Гарвардским колледжем [5, р. 221].

Однако одна из основных проблем колледжа — кадровая еще не была решена. Натаниэль Итон не справлялся с обязанностями преподавателя, что привело к скандалу и фактически учебный процесс 1639—40 гг. был сорван. Студенты разошлись по домам или занимались с местными священниками. [2, р. 10]. Кадровая проблема по руководству колледжам была решена, когда в колонию прибыл Генри Данстер в августе 1640 года. Он, как и Джон Гарвард, обучался в Кембридже, где получил степени бакалавра, а затем и магистра. Данстер согласился стать первым президентом Гарвардского колледжа всего через три недели после высадки в Бостоне [1, р. 2]. Однако начать сразу нормальный учебный процесс Данстеру было сложно, ибо школяры были рассеяны по городу и окрестностям. Он был ответственен не только за то, чтобы вести их до начала 1642 года, но и за организацию устойчивых форм обучения. К лету 1642 году президент Данстер собрал своих учеников под одной крышей. Это были первые выпускники Гарварда, которые начали своё обучение ещё в 1638 г. К 1642 году были установлены и правила поведения для студентов Гарварда. Об этом писал анонимный автор в своём трактате. Он изложил восемь правил, а главная — «каждый изучающий получает ясные наставления и усердно настаивает на том, чтобы хорошо задуматься о том, что главная цель его жизни и учебы — познать Бога и Иисуса Христа» [4, р. 155]. Эти правила были похожи на те, которые регулировали жизнь студентов в Оксфорде или Кембридже.

Начало обучения в Гарварде в 1642 году ознаменовало первоначальный успех усилий Данстера. Девять студентов, начавших обучение у Натаниэля Итона, были удостоены первой степени бакалавра искусств. Часто отмечается, что колледж не имел полномочий присуждать степени, так как у него отсутствовала королевская хартия. Тем не менее, гарвардские дипломы

пользовались поддержкой колонии, которая создала колледж как одну из составляющих своего самодостаточного существования. Учитывая универсальный характер курса искусств и квалификацию президента Данстера как магистра, гарвардские степени вскоре стали признаваться и в других местах [5, р. 257—262].

В 1650 году Данстер смог укрепить управление колледжем, получив для него хартию от Генерального суда. Фактически до этого Гарвард был под контролем местной церкви до формального получения хартии. Этим актом Данстер установил колледж как независимую корпорацию. В самом начале хартии перечисляется состав Корпорация, состоящая из президента — Генри Данстер, пяти советников и казначея. Их имена перечисляются. Из них два магистра и три бакалавра. Эти семеро членов корпорации должны были нести ответственность за дела колледжа и, в частности, за его финансы. В хартии постановляется, что для лучшего управления колледжем и корпорацией президент и три или более советников должны собираться и обсуждать дела, касающиеся доходов и расходов, земель, товаров и доноров, и все эти сделки должны пойти на пользу корпорации (колледжа) для обеспечения зданиями [3, р. 196].

В 1654 г. Данстер вынужден был уйти в отставку из-за религиозных разногласий с руководством колонии. Подводя краткий итог первых трех десятилетий существования Гарварда, можно выделить ряд общих и специфических аспектов его возникновения и становления. Во-первых, как и при любой организации нового учебного заведения требуются две основные составляющие — материально-финансовые и кадровые. Обе эти проблемы стояли и перед Гарвардом, которые с трудом, но решались. Однако была и другая специфическая проблема — религиозные дискуссии среди самих жителей колонии. Именно они стимулировали создание колледжа. Они же послужили причиной отставки первого президента и, конечно, влияли на сам процесс обучения.

Библиографический список

1. Greiger L. Roger The History of American high education. Princeton: Princeton University Press, 2015. 564 p.
2. Morrison S. Three Centuries of Harvard, 1636—1936. Cambridge; Mass.; Harvard University Press, 1936. 512 p.
3. The Annals of America: Vol. 1(1493—1754). Discovering New World. By Encyclopedia Britannica Inc. Printed in the USA Library of Congress Catalog. Chicago, 1976. 599 p.
4. The Founding of Harvard College // America; Great Crises in our History Told by its Makers, A Library of original sources. Vol. II: Colonization, 1562—1753, Veterans of foreign wars of the United States. Chicago, U.S.A. 1925. 320 p.
5. The Founding of Harvard College / ed by S. E. Morison. Cambridge: Harvard University Press, 1935. 472 p.

УДК 130.2; 130.3

М. В. Жульков

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

САМОСОЗНАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Развитое самосознание является одним из ключевых отличительных черт интеллигенции. Самосознание интеллигенции откликается на нужды коллективного сознания социальной группы / нации / человечества в познавательном-интеллектуальном ключе — с одной стороны, и в сострадательном ключе — с другой. Также исследование показывает множественность самосознаний, его механизмов у человека, а также его операционный, инструментальный характер.

Ключевые слова: самосознание, интеллигенция, коллективное сознание человечества, глобальное сознание, нравственная составляющая сознания, отклик на нужды человечества

M. V. Zhulkov

Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

SELF-AWARENESS OF THE INTELLIGENTSIA: THE MAIN FEATURES

A vivid developed self-awareness is one of the key distinguishing features of the intelligentsia. The self-awareness of the intelligentsia responds to the needs of the collective knowledge of a social group/nation/humanity in a cognitive and intellectual way, on the one hand, and in a compassionate way, on the other. The study also shows the multiplicity of self-awareness, its mechanisms in humans, as well as its operational, instrumental nature.

Key words: self-awareness, intelligentsia, collective consciousness of humanity, global consciousness, the moral component of consciousness, response to the needs of humanity

Как известно, интеллигенция — это совокупность людей с развитым интеллектом и нравственной составляющей сознания. Интеллигенцию отличает острое самосознание, опора на собственное размышление, понимание и действие. Наше краткое исследование посвящено функционированию самосознания и его особенностям у интеллигенции.

В современной философской энциклопедии дается следующее определение самосознания: «Самосознание — (само-сознание) — противоположное осознанию внешнего мира (объекта) переживание единства и специфичности «Я» как автономной (отдельной) сущности, наделенной мыслями, чувствами, желаниями, способностью к действию. Включает в себя процессы самопознания (само-по-знания), самоидентификации, самоопределения» [1, с. 660]. Из определения следует, что владеет самосознанием Я, духовная сущность, она наделяется способностью переживания воли (действия), мыслей, чувств, желаний и собственно себя как отдельной сущности.

И. Кант в «Критике чистого разума» выделяет в познании внешнего мира два процесса: поток чувственного восприятия и совокупность представлений в сознании. Единство сознания обеспечивается трансцендентальной апперцепцией и суждением

«я мыслю». Эти два положения Кант называет синтетическим единством апперцепции, то есть самосознания. Благодаря самосознанию человек относит представления к тождественному Я, так возникает единство сознания [8, с. 131—132]. Кантовское выражение «я мыслю» фиксирует динамику высшего сознания, в то время как библейское «Я есть» — исходную структуру сознания, его высшую точку. Самовосприятие обеспечивается внутренним чувством, посредством которого Я воспринимает и переживает свои мысли, чувства, желания и действия [2, с. 51]. Посредством органов чувств внутреннее чувство воспринимает поток данных о внешнем мире, участвует в их превращении в представления. Внутреннее чувство проявляется также в воображении, способности производить образы.

Таким образом, Кант выделил пять уровней сознания: Я, чистый разум, владеющий мышлением (Я мыслю), представления, внутреннее чувство, чувственное восприятие. Их единство возникает благодаря мышлению, взаимодействие этих составляющих производит самосознание. Отметим, что Г. Гегель утверждал универсальное значение мысли: «Мышление составляет не только субстанцию внешних вещей, но также и всеобщую субстанцию духовного. Во всяком человеческом созерцании имеется мышление» [6, с. 122]. Философ считал, что в процессе эволюции происходит постепенное освобождение от чувственности в пользу мышления, саморефлексии — основе самосознания по Гегелю.

«На основании вышеизложенного выделим основные характеристики самосознания. Этот феномен — следствие динамических процессов взаимодействия нескольких структур в сознании: «Я есть» («Я мыслю»), высшее Я — рефлексия — воображение/представления — внутреннее чувство — познание (содержание сознания) — деятельность в социуме. В его основе лежат глубинные «Я есть» и «Я мыслю», которые объединяют наши восприятия, содержания нашего сознания — внешние и внутренние — в одно функционирующее сознание. Этот круговорот поддерживается усилиями самого сознания» [7, с. 150]. В этой сложной последовательности есть структуры и энергии.

Именно энергии обеспечивают связь структур, их согласованное функционирование, которое вызывает самосознание. Этих энергий три: внутреннее чувство (сознание в целом основано на чувствительности), мышление и желание/действие. Возможно, последнее называют также интенциональностью, направленностью сознания на объект. Если действие внутреннее, то имеем отождествление сознания с каким-то объектом, из чего возникает и внешнее действие.

В этом круговороте сложный состав, если его упростить, то мы вернемся к Кантовской первоначальной идее: Я (чистый разум) воспринимает поток чувственных данных, в результате возникают представления, две крайних точки и среднее звено, их взаимодействие обеспечивает самосознание.

Однако исследования современной психологии и нейрофизиологии убеждают в том, что сознание работает исключительно на основе мозга. Исследования мозга показывают (А. Р. Лурия), что психическая деятельность организована с помощью взаимодействия трех зон мозга: «1) блок, обеспечивающий регуляцию тонуса и бодрствования; 2) блок получения, переработки и хранения информации, поступающей из внешнего мира; 3) блок программирования, регуляции и контроля психической деятельности» [9, с. 84]. Тройственность пронизывает абстрактную философию. Три элемента объясняют структуру человека: дух и материя соединяются и вспыхивает сознание. Если это взаимодействие обеспечивается в уме или отражается в уме, то появляется самосознание.

В результате получается противоречие. С одной стороны, мы имеем абстрактные размышления о чистом разуме и о самосознании, с ним связанным, а с другой — о функционировании мозга и самосознании, связанным с ним, что является эмпирическим фактом. Кто же прав? Признание того, что правы оба, приводит нас к признанию двух самосознаний у человека: одно глубинное, другое – на уровне восприятия. Связаны ли они друг с другом?

Отметим, что термин Высшее Я встречается в Бхагавадгите, оно признается истинным Я в противоположность малому

личному я, которое считается иллюзорным [4, с. 64—68]. Задача человека соединить оба сознания, тем самым достичь целостного сознания. Высшее сознание в индийской философии называется также атманом, ум носит точечный характер и называется манасом: «В то время как ум (манас) является бесконечно малой величиной, подобной атому, я представляет собой нечто всепроникающее (вибху), неразрушимое и вечное» [10, с. 47]. Напрашивается аналогия между корпускулой и полем в физике: они взаимосвязаны, и все же относительно независимы друг от друга. Высшее Я носит, по-видимому, полевой характер, вследствие чего и распределено по планетарной сфере, что является основой глобального сознания и коллективного разума. Система йоги или восьмеричный путь буддизма показывают пути достижения целостного сознания. Отметим, что путь соединяет нравственные требования (первые две ступени йоги фактически идентичны десяти заповедям христианства), так и концентрацию и силу мысли. Эти требования совпадают с двумя основными качествами интеллигенции: интеллектом и нравственным началом.

Один из последователей психоанализа З. Фрейда, итальянский психолог Р. Ассаджиоли, выделил сверхсознательное в отдельную область, а в нем Высшее Я [3, с. 24—27]. Разработанная им концепция психосинтеза позволяет двигаться по пути синтеза двух самосознаний, которые он признает одним: «Есть одно “Я” и разные уровни его осознания и реализации» [3, с. 140]. Личное я является частичным отражением Высшего Я.

В связи с этим возникает вопрос об операционном характере личного я. Высшее Я строит связь между собой и воспринимаемой реальностью, и для того, чтобы оно могло действовать в социальной и природной среде, необходим самосознательный инструмент, которым и является биологическое тело с его развитым мозгом, развивающим самосознание в процессе взросления, образования, действия, жизненной борьбе.

Наше краткое исследование показывает наличие двух самосознаний в крайних точках сознания человека — высшей и низшей. В промежутке находятся ряд уровней сознания, кото-

рые мы разбирали выше, они также могут развивать самосознание по принципу личного я: необходимо развить три центра, заставить их действовать как одно целое благодаря взаимодействию, и самосознание произ рождается, если для этого будет достаточно наработанной человеком силы мысли, внутреннего чувства и воли.

На операционный характер сознания и составной характер самосознания намекает последовательность творения, описанная Вишну-Пураной. Согласно Вишну-Пуране, мир создается Брахманом с помощью предматерии, духа и циклов времени [5, с. 15]. Управитель времени Кала соединяет и разъединяет материю и дух в соответствии с вечными и неизменными циклами. Далее появляется принцип творения. Из принципа творения рождается самосознание, имеющее те же три аспекта, именно оно руководит дальнейшим развертыванием вселенной. Самосознание появляется в результате соединения духа и материи на четвертом шаге творения мира [5, с. 16]. Самосознание имеет сложный, составной характер, появляется как функция взаимодействия трех элементов. Ключевое слово здесь – взаимодействие, оно намекает на образование общего поля, в котором и рождается самосознание. На наш взгляд, это всегда поле ума, поле мысли как универсального связующего звена.

Итак, мы имеем две основных формы сознания или два варианта функционирования одного сознания — высшего и личностного, полевого и корпускулярного. Между этими двумя формами должна быть связь, чтобы обеспечить хотя бы минимальную целостность индивидуального сознания, обеспечить совместное проживание людей. В результате человек чувствует свою общность с другими людьми на основе внутренней связи с окружающими. Эта связь обеспечивает целостность человечества, групповое единство. Однако, должно быть что-то еще осознаваемое, что может обеспечить единство коллективного сетевого сознания. Это общее отношение человека к другим людям, оно определяется нравственностью. Золотому правилу нравственности несколько тысяч лет, оно определяет поведение человека в сетевой среде, внутри сети. Таким образом, нравствен-

ность служит мостом между индивидуальным и глобальным сознаниями как в социальной среде, так и внутри индивидуального сознания. Если человек нарушает принципы сосуществования в сети, она начинает его отвергать с последующими негативными тенденциями в сознании и судьбе.

Применяя концепцию сети к человеческому обществу, получаем соединение двух форм сознания человека: индивидуальные сознания находятся в поле коллективного, глобального сознания человечества, они соединены многочисленными связями друг с другом. Эти связи организуются в общем поле глобального сознания, в основном эти связи бессознательны. Другой тип связей предоставляет современные коммуникационные системы на основе глобальной сети интернет. В результате создаются формы осознаваемого коллективного сознания на разных уровнях — групповом, региональном, национальном, глобальном.

В наше время у массы людей развиты внешние структуры сознания, осознание чистого разума (Высшего Я) практически отсутствует. Сознание находится на стадии развития мышления и рефлексии — благодаря образованию и интеллектуальным видам деятельности. После периода такого развития станет возможным восприятие глубинных слоев сознания. Небольшая часть людей — интеллигенция — находится на стадии развития именно такой связи с глубинными структурами сознания, развивают абстрактное мышление и интуицию, приближаются к целостному сознанию. Поскольку интеллигенция не составляет отдельную социальную группу, но распространена и представлена во всех социальных группах, интеллектуальная составляющая ее представителей может находиться на разных уровнях, а базовой характеристикой в этом случае становится нравственная составляющая сознания, которая по сути связывает два типа сознания: индивидуальное и коллективное.

В нашем исследовании мы выявили три самосознания: на основе Высшего Я (я мыслю); на основе психики и ума (я желаю и чувствую); на основе функционирования мозга (я действую). Представляя их взаимосвязанным целым, которое в начале явля-

ется бессознательным, неосознаваемым, в развитом сознании приобретает осознаваемый иерархический характер. Мозговое самосознание личности является в этой системе операциональным, инструментальным образованием, определяющим действия, деятельность человека; психическое, ментальное сознание шире, оно анализирует, рефлексировывает, планирует, видит текущий момент встроенным в большую активность и планы; наконец, самосознание Высшего Я, которое интегрирует всю систему сознания человека, охватывает ее силой мысли. Определенный тип самосознания образует каждая составляющая сознания в своем собственном развитии. Принцип тройственности, обеспечение взаимодействия этой тройственности в общем поле формирует самосознание. Самосознание является в целом ключевым образованием в эволюции человека, поворотной точкой от массовой эволюции к индивидуальной, эволюция становится зависимой от индивидуальных особенностей, им частично определяется. Скорость эволюции, ее направление во многом зависит от самого человека.

Таким образом, интеллигенция отличается более ярким самосознанием, имеющим две стороны или особенности: интеллектуально-познавательную и нравственную — внутренний отклик на коллективное сознание человечества, на нужды людей — в масштабе группы, нации и всего человечества. Это базовая характеристика интеллигенции, определяющая принадлежность к этой социальной прослойке. Речь идет не только об общем отклике индивидуального сознания на коллективное и его нужды, но и о нравственных составляющих, таких как доброта, милосердие, чувство справедливости, которые обеспечивают связь индивидуального сознания с коллективным в человеке и человечестве.

Библиографический список

1. Абушенко В. Л. Самосознание // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. 2002. М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. С. 660—661.

2. *Андрянов И. Е.* Проблема соотношения апперцепции, самосознания и сознания в критической философии И. Канта // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 3. С. 24—53. doi: 10.5922/0207-6918-2020-3-2
3. *Ассаджиоли Р.* Психосинтез: принципы и техники. М.: Психотерапия, 2008. 384 с.
4. Бхагавад-Гита, или Песнь Господня. Киев: София, 2000. 160 с.
5. Вишну-Пурана. СПб.: ОВК, 1995. Кн. 1. 256 с.
6. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
7. *Жульков М. В.* Методы и способы защиты и самозащиты индивидуального сознания в условиях информационно-психологического давления // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12. С. 144—153. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.12.15>.
8. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2014. 736 с.
9. *Лурия А. Р.* Основы нейропсихологии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2003. 384 с.
10. *Чаттерджи С., Датта Д.* Индийская философия. М.: Селена, 1994. 416 с.

УДК 336.71(091)(470.311-89)

Т. А. Ковров

преподаватель, Ивановский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Иваново)

ОБ ИНИЦИИРОВАНИИ КОЛОМЕНСКИМИ КУПЦАМИ ОТКРЫТИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В г. КОЛОМНЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье на основании материалов Российского государственного исторического архива рассматривается тема инициирования коломенскими купцами открытия в Коломне отделения Государственного банка. Приводятся датируемые 1894 г. статистические данные о торговле и промышленности Коломны и её уезда.

Ключевые слова: купец, инициирование, Коломна, Коломенский уезд, отделение Госбанка.

T. A. Kovrov

Candidate of Historical Sciences, lecturer, Ivanovo branch of the Plekhanov Russian University of Economics (Ivanovo)

**ABOUT THE INITIATIVE OF KOLOMENSKY MERCHANTS
TO OPEN THE BRANCH OF THE STATE BANK
IN THE CITY OF KOLOMNA, MOSCOW PROVINCE**

The article, based on materials from the Russian State historical archive, examines the topic of the Kolomna merchants' initiative to open the branch of the State Bank in Kolomna. Statistical data on trade and industry in Kolomna and its district dating back to 1894 are provided.

Key words: the merchant, initiation, Kolomna, Kolomna district, the branch of the State Bank.

12 июня 1860 г. император Александр II подписал указ о преобразовании Государственного Коммерческого банка в Государственный банк Российской Империи. Госбанк до 1917 г. являлся главным кредитным учреждением страны. Основная цель Госбанка заключалась в обеспечении населения страны, а также торговых и промышленных предприятий городов Империи доступными кредитными ресурсами. Эта цель достигалась через открытие в губернских и уездных городах Империи контор и отделений Госбанка. Подчеркнём, что центральное управление Банка, инициируя открытие новых банковских учреждений, приоритет отдавало губернским центрам. Но зачастую районы банковских отделений в первые десятилетия их деятельности ограничивались уездом, в котором располагался губернский город. А в уездных городах из кредитных учреждений были лишь городские общественные банки, которые в силу небольших кредитных ресурсов не закрывали полностью кредитные потребности населения этих городов. Кроме того, пользуясь кредитами в общественных банках, заёмщики платили высокие проценты, что было весьма накладно. Во избежание излишних финансовых расходов торговцам и промышленникам приходилось обращаться с просьбой об открытии кредита в отделения или конторы Госбанка, что было опять же сопряжено с финан-

совыми затратами на дорогу и потерей времени. Отсутствие учреждения Госбанка тормозило развитие торговли и промышленности уездных городов.

Постепенно общественность уездных городов в лице местных торговцев и промышленников из купеческого сословия стала обращаться в Министерство финансов с ходатайствами об открытии в их городах банковского учреждения. В ходатайствах общественники приводили причины, почему было необходимо открытие учреждения Госбанка. Рассматривая ходатайства, поступающие от населения разных уездных городов, Госбанк не всегда принимал положительное решение по открытию нового отделения. Например, ходатайство муромских промышленников было удовлетворено Госбанком, в то время как прошение аналогичного содержания от жителей Шуи было отклонено Банком (подробно об инициативах муромских и шуйских общественников открыть в Муроме и Шуре отделения Госбанка рассказано в статье автора, опубликованной в сборнике материалов прошлогодней научно-теоретической конференции «Интеллигенция и интеллектуалы: проблемы дискуссионного обсуждения». — Т. К.).

Актуальность темы статьи усиливается выявленными в фонде 587 «Государственный банк Российской Империи» Российского государственного исторического архива сведениями об инициировании местного населения уездного центра Коломны Московской губернии открыть в Коломне отделение Госбанка. Эти материалы ранее не были введены в научный оборот.

Ещё в 1860 г. Московская контора Государственного Коммерческого банка была преобразована в Московскую контору Государственного банка. Кредитование местного населения Москвы и уездов Московской губернии осуществлялось через деятельность «учётно-ссудного комитета, созданного при конторе в 1862 г.» [1, с. 54].

Несмотря на то, что район Московской конторы Госбанка охватывал все без исключения уезды Московской губернии, население отдельных уездов испытывало неудобства при пользовании кредитом, связанные с отсутствием учреждений Госбанка в уездных городах губернии. В частности, жители уездной Ко-

ломны. Именно они в конце 1894 — начале 1895 г. обратились с прошением на имя Министра финансов об открытии в Коломне отделения Госбанка. Подробная информация об этом историческом сюжете сохранилась в материалах РГИА.

Инициирование открытия отделения Госбанка в Коломне. В описи 33 фонда 587 «Госбанк» РГИА имеется дело № 960 «Об открытии отделения Госбанка в г. Коломне Московской губернии». Из материалов дела следует, что гласные Коломенской городской Думы на заседании 7 декабря 1894 г. обсуждали вопрос об открытии в Коломне банковского учреждения. В итоге Дума постановила «ходатайствовать перед Министром финансов об открытии в Коломне отделения Государственного банка» [2, л. 2]. К постановлению Думы присоединилось коломенское купечество, которое в декабре того же года составило ходатайство и 10 января 1895 г. направило его Министру финансов. В ходатайстве купцы подчеркнули, что «в 1894 г. был закрыт местный городской общественный банк, вследствие чего ещё более ощущалась потребность в торговом кредите. Это обуславливало необходимость открыть в городе отделение Госбанка для развития торговли и заводской промышленности Коломны и Коломенского уезда» [2, л. 2—2 об.].

В ходатайстве были указаны предприятия, действовавшие на территории Коломны и её уезда: «Коломенский машиностроительный завод, бумагопрядильные и ткацкие фабрики товарищества торгового дома Щербаковых и братьев Моргуновых, завод для выработки цемента “Эмиль Липгарт и К^о” и в самом городе вновь устраивавшаяся фабрика для обработки шёлка-сырца г. г. Абек, шёлково-ткацкие фабрики торгового дома “Ф. Рыбакова сыновья” и много других мелких фабрик и кустарных производств» [2, л. 2 об.].

Свои подписи в ходатайстве поставили несколько десятков коммерсантов из коломенского купечества: «В. С. Авалов, А. В. Григорьев, Д. Е. Кузьмин, Н. Н. Мещанинов, С. Ф. Нестеров, М. И. Посохин, В. Г. Фомин и др.» [2, л. 2 об. — 3].

Согласно материалам РГИА, ходатайство коломчан поступило в особенную канцелярию по кредитной части (подраз-

деление Министерства финансов), откуда было оперативно направлено управляющему Госбанком. Ознакомившись с ходатайством, управляющий поручил руководителям Московской конторы и Рязанского отделения Госбанка сообщить Банку исчерпывающие сведения о торговом и промышленном значении Коломны и тяготеющего к ней района.

Представляют интерес сведения о торговом и промышленном положении Коломны, сообщённые в ответных письмах управляющих, и их мнения по вопросу открытия в Коломне отделения Госбанка.

1. Управляющий Московской конторой банка Н. Я. Малевинский уведомил: «Число жителей Коломны простирается до 28.000, в уезде около 104.000, домовладений в городе, по официальным данным, 1.537, плательщиков квартирного налога, т. е. лиц, занимающих квартиры выше 120 руб., — 356 человек, уплачивающих налога 1.412 руб.

По сведениям, относящимся к 1894 г., в Коломне существовало 157 гильдейских предприятий с годовым оборотом 4.780.615 руб. и не гильдейских 171 с оборотом 1.838.000 руб. В уезде, кроме с. Озёры, считалось предприятий первого рода 20 с оборотом 2.300.000 руб. и таковых не гильдейских 255 с годовым оборотом 1.693.000 руб. В находящемся в Коломенском уезде с. Озёры в 1894 г. было 22 предприятия, плативших гильдейские повинности с оборотом 2.529.800 руб. и 36 не гильдейских с годовым оборотом 254.250 руб.

В Коломне и в соседних селениях, не в дальнем расстоянии (не далее 12 вёрст), расположено 8 фабрик с фабричным населением в 6.188 человек. В числе этих предприятий существовало в 1894 г. 4 заведения с количеством рабочих от 7 до 50 человек. В с. Озёры и около него расположено 5 фабрик с 6.964 рабочими.

Как в Коломенском, так и в соседнем с ним Бронницком уезде, с давнего времени распространено кустарное ткацкое производство всякого рода; занимая большую часть площади Бронницкого уезда, в уезде Коломенском оно отсутствует лишь в 3-х волостях из 16 таковых. В прилегающей к Коломенскому

части Бронницкого уезда насчитывается до 30-ти хлопчатобумажных заведений с годовым оборотом до 1 млн руб. Помимо ткацкого производства, в селениях Коломенского уезда, как и в других местностях Московской губернии, имеют широкое распространение разнообразные кустарные промыслы.

В Коломне существовал городской общественный (Кислова) банк, прекративший ныне свою деятельность. Из баланса названного банка к 1 января 1894 г. видно, что размеры операций его были весьма незначительны; так, например, учтено векселей на 128.939 руб. 93 коп., выдано ссуд под разного рода бумаги на 28.571 руб., принято вкладов — 5.720 руб.

Коломна, бывшая некогда крупным центром хлебной торговли, со времени проведения Московско-Рязанской железной дороги, в настоящее время совершенно утратила своё былое значение. Крупнейшими предприятиями в окрестностях Коломны можно считать Коломенский машиностроительный завод, в с. Боброве с 4.981 рабочими и в с. Озёры товарищество мануфактур “Василия Моргунова сыновья”, с 2.291 рабочими, и товарищество мануфактуры “Фёдора Щербакова сыновья”, в котором занято 3.169 рабочих. Все названные заводы и фабрики имеют свои конторы, амбары и склады в Москве или Санкт-Петербурге, все денежные операции производят в крупных банках этих городов; потребность же мелкой торговли и промышленности города и уезда едва ли оправдывают необходимость учреждения отделения Госбанка.

Ввиду вышесказанных данных и соглашаясь с мнениями некоторых компетентных крупных московских торговцев, нахожу, что открытие ныне отделения Госбанка в Коломне нельзя было бы признать своевременным. При этом считаю долгом добавить, что признаю безусловно полезным и необходимым учреждение в Коломне агентства банка» [2, л. 7—7 об.].

2. По сообщению управляющего Рязанским отделением Госбанка, «Коломна и Коломенский уезд как по географическому положению, так и по торгово-промышленному тяготению всецело относятся к району деятельности Московской конторы. С Рязанью, несмотря на близость к ней, они не имеют ничего

общего, потому, находясь безотлучно в Рязани, крайне трудно собрать точные и подробные статистические данные о торговле и промышленности Коломны. Из других источников удалось собрать следующие сведения:

В Коломне и её уезде находятся 1 механический чугунолитейный завод, 14 бумаготкацких, прядильных и красильно-ткацких, 1 ситце-набивной, 2 ткацко-шерстяных, 1 бархатный, 8 шёлкоразмотных, 1 шерсточесальных, 2 одеяльных, 1 салфеточный, 1 сарпинковый, 1 красильный, 5 кожевенно-овчинных, 1 пуговичный, 38 мельниц и крупорушек, 5 маслобоен, 2 крахмальных и паточных, 2 пастильных, 11 кирпичных и 1 рогоженный; и, сверх того, близ Коломны (в Зарайском уезде Рязанской губернии) один цементный завод. Производительность всех этих заведений простирается до 15 млн руб., из которых почти половина принадлежит механическому, чугуно-литейному и машиностроительному заводу. Кустарная промышленность развита слабо.

Из рабочего населения 14.900 человек мужчин и женщин работают на фабриках и заводах, 9.500 человек существуют отхожими промыслами вне своего уезда, 7.550 человек в своём уезде и только 420 человек занимаются разными промыслами на дому.

Как незавидно положение сельского населения Коломенского уезда, несмотря на значительное развитие фабрично-заводской промышленности, видно из того, что годовой оклад всех повинностей Коломенского уезда около 272.000 руб., а к 1 января 1894 г. числилось за ним разных недоимок более 644.000 руб.

В Коломне до 1894 г. существовал городской общественный банк. Других кредитных учреждений нет.

Судя по сведениям о количестве выдаваемых торговых свидетельств и билетов и о числе фабрик и заводов, следовало бы допустить возможность открытия в Коломне отделения банка. Но если принять во внимание, что большая часть торговых свидетельств и билетов выдаётся фабрикантам и заводчикам,

которые так связаны с Москвой и другими крупными торговыми городами, где беспрестанно бывают и должны бывать лично, что мало будут пользоваться услугами здешнего отделения, что местная торговля крайне неразвита и что Коломна находится от Москвы на расстоянии всего 3-х часов езды, то придётся усомниться в сообразности и безубыточности отделения банка в Коломне. Мне кажется, что для Коломны достаточно агентства банка» [2, л. 5—6 об.].

Согласно архивным данным, Госбанк, ознакомившись с мнениями управляющих Московской конторой и Рязанским отделением, принял решение «об открытии в Коломне агентства банка» [2, л. 12].

Дальнейшие материалы искомого архивного дела датированы 1908 г. Обращение к другим архивным данным РГИА позволяет заключить, что до 1917 г. ни отделение, ни агентство Госбанка в Коломне так и не было открыто.

Выводы. К концу XIX в. получила распространение практика обращения общественников в лице представителей купеческого сословия уездных городов в Госбанк с прошениями об открытии в городе банковского учреждения. Свои просьбы купечество обосновывало потребностями местного населения в кредите и необходимостью дальнейшего развития торговли и промышленности города.

Например, на территории Московской губернии из учреждений Госбанка функционировала только контора банка в Москве. В конце 1894 г. жители уездной Коломны Московской губернии обратились к Министру финансов с ходатайством об открытии в их городе банковского отделения. После рассмотрения ходатайства коломчан и ознакомления со сведениями о торговом и промышленном положении Коломны и её уезда Госбанк принял решение об открытии в Коломне банковского агентства. Но на основании дополнительных архивных данных можно по-

дытожить, что агентство Госбанка в Коломне до 1917 г. так и не было открыто.

Библиографический список

1. Бугров А. В. Государственный банк в Москве. М.: Журн. «Банки и технологии», 2010. 317 с.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 587. Оп. 33. Д. 960.

УДК 94(47).084

В. В. Комиссаров

профессор, Верхневолжский государственный
агробиотехнологический университет (Иваново)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК КЛАСС УПРАВЛЯЮЩИХ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К СТАРОЙ ДИСКУССИИ

Изучается управленческий потенциал советской интеллигенции, ее отношения с властями, эпизоды интеллигентофобии и антиинтеллигентские кампании в социалистических странах. Полный вариант результатов данного исследования изложен автором в статье, подготовленной для журнала «Интеллигенция и мир».

Ключевые слова: интеллигенция, советская власть, интеллигентофобия, революция управляющих.

Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025—03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».

V. V. Komissarov

Professor, Upper Volga State Agrobiotechnological University (Ivanovo)

THE INTELLIGENTSIA AS A GOVERNING CLASS: A RETURN TO THE OLD DISCUSSION

The article examines the managerial potential of the Soviet intelligentsia, its relations with the authorities, episodes of intelligentophobia and anti-intellectual campaigns in socialist countries. The full version of the results of this study is presented by the author in an article prepared for the scientific journal «Intelligentsia and the World».

Key words: intelligentsia, Soviet power, intelligentophobia, revolution of managers.

The article was prepared within the framework of the technical assignment for the implementation of research work commissioned by Ivanovo State University № 2025—03 “Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia”.

Полный вариант результатов данного исследования изложен автором в статье, подготовленной для журнала «Интеллигенция и мир». Поводом к этому выступлению послужила дискуссия, возникшая около 4 лет назад. Ее спровоцировала последняя статья ныне покойного экс-президента СССР М. С. Горбачева «Понять перестройку, отстоять новое мышление» [1], в которой автор подводил итог своей политической деятельности. В ней бывший президент, по утверждению некоторых обозревателей, якобы заявил, что рассматривал интеллигенцию, как возможную замену партийной бюрократии. Данный тезис вызвал множество комментариев, в ряде случаев ернических и, даже, откровенно издевательских, выдержанных в духе: «Вот мол, нашел себе союзничков». Особенно ехидные отзывы звучали на радио и в телепередачах. Следует отметить, что в реальности высказывание М. С. Горбачева звучало несколько иначе: «Интеллигенция не смогла заменить партийную номенклатуру в управленческой сфере, ей не хватило для этого знаний и опыта. Её представители сосредоточились на критике и разо-

блачении нашего прошлого, но не смогли выдвинуть конструктивных идей о том, как идти к будущему» [1]. Конечно, здесь можно усмотреть косвенное признание в том, что интеллигенция действительно рассматривалась как возможная замена парт-аппарата. Однако вопрос об управленческом потенциале не так прост, как кажется и имеет длительную историю.

Еще в 1930-х гг. американский социолог Д. Бернхейм сделал вывод, что на поздних стадиях развития капитализма наряду с буржуазией и пролетариатом должен возникнуть новый класс, который должен занять лидирующие позиции в той стадии, которая сменит капитализм (или индустриализм). В роли зародыша нового класса Д. Бернхейм рассматривал «управляющих» (руководителей производства, администраторов, чиновников), М. Джилас — государственную правящую бюрократию СССР и других государств марксистского социализма. Схожие с М. Джиласом идеи высказывал М. Восленский [2]. Таким образом, в качестве будущего доминирующего класса стали рассматриваться различные отряды интеллигенции.

Несмотря на идейную чужеродность эти веяние мировой социальной мысли нашло свое отражение в советском социологическом сообществе, хотя в очень своеобразном виде. Данный вопрос достаточно подробно исследовал основоположник ивановской интеллигентоведческой школы В. С. Меметов [3, 78—86]. Здесь имеет смысл повторить общие выводы. В конце 1960-х гг. в марксистской философии предполагалось, что профессиональные управленцы должны составить отдельную социальную группу, а коммунистическая партия приобретет общенародный, интерклассовый характер. Научно-техническая революция поставила вопрос о пересмотре роли и места интеллигенции. Например, советский социолог Э. А. Араб-Оглы и его коллеги в 1969 г. декларировали возникновение в ходе НТР высокообразованной рабочей интеллигенции и, как следствие, формирование нового рабочего класса, а также новой категории управленцев. Данные авторы утверждали, что в условиях НТР сфера высшего образования будет расширяться, пока не приобретет всеобщий характер [4, 28]. Советский социолог А. К. Останин

попытался обосновать появление новой рабочей интеллигенции и фактические сращивание в рамках единой социальной группы технических специалистов и высококвалифицированных рабочих [5, 110—111]. В этой части социологов подвергали критике за единичность приводимых примеров. Но, вероятно, главной причиной стало то обстоятельство, что идея о сращивании рабочего класса и интеллигенции и образование на их базе новой страты могла поставить вопрос о ликвидации политической гегемонии пролетариата, что считалось неприемлемым с идеологической точки зрения.

Идеи об интеллигенции как о классе управляющих приобрели особое звучание у идеологов «Пражской весны» [6, 35—36]. Следует заметить, что советское руководство видело в чехословацких событиях интеллигентскую окраску. Например, один из спичрайтеров Л. И. Брежнева А. Е. Бовин приводит слова генсека, сравнивавшего чехословацкий и польский кризисы: «В Чехословакии бузила интеллигенция, а здесь протестует рабочий класс» [7, 217]. Естественно, что после таких оценок к концепции интеллигенции как классу будущих управленцев надолго был приклеен ярлык ревизионизма. Также расценивались и все идеи об изменении роли интеллигенции в новых условиях. Именно по этой причине они не получили развития в советском обществоведении и фактически оказались под партийно-идеологическим запретом.

После подавления «Пражской весны» в Восточной Европе началась новая волна *интеллигентофобии*. Тщательный анализ данного явления дал А. В. Зябликов в своей статье 2023 года [8]. Однако из поля зрения исследователя выпала интеллигентофобская кампания конца 1960-х — 1970-х гг., охватившая т. н. страны социализма. В СССР она проявилась в публикации антиинтеллигентского романа В. А. Кочетова «Чего же ты хочешь?». Но в целом в Советском Союзе критика интеллигенции носила достаточно умеренный характер. С большей силой данная кампания развернулась в восточноевропейских государствах. В качестве примера можно привести чехословацкий детективный сериал «30 случаев майора Земана». Ряд его эпизодов посвящен

событиям «Пражской весны» и следующим за ними годам. Так в 24-ой серии под красноречивым названием «Клоуны» Земан расследует преступление в среде пражской «творческой интеллигенции»; в 25-ом эпизоде «Травля» сам становится жертвой журналистского расследования о репрессиях периода Готвальда и терпит притеснения по службе; 26-я серия «Колодец» завершается крахом «Пражской весны» и служебной реабилитацией Земана. В этих эпизодах бескомпромиссному майору противостоят именно чешские интеллигенты — тележурналисты, начинающие литераторы, эстрадные исполнители — показанные в нарочито гротесковом, утрированном виде. Они истеричны, лживы, мстительны, погрязли в распутстве, пьянстве и в сплетнях. Более того, 29-й эпизод сериала «Мимикрия» посвящен членам андеграундной рок-группы, устраивающей подпольные концерты с так называемыми «зонгами протеста». Музыканты на проверку оказываются наркоманами и угоняют за границу самолет, попутно убив летчика. И, наконец, финальная серия «Розы для Земана» рассказывает о тлетворном западном влиянии, сводит зрителей с некоторыми прежними персонажами-интеллигентами, которые, утратив былой лоск, теперь просто барыжат наркотиками, и с которыми продолжает бескомпромиссную борьбу чехословацкая госбезопасность. Примечательно, что сериал «30 случаев майора Земана» в 1980-е гг. демонстрировался и на советском телевидении. Но если следовать телепрограмме, указанные «антиинтеллигентские» эпизоды в советский показ не попали (кроме финальной 30-й серии), что может свидетельствовать о крайне осторожном отношении власти к такому деликатному вопросу, как отношения с интеллигенцией [9].

Теперь следует задаться вопросом об управленческом потенциале советской интеллигенции. Следует заметить, что в Советском Союзе работали несколько социологических школ, изучавших структуру советского общества, основные слои и ответственные классы, включая интеллигенцию. Так в Ленинграде под руководством доктора философских наук, профессора В. А. Ядова тщательно анализировали социально-психологический облик инженерно-технического корпуса.

Столь пристальное внимание к этому профессиональному отряду объяснимо и вытекает из двух факторов. *Во-первых*, именно инженеры играли значительную роль в развитии промышленности в целом, и ВПК в особенности. *Во-вторых*, в 1950—1960-е гг. происходит заметный численный рост этой группы. Причем, как в удельном значении, так и в абсолютных цифрах. Если в 1950-м г. доля инженеров среди специалистов с высшим образованием составляла 27,8 %, то к 1973-му она выросла до 37,6 %. В целом прирост инженеров за 1950—1973 гг. составил 785 % [10, с. 10]. В первой половине 1970-х гг. ленинградские социологи провели длительное комплексное исследование, охватившее более 1000 респондентов — инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций. Здесь нет необходимости приводить все выводы данного обследования, тем более, что такие вопросы, как политические настроения, идеологические предпочтения в этом исследовании не затрагивались. Но следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Авторы исследования разделили респондентов на 6 категорий по деловым и профессиональным качествам. Среди них высшие позиции заняли две группы, которых социологи обозначили, как «самопрограммируемые» и «самоуверенные». Именно в этих группах ярче были выражены ориентация на профессиональный успех, инициатива, энергичность. Представители этих групп быстро добивались служебного продвижения. Каждый десятый из инженеров с 10-летним стажем выдвигался на должность руководителя группы. Среди инженеров с 15-летним стажем доля руководителей групп увеличивается вдвое, а при достижении 20-летнего показателя уже половина занимает должности старших инженеров или руководителей групп [10, с. 79]. Следует заметить, что продвижение по карьерной лестнице требовало от инженеров не только профессиональных, но и значительных организационно-управленческих компетенций. Однако ориентация на успех в профессиональной сфере не обязательно сочетается со стремлением к высокой социально-политической активности. Авторы обследования отмечали низкую общественно-политическую активность своих респондентов: они тратили

на общественную работу и политическое самообразование от 30 (женщины) до 35 (мужчины) минут в неделю, что, прямо скажем, немного [10, с. 189]. Также этому препятствовали как специфика элитного отбора в советском обществе, так и культивируемые в процессе этого отбора качества. Конечно, авторы цитируемого обследования не могли назвать своими словами *«сервизм»* или *«конформизм»*. Но не упомянуть об этих явлениях тоже не могли, правда, представили их, как явления единичные. «Отсутствие привычки высказывать собственное мнение обернулось гражданской безответственностью, — пишут авторы исследования и продолжают. — Истоки подобной “диспозиции” следует искать в обстоятельствах семейного и школьного воспитания инженера, в том, какие нравственные качества сформировались ... в студенческие годы. Конечно, случившееся является также следствием организации труда и психологического климата, сложившегося на заводе ...» [10, с. 140].

Тем не менее, инфильтрация интеллигенции в партийно-государственные органы в СССР 1970—1980-х гг. шла довольно активно. По официальным советским данным к 1985-му г. среди секретарей райкомов, горкомов и окружкомов КПСС выходцы из промышленности и сельского хозяйства составили 68 %, а среди секретарей обкомов, крайкомов — 83 %. Причем, почти все они (99,9 %) имели высшее образование [11, с. 207]. Аналогичная ситуация было в т. н. советских органах. К середине 1980-х гг. доля лиц с высшим образованием в местных советах составляла 30,7 %, в Верховных Советах союзных и автономных республик — 49,4 %, в Верховном Совете СССР — 54,2 % [11, с. 94]. Конечно, данная «цифр» достаточно лукава. Те же Советы формировались квотированным способом, когда представительство различных социальных групп определялось директивно. Работники партаппарата зачастую были профессиональными чиновниками, из карьерных соображений получавшими либо заочное профессиональное образование, либо управленческое образование в системе совпартучебы.

Но именно интеллигенция стала наиболее радикальной в своих политических требованиях группой в попытках реформи-

рования советского общества во второй половине 1980-х гг. Различные группы научной и творческой интеллигенции стали ведущей движущей силой перестройки. Можно вспомнить обстоятельства 5 съезда кинематографистов в мае 1986 г., когда в полной мере проявился протестный потенциал, накопленный деятелями киноискусства. После объявления на XIX партийной конференции альтернативных выборов в советские органы именно представители интеллигенции в Москве и других крупных городах стали формировать инициативные группы по выдвижению и поддержке альтернативных кандидатов. С этого и началось формирование многопартийной системы. И, как и в начале XX века, возникавшие новые партии также носили интеллигентский характер и конструировались под идеологические модели различных групп интеллигентов. В силу этого интеллигенция составила значительную группу в депутатском корпусе Съездов Народных депутатов союзного и российского уровней.

Именно поэтому и утверждение М. С. Горбачева о том, что интеллигенция не смогла заменить партаппарат, и комментарии его критиков об отсутствии у интеллигенции необходимого управленческого потенциала, не совсем соответствуют действительности. Советская интеллигенция была чрезвычайно активна политически, но степень ее активности зависела от внешних условий, прежде всего, от пределов допустимого властями. При этом следует учитывать, что интеллигенция во многом составляла управленческие кадры. Другой вопрос, что попадая в структуры власти, специалист с высшим образованием должен был играть уже по внутриаппаратным стандартам, фактически превращаясь в чиновника.

Также не следует забывать, что в позднем СССР всегда существовал слой интеллигенции, близкий к власти и занимавшийся ее интеллектуальным обслуживанием. На высшем уровне это *аппарат консультантов* ЦК КПСС, о деятельности которого мы узнали из воспоминаний Ф. М. Бурлацкого, А. Е. Бовина и дневников А. С. Черняева. На следующем уровне был обширный штат *отраслевых и страноведческих НИИ*, включая Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ), Институт ми-

ровой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Институт востоковедения АН СССР (ИВ АН), Институт Латинской Америки, Институт США и Канады и многие другие. К категории интеллектуальной obsługi режима относился немногочисленный, но очень важный институт *политических обозревателей* центральных газет. На низовом, региональном уровне это были *лекторские группы* крайкомов и обкомов, сотрудники местных *партийных и комсомольских изданий*. Иначе говоря, значительная группа советской интеллигенции уже была во власти или около нее.

Библиографический список

1. Михаил Горбачев: Понять перестройку, отстоять новое мышление. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/statya_ms_2_avgusta_2021.pdf (дата обращения: 25.02.2025).
2. *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Захаров, 2005.
3. Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные... и похожие: проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016.
4. *Араб-Оглы Э. А.* О социальных последствиях научно-технической революции // Научно-техническая революция и общественный прогресс. М.: Мысль, 1969.
5. *Останин А. К.* Влияние научно-технической революции на изменения социально-классовой структуры советского общества // Научно-техническая революция и общественный прогресс. М.: Мысль, 1969.
6. К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. М.: Пресс-группа советских журналистов, 1968.
7. *Бовин А. Е.* XX век как жизнь: воспоминания. М.: Захаров, 2003.
8. *Зябликов А. В.* Рецидивы интеллигентофобии в общественном сознании современной России // Интеллигенция и мир. 2023. № 2. С. 9—30.
9. Телепрограмма с 01.01.1979 по 31.12.1990. URL: <https://20vek.net/> (дата обращения: 25.02.2025).
10. Социально-психологический портрет инженера. М.: Мысль, 1977.

11. Советская интеллигенция: словарь справочник / сост. В. С. Волков.
М.: Политиздат, 1987.

УДК 323.3(470):1(091)"18"

А. В. Перепелицын

профессор, Воронежский государственный педагогический
университет (Воронеж)

В. А. Тонких

профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж)

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье дан анализ главных течений общественно-политической мысли России второй половины XIX в. консерватизма, либерализма, радикализма, показана связь этих течений с различными слоями российской интеллигенции. Кроме того, рассмотрены взгляды ведущих представителей этих течений в обозначенный период.

Ключевые слова: российская интеллигенция, общественно-политическая мысль, консерватизм, либерализм, радикализм, пропаганда, революция, террор.

A. V. Perepelitsyn

Professor, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh)

V. A. Tonkikh

Professor, Voronezh State University (Voronezh)

RUSSIAN INTELLIGENTSIA AND SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The article provides an analysis of the main trends in socio-political thought in Russia in the second half of the 19th century – conservatism, liberalism, radicalism, and shows the connection between these trends and

various layers of the Russian intelligentsia. In addition, the views of the leading representatives of these trends in the designated period are considered.

Key words: Russian intelligentsia, socio-political thought, conservatism, liberalism, radicalism, propaganda, revolution, terror.

Вторая половина XIX в. стала важным периодом в истории России. Постепенно преодолевая наследия николаевской эпохи, Россия в лице ее верховной государственной власти осознавала необходимость проведения масштабных общественных преобразований и в первую очередь крестьянской реформы. Весомым импульсом к этим переменам послужило поражение в Крымской войне, итогом которой стала демонстрация экономической и военно-технической отсталости Российского государства.

К середине XIX в. изживали себя идейно-политические доктрины, связанные с дворянским сословием — западники и славянофилы. Новые условия развития страны, новые требования социального прогресса указывали на бесплодность прежних дискуссий о путях развития России. На передний край общественно-политической деятельности выходило сословие разночинцев с новыми идеями и мироощущением. Само социальное происхождение разночинной интеллигенции порождало новые концепции, связанные с поиском путей социально-политической эволюции российского общества и государства.

Вместе с тем сохранялись основные течения общественно-политической мысли — консервативное, либеральное и радикальное. Консервативное (охранительное) течение было связано с реакционными кругами верховной государственной власти, считавшей незыблемой традицией сохранение самодержавия. Во время правления императора Александра II эта идеология оказалась несколько потесненной идеологией реформаторства, проводившимися реформами, но наверстала и упрочила свои позиции при императоре Александре III.

Структура консервативного политического сознания включала стремление к сохранению самодержавной государственной власти в стране. Идеологи консерватизма вплоть до на-

чала XX в. исходили из незыблемости самодержавия в России. Консерватизм отрицал революционные способы преобразования общества, уповая в лучшем случае на постепенные реформы сверху, со стороны верховной власти.

В последние годы царствования императора Николая I сохранялось влияние теории «официальной народности» С. С. Уварова (1786—1855). Она включала в себя три неразрывно связанных между собой структурных компонента — «православие, самодержавие, народность», и стала идейной основой реакционной политики Николая I. Уваров полагал, что человечество постепенно деградирует, удаляясь от источников универсального знания, существовавшего на Востоке (в Индии). С развитием просвещения, научных знаний и смягчения нравов противоречия западноевропейской цивилизации будут сглаживаться. России отводилась ведущая роль в качестве посредника между Востоком и Западом.

Сторонником официально-охранительной идеологии был историк М. П. Погодин (1800—1875), в исторических трудах которого обосновывалась идейная платформа теории «официальной народности». Историк исходил из доказательства двух начал в историческом процессе — народа и государства. Воля монарха объявлялась действенной силой истории, носителем ее духовности [14].

Идеолог консервативной общественной мысли М. Н. Катков (1818—1887) требовал от правительства решительных мер по укреплению самодержавия, считал российского императора «единственным источником власти». Он выступил одним из инициаторов отхода от либерального курса в начале 1880-х гг. Катков советовал власти усилить роль дворянства, найти пути сближения с земскими учреждениями, чтобы поставить их под контроль правительства. В своих статьях Катков критиковал реформу судебной системы и земские учреждения, становясь на позиции последовательного сторонника контрреформ [17].

Вторая половина XIX в. отмечена формированием доктрины «почвенничества», авторами которой были братья М. М. и Ф. М. Достоевские, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов. Под

почвенничеством как идейным течением 1860-х гг. понималась совокупность теоретических построений в рамках русского национального самосознания. Центральное место в теории занимало представление о «национальной почве». В философском плане почвенничество представляло собой консервативную форму философского романтизма. Со временем идеология почвенничества все более наполнялась христианским содержанием. Религиозное чувство у идеологов почвенничества сочеталось с идеей об особой миссии русского народа, призванного спасти человечество. В почвеннических воззрениях Ф. М. Достоевского (1821—1881) основное место занимала идея державности России, ее самобытности, преимуществ духовно-нравственных черт русского народа в сравнении с западноевропейцами [6].

А. А. Григорьев (1822—1864) с позиций почвенничества вел борьбу против революционных демократов. Он отстаивал идею самобытности России, отмечал глубокие противоречия между западноевропейской и русской цивилизацией. Философские воззрения Григорьева формировались под влиянием эстетики романтизма и учения славянофилов, выражавшихся в признании решающего значения патриархальных и религиозных начал в жизни народа [3]. В сочинениях Н. Н. Стрхова (1828—1896) (к примеру, в работа 1883 г. «Борьба с Западом в нашей литературе») нашли отражение воззрения почвенничества, сближения интеллигенции с народом, самобытности русской цивилизации и культуры. Он был сторонником концепции Н. Я. Данилевского о различии культурно-исторических типов. Сторонники почвенничества выступали против любых форм революционного насилия, отдавая предпочтение методам преобразования общества путем распространения просвещения среди народных масс. Наиболее последовательно эта позиция получила отражение в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» (1870—1871) [5].

Последние десятилетия XIX в. связаны с деятельностью К. П. Победоносцева (1827—1907), занимавшего в течение многих лет (1880—1905) пост обер-прокурора Синода. Он был сторонником неограниченного самодержавия в правление Алек-

сандра III, выступал против любых перемен в российской политической системе — введения парламентаризма, выборности, демократии. В них Победоносцев видел угрозу социально-политическим устоям Российского государства. Одним из путей укрепления российской государственности он считал сохранение православной веры [13].

Консервативные идеи второй половины XIX в. во многом способствовали появлению в 1905 г. и в последующие годы многочисленных монархических партий («Союз русских людей», «Русская монархическая партия», «Всероссийский союз земельных собственников», «Союз русского народа», «Русский народный союз Михаила Архангела» и др.) на волне борьбы с нарастающим революционным движением.

На консервативно-охранительных позициях стоял последний реформатор Российской империи П. А. Столыпин (1862—1911). Он разделял идейные позиции партии «Союз 17 октября» (октябристы), отстаивавшей интересы крупной буржуазии и помещиков. Его государственная деятельность выходит за границы XIX в., но идейно-политические взгляды Столыпина формировались во второй половине XIX столетия. Столыпин нередко выступал с трибуны Государственной думы и требовал предоставить России 15—20 лет покоя, чтобы сделать страну великой [16]. К сожалению, судьба Столыпина оказалась трагической. В результате покушения террориста Богрова 1 сентября 1911 г. он был тяжело ранен и скончался через несколько дней в Киеве.

Одним из распространенных идейно-политических течений второй половины XIX в. стал либерализм. Основой либеральной идеологии стала теория «естественных прав» личности с присущими ей личностными чертами — жизнь, свобода, счастье, собственность. Свобода личности объявлялась универсальным ее состоянием, абсолютной ценностью.

На позициях либерализма стоял император Александр II и его ближайшее окружение (Я. И. Ростовцев, Д. А. Милютин, А. В. Головин, М. Т. Лорис-Меликов, П. А. Валуев, А. А. Абаза и др.), проводившее либеральные преобразования в 1860—1870-е гг. Александр II стал реформатором в силу осознания необходимости

преобразований под влиянием поражения России в Крымской войне. Его реформаторство оказалось вынужденным, вызванным чрезвычайными обстоятельствами.

Либеральный политический курс правительства отличался крайней непоследовательностью из-за его слабой социальной базы. Правительство Александра II испытывало постоянное давление со стороны консервативных кругов. Отсюда противоречивость и медлительность в проведении преобразований. В российском либерализме в силу ряда обстоятельств были сильны антидемократические тенденции вплоть до приверженности монархическим идеям и традициям. Тем не менее, эпоха «великих реформ» Александра II сыграла положительную роль в эволюции российского общества.

Российский либерализм второй половины XIX в. был связан не с буржуазными, а с дворянскими социальными слоями, тогда как западноевропейский либерализм с самого возникновения стал идеологией формировавшейся буржуазии. Многие представители российского либерализма (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Б. Н. Чичерин и др.) проявляли интерес к проблемам свободы личности, ее участия в общественной и государственной деятельности.

В пореформенной России либеральная идеология нашла воплощение в исторических трудах С. М. Соловьева (1820—1879), главным из которых стал фундаментальный труд «История России с древнейших времен». Высшей целью исторического развития он считал достижение христианских идеалов добра и справедливости. В российском обществе основным противоречием историк полагал борьбу родовых и государственных начал. На основе этого вывода Соловьев разработал периодизацию российской истории. Он защищал взгляды и концепции историков государственной школы, к которой принадлежал и сам [15].

Ученик С. М. Соловьева В. О. Ключевский (1841—1911) создал новую историческую концепцию, в которой исторический процесс представал как процесс развития общественных классов, роль которых в обществе менялась в зависимости от изменений социально-экономического и политического разви-

тия общества. Примиряющим началом в взаимоотношении классов историк считал государство как выразителя общенациональных интересов. Ключевский изучал историю формирования государственно-правовых структур, крепостное право, экономическое развитие страны, историю финансов, методологию российской истории. В исторических сочинениях по социально-политической проблематике он защищал свободу слова, законодательный характер Государственной думы, бессловность выборов и др. [8].

Одним из крупных представителей либеральной общественно-политической мысли пореформенной России был К. Д. Кавелин (1818—1885). Российская история, по мнению Кавелина, отличалась от европейской тем, что на Западе все преобразования проводились «снизу», а в России — «сверху», при участии верховной власти. Он считал необходимым укрепление гуманных начал в общественной жизни, усиление роли личности, повышение ее благосостояния и нравственного развития. Российское общество должно следовать по пути к индивидуальной свободе, к формированию свободной личности. Принадлежа к идеологии западничества, Кавелин не ставил жестких граней между Россией и Европой, полагая, что, в конечном счете, они придут к единому итогу — к достижению общечеловеческого идеала. Политический строй современной России Кавелин определял как «самодержавную анархию», которая со временем превратится в «самодержавную республику», в которой будет достигнуто единство интересов верховной власти, высших слоев общества и народных масс (крестьянства). В историческом процессе он отдавал предпочтение распространению культуры и просвещения [7].

Крупнейшим представителем российского либерализма был Б. Н. Чичерин (1828—1904). Постепенно Чичерин переходил от идей реформаторства к идеологии консервативного либерализма, считавшего необходимым сохранение политического курса Александра II, монархического правления. Чичерин боролся против революционного движения, считал его идеи оторванными от реальной жизни. Отрицательно относился Чичерин

к социализму по причине приверженности социалистической идеологии к насилию и установлению деспотического правления. Принадлежа к государственной школе, Чичерин видел в становлении российской государственности исторический подвиг русского народа. Идеалом государственного устройства он полагал конституционную монархию, которая может быть совместима с совещательными учреждениями. В будущем Россия, по его мнению, должна развиваться по пути конституционной монархии с парламентской формой правления [20].

Правительственные круги и растущее либеральное общественное движение на рубеже XIX—XX вв. так и не ощутили потребности объединить усилия по сплочению общества на основе реформаторской идеологии и политики, что привело к глубокому политическому кризису. Российский либерализм оказался не подготовлен для решения принципиальных общественных проблем в силу особенностей исторического развития общества.

В начале XX в. либеральная идеология получила идейно-политическое и организационное оформление в создании ряда политических партий. К наиболее значительным из них можно отнести конституционно-демократическую партию (кадеты), партию демократических реформ, партию мирного обновления, партию прогрессистов, союз земцев-конституционалистов.

В пореформенной России все большую роль начинали играть радикальные (революционные) идейно-политические течения, стратегической целью которых было разрушение существовавшей политической системы, замена ее качественно новым общественно-политическим устройством. Термин «радикализм» происходит от латинского *radix* (корень) и обозначает идейно-политическое течение, ставящее целью провести в обществе коренные преобразования, изменить существующий общественный строй.

В структуре радикального политического сознания можно выделить идею всеобщего отрицания, носящего абсолютный характер (культ насилия); преобладание деструктивных (разрушительных) начал над конструктивными (созидательными); стремление к осуществлению немедленных политических дей-

ствий, политическое нетерпение как общий тип социального поведения. Радикальная идеология становится преобладающей в переломные моменты истории, когда общество переходит от одного качественного состояния в другое.

Социальной базой российского радикализма выступали достаточно широкие слои общества, прежде всего, разночинцы. До 1860-х гг. радикализм развивался в русле общедемократической идеологии. В дальнейшем основой радикальных идей становится ориентация на народную (крестьянскую, пролетарскую) революцию. Радикальное политическое сознание связано, в первую очередь, с молодежью, молодыми интеллигентами, которым свойственно стремление к решительным политическим действиям.

Поколение революционных демократов 1860-х гг. представляли Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. А. Антонович, Д. И. Писарев, М. Л. Михайлов. Н. В. Шелгунов и др.

Крупнейшим идеологом революционной демократии 1860—1870-х гг. был Н. Г. Чернышевский (1828—1889). Социально-политические взгляды Чернышевского формировались под влиянием идей Прудона, Блана, а также Белинского и Герцена. Наиболее значительным произведением Чернышевского стал роман «Что делать?», написанный в 1863 г. в тюремном заключении. В нем автор показал образы «новых людей», сторонников естественного поведения, науки, общественно-полезного труда. Эти идеи были горячо встречены молодыми радикалами 1860-х гг. Чернышевский также нарисовал некоторые черты будущего социалистического общества — организацию трудовых мастерских по подобию фаланстеров Фурье. Чернышевский представлял социалистическое общество как крупное промышленное производство, состоящее из промышленных и сельскохозяйственных товариществ. В других своих сочинениях Чернышевский положительно оценивал роль общины, что по праву делало его главным предшественником революционного народничества. Социальным идеалом Чернышевского было такое сообщество, в котором могли проявляться естественные человеческие потребности. Роль государства он видел в улуч-

шении материального благосостояния трудящихся, в расширении просвещения, в создании общественной собственности, на основе которой сформируется свобода личности. А так как современные институты слишком далеки от этих принципов, то вполне целесообразно и оправдано их революционное разрушение [19]. Радикальные идеи Чернышевского, популярные среди молодого поколения разночинцев, а также сотрудничество с тайным обществом «Земля и воля» привели к его аресту в 1863 г. и ссылке в Сибирь (1864), откуда он смог вернуться на родину в Саратов лишь за несколько месяцев до смерти.

Младший современник Чернышевского Н. А. Добролюбов (1836—1861) стоял на позициях просветительства, борьбы с словесным неравенством, защиты прав человека, веры в торжество разума и справедливости. Добролюбов считал, что русский народ должен создать в России такие общественные условия, которые способствовали бы распространению научных знаний. Поэтому главный смысл истории состоит в движении человечества к «разумным», «естественным» началам, от которых оно отклонилось. Ненормальные общественные отношения должны быть исправлены не по инициативе сверху, а радикальным образом [4]. Недолгая жизнь Добролюбова не позволила ему завершить многое из задуманного.

М. А. Антонович (1835—1918) — последователь Чернышевского, в начале 1860-х гг. резко полемизировал с братьями Достоевскими и Страховым, выступал с критическими статьями в журнале «Современник». Антонович активно пропагандировал идею «срединного» положения России между Востоком и Западом, Азией и Европой. Как и многие революционные демократы, он являлся сторонником демократизма и социализма [1].

Д. И. Писарев (1840—1868) считался родоначальником российского нигилизма. Осенью 1861 г. элементы нигилизма в мировоззрении Писарева проявились в призывах разбить все, что можно разбить, бить направо и налево. Писарев позднее выступал за развитие России по европейскому пути. Он отстаивал главную идею революционных демократов о народной революции в России, доказывал необходимость революции в том слу-

чае, если мирные средства не могут быть использованы. Однако в отличие от Чернышевского Писарев не считал возможным переход к социализму через крестьянскую общину [12].

Последовательным сторонником социалистической идеи был М. Л. Михайлов (1829—1865). В сентябре 1861 г. он был арестован и приговорен к шести годам каторги и вечному поселению в Сибири, где погиб в 1865 г. Михайлов сочувственно относился к рабочему классу, видел выход из его положения в создании производственных ассоциаций, где собственность принадлежала трудящимся. Он верил в возможность крестьянской революции и общинного социализма в России [10].

Близким другом и единомышленником Михайлова был Н. В. Шелгунов (1824—1891). Шелгунов выступил автором революционных прокламаций «К солдатам», «К молодому поколению» (1861). Он признавал разные формы политической борьбы, среди которых особо выделял революцию. В 1860-е гг. Шелгунов верил в особый исторический путь России, защищал идеи общинного социализма. В 1880-е гг. он пришел к пониманию роли пролетариата в социалистическом преобразовании общества. Будущее Европы Шелгунов связывал с победой рабочего класса, разделял взгляды Ф. Энгельса о конечной победе пролетариата над буржуазией [21]. Шелгунов стал одним из последних представителей российской революционной демократии.

Идеи революционных демократов в целом сыграли положительную роль в эволюции радикальной идеологии в России 1860—1870-х гг. На рубеже 1860—1870-х гг. на арену политической борьбы выступило народничество. Общим для всех народнических стало признание капитализма в России случайностью, признание самобытности российского социально-экономического строя и крестьянского общинного хозяйства, игнорирование связи государства с интересами определенных классов.

Начало формированию народнической идеологии было положено сочинениями П. Л. Лаврова (1823—1900) «Исторические письма» (1868—1869) и Н. К. Михайловского (1842—1904) «Что такое прогресс?» (1869). Лавров высказал взгляды о «кри-

тически мыслящих личностях», а Михайловский — воззрения о «борьбе за индивидуальность».

Теоретик народничества П. Л. Лавров в своем наиболее значительном произведении «Исторические письма» заложил основу движения «в народ», развернувшегося среди интеллигенции 1870-х гг. Конечную цель исторического процесса Лавров понимал как физическое, нравственное и интеллектуальное самосовершенствование личности, которым обладают не все, а только критически мыслящие личности. В России, по Лаврову, зарождается аграрный социализм, основанный на традиционных институтах — общине и артели. В учении Лаврова главное место занимали подготовка и пропаганда революции. Под влиянием идей Лаврова в России развернулось «хождение в народ», т.е. пропаганда революционных взглядов среди российского крестьянства [9].

Теоретиком и идейным вдохновителем анархистского течения в народничестве был М. А. Бакунин (1814—1876). Анархизм Бакунина развивался на базе мелкобуржуазных и люмпен-пролетарских слоев, страдавших от наступления капитализма. Его взгляды исходили из представлений об особом характере русского народа — «социалиста по инстинкту и революционера по природе», способным в любой момент подняться на революционную борьбу. Бакунин призывал к немедленному народному бунту, в итоге которого будет реализован идеал общественного устройства на антигосударственных, общинных началах. Бакунин считал авторитарно-самодержавное государство злом, искусственным продуктом элиты, временным явлением в истории общества. Бакунин полагал крестьянство главной силой социалистического преобразования общества [2]. Идеи Бакунина находили отклик среди революционно настроенной радикальной молодежи.

Третьим направлением революционного народничества стало учение П. Н. Ткачева (1844—1885). Это течение получило название «заговорщического» или «бланкистского». Игнорируя социальную природу российского государства, Ткачев полагал, что оно не имеет крепкого фундамента в виде поддержки со

стороны социальных слоев общества, как бы «висит в воздухе». Народ самостоятельно не может подняться против угнетателей, ему необходима помощь со стороны группы революционеров, которые смогут добиться его освобождения. Он считал, что захват власти группой революционеров — дело не сложное, не требующее длительного времени и подготовки [18].

Во второй половине 1870-х гг. в России возникли тайные революционные организации народников путем объединения разрозненных кружков и групп. В 1876 г. в Петербурге возникла тайная революционная организация «Земля и воля». Главной ее целью стала подготовка революции путем агитации среди народа, в основном, крестьянства. Провал работы в деревне, неудачи в подготовке крестьянских выступлений против правительства привела к появлению внутри «Земли и воли» организации «Народная воля», члены которой стояли на позициях террора. 1 марта 1881 г. народовольцы организовали покушения на императора Александра II. Однако поставленные политические цели дезорганизовать правительство не привели к желаемым результатам. Правительство усилило репрессии против революционеров, и в 1884 г. «Народная воля» прекратила свое существование.

Теория и практика террора получила отражение в деятельности партии социалистов-революционеров (эсеры) в начале XX в. Лидеры боевой организации эсеров под руководством Гершуни и Азефа совершили целый ряд терактов против видных государственных деятелей России.

Рупором легального народничества в начале 1890-х гг. стал Н. К. Михайловский (1842—1904). Его взгляды сочетали идеи аграрного социализма с либеральными требованиями конституционных реформ, гражданских свобод и прав личности. Наиболее целостное выражение концепция Михайловского получила в его теории «герои и толпа». Главную роль в истории, по его мнению, играли выдающиеся личности, народ играл пассивную роль в ожидании появления такой личности — «героя», способного увлечь массы на борьбу личным примером. «Толпе» Михайловский отказывал в активных созидательных действиях, считал необходимым слепое повиновение герою [11]. Взгляды

Михайловского пользовались популярностью в среде молодых радикалов 1890 — начала 1900-х гг. Его идеи стали гранью между революционным и либеральным народничеством.

Завершая анализ общественно-политических теорий второй половины XIX в., отметим, что все они были тесно связаны с теми или иными социальными слоями российского общества, прежде всего, с интеллигенцией, и выражали политические интересы различных слоев российской интеллигенции. Вполне очевидно, что объем статьи не позволил полностью осветить все идейно-политические течения российского общества обозначенного исторического периода.

Библиографический список

1. Антонович М. А. Избранные философские сочинения. М., 1945.
2. Бакунин М. А. Государственность и анархия. М., 2019.
3. Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967.
4. Добролюбов Н. А. Избранные произведения. Л., 1951.
5. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Сочинения. Т. 7. М., 1957.
6. Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе // Время. 1861. С. 1—4.
7. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989.
8. Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1989.
9. Лавров П. Л. Исторические письма 1868—1869. М., 2013.
10. Михайлов М. Л. Сочинения в 3 т. Т. 3. М., 1958.
11. Михайловский Н. К. Собрание сочинения в 6 т. Т. 2. СПб., 1906.
12. Писарев Д. И. Избранные философские и общественно-политические статьи. М., 1949.
13. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.
14. Погодин М. П. Избранные труды. М., 2010.
15. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1993.
16. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... М., 1991.
17. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.
18. Ткачев П. Н. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1976.
19. Чернышевский Н. Г. Избранные произведения: В 3 т. Л., 1978.
20. Чичерин Б. Н. История политических учений. М., 2006.
21. Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни. СПб., 1895.

Н. Р. Романова

доцент, Ивановский государственный энергетический университет
(Иваново)

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СПОРАХ: АНАЛИЗ ИЛИ ДОВЕРИЕ?

Анализируется современная информационная среда, определяющая когнитивные стили и стратегии современной молодежи. Приводятся результаты эмпирических исследований когнитивных стратегий, применяемых в дискуссиях.

Ключевые слова: когнитивный стиль, аналитическая и доверительная стратегии спора, мониторинг динамики.

N. R. Romanova

Associate Professor, Ivanovo State Power Engineering University (Ivanovo)

COGNITIVE STRATEGIES IN ARGUMENTS: ANALYSIS OR TRUST?

The modern information environment, which shapes the cognitive styles and strategies of contemporary youth, is analyzed. Empirical research findings on cognitive strategies employed in discussions are presented.

Key words: cognitive style, clip thinking, analytical and trust-based strategies of argument, monitoring changes in argumentation strategies.

Производство научного знания еще в XX веке стало индустрией. С заменой бумажных носителей на цифровые, изменилось почти все, что связано с информацией: объем, форма, скорость, своевременность, доступность; а также другие характеристики, определяющие ее субъективную значимость для реципиента (такие как ценность, прагматичность, риторичность и др.). Информационный взрыв и суперхайвей XXI века породили и новую семиотическую реальность. Ж. Бодрийяр так характе-

ризует ее: «Перед нами ... гигантский процесс симуляции» [3, с. 111], порождающий симулякры – знаки, не опирающиеся на реальность, ничего не обозначающие. Э. Аронсон называет такие информационные послания фактоидами [1, с. 172—195], а президент США Д. Трамп — фейковыми (лживыми) новостями.

На наш взгляд основная характеристика нынешней эпохи — имитация. В очень большой мере СМИ и СМК порождают фейк-ньюс, ученые имитируют открытия, деятели искусства имитируют творчество, преподаватели имитируют обучение, студенты — учение, экономисты и финансисты имитируют рост экономики (манипулируя цифрами) и т. п. Список можно продолжать бесконечно. С позиций организационной психологии бюрократизация и имитация трудовых процессов – это последняя стадия существования организации (старение), ведущая к ее кризису и дальнейшему изменению: распаду или перерождению [8, с. 63—64]. Нет сомнения, что именно избыток информации порождает ее имитацию: фактоиды, симулякры, фейки. В условиях избытка самой информации и избытка оценочных критериев, с помощью которых информация верифицируется, событие установления ее правдивости становится все менее вероятным. Это отмечал и З. Бауман в своем известном труде «Текущая современность» (2000 г.). Он писал: «В наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны: их слишком много, они сталкиваются друг с другом, и их предписания противоречат друг другу...» [2, с. 14]. Информации много, добывается она быстро, достоверность ее сомнительна. Какой процент населения участвует в порождении информации — доподлинно не известно. Предполагаем, что на текущий момент уже более половины населения планеты. Э. Тоффлер, характеризуя эпоху, констатировал, что «средства информации демасифицируются» и «Сегодня уже не массы людей получают одну и ту же информацию, а небольшие группы населения обмениваются созданными ими самими образами» [11, с. 277]. Профессией века становится блогерство. Для молодежи блогерство — это престижный вид деятельности, способ самореализации и зарабатывания денег. С точки зрения государства, блогерство —

новейший институт социализации молодежи. Проблема в том, что этот институт ограниченно контролируем. Блоги наполнены интересной для пользователей, но зачастую недостоверной информацией. Яркий по форме, остроумный, неожиданный контент не только привлекает внимание, но и активно обсуждается, распространяется и вызывает желание поспорить. Можно сказать, что блогеры создали революционно новую информационную среду развития, меняющую стили и стратегии переработки информации. Когнитивным стилем XXI века исследователи называют клиповое мышление [4; 9; 11]. По замечанию Э. Тоффлера в перенасыщенной информационной среде полноценный анализ поступающей информации невозможен, поэтому приходится «собирать мир наобум, особенно самые забавные его черепки» [11, с. 278]. Меняется также характер споров и дискуссий. Становится неэффективной аналитическая стратегия и ей на смену приходит доверительная [1; 3; 10]. Полемистам не хватает ресурсов, чтобы осмысливать и анализировать аргументы, поэтому они либо верят, либо не верят оппоненту. Как писал Ж. Бодрийяр «Доверие, вера в информацию присоединяется к этому тавтологическому доказательству, которое система предоставляет о самой себе, дублируя в знаках неуловимую реальность» [3, с. 112]. Уже в этом высказывании Бодрийяра сквозит пессимизм в отношении классической процедуры аргументирования позиции.

Признаки зарождения гиперинформационного общества намечались уже в середине XX века. Еще в 1947 году Герберт Хаймэн и Пол Шитсли выявили, что люди склонны избегать информации, не соответствующей их верованиям [12]. А в 1985 г. американский социолог Н. Постман отмечал, что сама конструкция новостных программ (нарезка из коротких сюжетов-клипов) не предполагает проникновения в суть темы, осмысления и критической оценки [13, р. 44]. Э. Аронсон на основании исследования эффективности предвыборных компаний кандидатов в президенты США пришел к выводу: «Вместо того, чтобы самим размышлять о важных проблемах, мы обращаемся за их решением к лидерам, которые кажутся заслуживающими

доверия» [1, с. 235]. По его мнению, доверие становится целью технологий психологического воздействия [1, с. 224].

Еще раньше основатель российской школы психологического воздействия Куликов В. Н. указывал, что «объект воздействия познает субъект воздействия, прежде всего с целью определения меры доверия или недоверия к нему» [7, с. 161]. Его последователь Корнев С. А., проведя ряд эмпирических исследований, доказал, что переживание чувства доверия к человеку ведет к тому, что сообщаемая им информация начинает восприниматься как присутствующая в собственном ментальном поле [5; 6].

Основываясь на принципах развития и детерминизма, а также на проведенном теоретическом анализе, мы предположили, что в условиях информационно перенасыщенной среды у нового поколения, в отличие от старших, формируется иная стратегия переработки информации, которую можно назвать доверительной. Это не значит, что аналитическая стратегия ими не используется, так как ее формируют у молодых и старшие поколения, для которых она является основной, и институты социализации, сохраняющие инерционность образовательной педагогической парадигмы. Но, поскольку большую часть своего времени новое поколение проводит в соцсетях и мессенджерах, можно предположить, что именно эти институты социализации приоритетно формируют мировоззрение современной молодежи и их умственные стратегии переработки информации.

В целях мониторинга динамики развития стратегий переработки информации мы с 2019 по 2025 год провели ряд эмпирических исследований. Мы исходили из тесной связи стратегий переработки информации, стратегий спора и принятия решений. Применялась процедура шкалирования. Разработанная нами анкета содержала 18 утверждений об отношении к дискуссиям, 9 из которых отражали аналитическую стратегию оценки аргументов, а другие 9 — доверительную. Респондентам предлагалось по 11-бальной шкале (от 0 до 10) оценить значимость для них научных аргументов, логических доводов, фактора доверия (или недоверия оппоненту), симпатии к нему. Валидность применяемой методики была подтверждена в исследовании 2019 г.

[10]. Эмпирической базой являлись школы и вузы г. Иваново. Возраст испытуемых варьировался от 15 до 43 лет. Первый этап исследования проходил в 2019 г. В исследовании приняли участие 164 человека (114 мужчин и 50 женщин), из которых 71 чел. были студентами дневного отделения, возрастом от 17 до 29 лет. В апреле 2025 г. мы провели повторное исследование ведущих стратегий спора и переработки информации, используемой в качестве аргументов в дискуссиях. Эмпирической базой являлись студенты дневного отделения 1—3 курсов трех ивановских вузов (как гуманитарных, так и технических факультетов). Возраст варьировался от 17 до 27 лет. Совокупная выборка 2025 г. составила 89 человек (68 мужчин и 21 женщина).

Сравнив результаты, мы выявили, что как в 2019 г., так и в 2025 г. доказательства для испытуемых оставались важнее доверия. Средний балл важности доказательств по совокупной выборке 2019 г. (школьники, студенты и взрослые) составил 8,56, тогда как важность доверия партнеру составила 6,23. Различия достоверны на 0,1 % уровне значимости ($t_f=9,05$). У студентов в исследовании 2019 г. оба показателя были ниже средних показателей совокупной выборки (6,87 и 5,13 соответственно). Средние баллы по выборке 2025 г. составили соответственно: 6,93 по аналитической стратегии, и 5,11 по доверительной ($t_f=9,6$). Таким образом, на выборках студентов 2019 и 2025 годов различий не обнаружено. Отметим, что аналогичные замеры на небольших группах студентов мы проводили также в 2021 и 2023 годах, результаты были идентичными.

Мы предполагали также, что фактор пола будет важной детерминантой когнитивных стратегий в спорах. Для проверки этого предположения были выделены женские и мужские выборки. В 2019 году среди женщин чаще встречались те, кто оценил выше доводы сердца, а не разума. Так средний показатель у студентов мужского пола при оценке степени своего согласия с утверждением «Самый лучший довод — это наши чувства. Если оратор мне симпатичен, я соглашаюсь с ним» равнялся 3,42, а у девушек 4,72. Различия средних достоверны ($t_f = 2,55$ при $t_{кр} = 2,0$ на 5 % уровне значимости по критерию Стьюдента). Гендер-

ные различия выборок 2025 года по данному критерию не выявились. И в целом различия между женщинами и мужчинами в 2025 году были выражены не ярко. Только по двум шкалам отмечались заметные различия средних. Женщины значительно меньше соглашались с утверждением «Истина рождается только в дискуссии» (среднее составило 4,76), в то время как мужчины в целом были согласны (среднее 6,14). Различия близки к достоверным ($t_f=1,88$). Единственное достоверное различие выявилось при ответе на вопрос «Когда Вы должны принять решение, сделать выбор, то в какой мере Вы доверяете своему «сердцу»?». Женщины ожидаемо в большей степени доверяют своим чувствам (среднее по выборке составило 7,04), в отличие от мужчин, которые меньше доверяют чувствам (5,64). Различия достоверны на 5 % уровне значимости ($t_f=2,22$ при $t_{кр}=2,00$).

Выявилось также, что чем старше курс, тем чаще студенты соглашались с утверждением, что истина рождается в дискуссии ($r=0,25$ на 5 % уровне значимости).

Таким образом, наше предположение, что в гиперинформационной реальности у нового поколения будет формироваться преимущественно доверительная стратегия спора, не подтвердилось. Значимых изменений за все эти годы мы не выявили. Студенты ориентируются на аналитическую стратегию. Но все же, исходя из богатого опыта организации студенческих дискуссий (от 20 до 30 дискуссий ежегодно), отметим, что уровень анализа в студенческих дискуссиях резко снизился. Предполагаем, что снижение уровня полемической компетентности обусловлено введением ЕГЭ и тотальной интернетизацией, вследствие чего в вузы приходят абитуриенты с ограниченным кругозором, недостаточно развитыми коммуникативными навыками и сниженными способностями к аналитико-синтетической деятельности. Можно сказать, что студенты хотят, но не умеют применять аналитическую стратегию спора и не владеют техникой научной дискуссией. К тому же спор, дискуссия — это соревновательное взаимодействие, где амбициозные участники стремятся к интеллектуальной победе. Результаты могут быть

иными, если предметом исследования станет восприятие аргументов масс-медиа.

Библиографический список

1. Аронсон Э. Пратканис Э. Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 543 с.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Бодрийяр Ж. «Симулякры и симуляции». М.: Постум. 2018. 240 с.
4. Доука С. В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 169—176.
5. Корнев С. А. Детерминация доверия процессом социальной идентификации личности: дисс. ... канд. психол. наук. Кострома, 2006. 169 с.
6. Корнев С. А. Песочные часы доверия // Успехи современной науки, 2016. № 4, Том 4. С. 21—28.
7. Куликов В. Н. Прикладное исследование социально-психологического воздействия // Прикладные проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1983. 296 с.
8. Мильнер Б. З. Теория организации. М.: Инфра-М., 2001. 480 с.
9. Романова Н. Р. Актуальные проблемы массовых коммуникаций: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. энерг. ун-т, 2019. 120 с.
10. Романова Н. Р. Познавательные стратегии молодежи: доводы разума или вера // Наука и инновации — современные концепции: материалы конференции. М.: Инфинити, 2019. Т. 3. С. 97—106.
11. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
12. Hуman H., Sheatslye P. B. Some reasons why information campaigns fail // Public Opinion Quarterly. 1947. Vol. 11, № 3. P. 412—423.
13. Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business USA. Penguin Books, 1985. 184 p.

И. В. Сибиряков

профессор, Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ БРИКС+

В статье представлены первые результаты исследования слабоизученного в исторической науке сюжета, посвященного роли российской интеллигенции в современном медиапространстве БРИКС+. Отмечено, что российской интеллигенции предстоит сыграть важную роль в организации настоящего межкультурного диалога в новой информационной среде, которая формируется в медиапространстве БРИКС+, что к числу самых сложных проблем в организации этого диалога относятся проблемы языка, преодоления исторических обид, поиск адекватных организационных форм, что хотя первый опыт участия российской интеллигенции в формировании медиапространства стран альянса в целом оказался успешным, он выявил и целый ряд серьезных проблем.

Ключевые слова: БРИКС, интеллигенция, медиапространство, межкультурный диалог, язык диалога

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

I. V. Sibiryakov

Professor, South Ural State University (Chelyabinsk)

ROLE OF RUSSIAN INTELLIGENCE IN THE MODERN BRICS+ MEDIA SPACE

The article presents the first results of the study of a poorly studied in historical science topic dedicated to the role of the Russian intelligentsia in the modern BRICS+ media space. It is noted that the Russian intelligentsia will have to play an important role in organizing a real inter-

civilizational dialogue in the new information environment that is being formed in the BRICS+ media space, that the most difficult problems in organizing this dialogue include problems of language, overcoming historical grievances, and the search for adequate organizational forms, and that although the first experience of the participation of the Russian intelligentsia in the formation of the media space of the alliance countries was generally successful, it also revealed a number of serious problems.

Key words: BRICS, intelligentsia, media space, intercivilizational dialogue, language of dialogue

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

Создание межгосударственного альянса БРИКС стало важным событием мировой истории начала XXI в. Уникальное объединение нескольких крупнейших мировых держав не только принципиально изменило ситуацию в развитии международных отношений на институциональном уровне, но и заметно обострило целый ряд проблем, традиционно входивших в «зону ответственности» интеллектуальной элиты каждой из стран альянса. Часть из этих проблем оказались для российской интеллигенции хорошо знакомы. Например, алгоритмы сотрудничества и взаимодействия в области культуры, искусства, науки были детально отработаны отечественными интеллектуалами еще в XX веке. Часть проблем носило ярко выраженный технологический характер и была связана с информационной революцией рубежа веков, которая существенно изменила многие процессы, связанные с получением, передачей и сохранением информации. Часть проблем оказалась для российской интеллигенции совершенно новыми. Возникла необходимость в более глубоком научном понимании этих проблем, в создании алгоритмов их решения. На наш взгляд, сегодня можно выделить три основные группы таких проблем.

Первая — это проблемы организации межкультурного (в прямом смысле этого слова) диалога между странами участниками БРИКС+. Особенности политического, культурного, исторического развития этих стран ставят очень остро во-

просы о том, на каком языке должен осуществляться этот диалог, в каких формах он должен проходить, кто должен играть в организации этого диалога ключевую роль? С учетом богатейших историко-культурных традиций, экономического и политического потенциала некоторых стран, стоявших у истоков альянса (Китай, Индия, Россия) ответ на данный вопрос не кажется очевидным. Тем более, что роль языка в современном мире становится все более значимой. Не случайно ведущие мировые державы предпринимают большие усилия для «продвижения» своего (в узком смысле слова) языка, как инструмента для организации диалога между странами, так и для сохранения собственной культурной идентичности. С этой точки зрения, перед современной российской интеллигенцией встает сложнейшая задача по сохранению русского языка, как языка межнационального общения внутри страны, и сохранению его позиций на международной арене в условиях формирования качественно новой языковой среды внутри альянса БРИКС+.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в 2007 г., сразу после принятия решения о создании альянса, когда был запущен международный информационно-просветительский проект «Современный русский». Проект был запущен с целью популяризации русского языка, повышения уровня грамотности населения и оказания лингвистической помощи. Информационными ресурсами и консультационными услугами проекта пользуются более чем в 150 странах мира. Авторы проекта сотрудничают с Институтом русского языка им. А. С. Пушкина и Фондом «Русский мир». С 25 марта 2025г. международная сеть TV BRICS запустила новый образовательный телевизионный проект, направленный на изучение русского языка как иностранного и популяризацию русской культуры за рубежом «Уроки русского с Таней Семке». Как отметила директор департамента инновационных лингвистических проектов TV BRICS Т. Скок: «Цикл программ «Уроки русского» — это продолжение стратегической работы TV BRICS по популяризации и продвижению за рубежом русского языка и культуры. Мы стараемся использовать удобные и эффективные формы подачи образовательного

материала, задействуем созданный специалистами TV BRICS видеоконтент о России в просветительских целях. Давно и с успехом проводятся международные лингвострановедческие телемосты с ведущими университетами стран БРИКС, за рубежом осуществляются показы программ на русском языке с субтитрами на национальных языках. На портале проекта «Современный русский» функционирует раздел «Русский язык как иностранный», предлагающий разнообразные материалы: мультимедийные образовательные ресурсы, каталоги русских пословиц о языке и речи, методические материалы для студентов и преподавателей РКИ. «Уроки русского» — это еще одна прекрасная возможность познакомиться с русской речью, усвоить грамматику и произношение, расширить лингвистический кругозор» [4]. Однако слово «язык» может иметь и более широкую трактовку, которая включает в себя выработку таких базовых системобразующих мировоззренческих понятий, которые могут адекватно восприниматься представителями различных культур, религий, языковых семей. Без такого адекватного восприятия межкультурный диалог будет во многом носить формальный, а не содержательный характер. И именно поэтому в процессе формирования языка межкультурного диалога интеллигенция призвана сыграть очень важную роль.

Вторая проблема — это проблема преодоления, к сожалению, многочисленных исторических «обид», которые накопились в отношениях между некоторыми странами БРИКС. Они имеют очень сложную природу, включают в себя политический и экономический компоненты (территориальные споры, межрелигиозные конфликты и т. д.), но при этом не имеют простого алгоритма решения. Важно помнить, что в создании некоторых из этих т. н. «обид», и в сохранении негативной исторической памяти о том или ином событии очень важную роль играли и продолжают играть именно представители интеллигенции. Не случайно в 2022 г. в рамках альянса был подготовлен и запущен совместный медиапроект международной сети TV BRICS и Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) «БРИКС: в зеркале времен» об истории отноше-

ний РФ со странами «пятерки», который осуществляется в рамках Десятилетия науки и технологий в РФ (2022—2031 год). Проект представляет собой серию тематических сюжетов на мультимедийной платформе TV BRICS с участием экспертов (историков, политологов, культурологов, философов, востоковедов), рассказывающих о наиболее ярких страницах совместной истории и коллективной памяти стран БРИКС в контексте российского ракурса. В серии интервью с ведущими учеными в области социально-гуманитарных наук использованы исторические справки, отсылки к проведенным исследованиям. Проект поддержан грантом Минобрнауки России в рамках федерального проекта «Популяризация науки и технологий» [1].

Третья проблема — это проблема создания таких каналов межкультурной, международной коммуникации, которые будут способны включить в процесс этой коммуникации понастоящему широкие слои населения, первоначально имеющие очень «смутные» представления о самом альянсе БРИКС, о его месте в мировой истории и политике. Следует подчеркнуть, что в рамках международного социологического исследования, которое в 2024 г. проводилось в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Умная цивилизация», эксперты опросили 5,5 тыс. респондентов из России, Бразилии, Индии, Китая и ЮАР. Среди наиболее перспективных форм организации сотрудничества многие респонденты отметили культурные проекты (обмен книгами, совместные выставки, театральные постановки и пр.), студенческие обмены и совместные образовательные программы (лекции, тренинги и пр.), сотрудничество в сфере бизнеса и инвестиций, дипломатическое сотрудничество [3].

Необходимо подчеркнуть, что для решения этих и многих других проблем российской интеллигенции необходимо сформировать стратегию и тактику своего поведения не только внутри страны, но и на международной арене, что особенно трудно сделать в условиях глобальной неустойчивости современного мира, обострения ситуации внутри страны и мучительной трансформации многих социальных групп (в том числе и самой

интеллигенции) в условиях постиндустриального и, возможно, постинформационного общества.

Даже беглый анализ короткой пока истории БРИКС показывает, что российской интеллигенцией накоплен определенный опыт участия в жизни данного альянса. К числу позитивных итогов деятельности интеллигенции в этом направлении, на наш взгляд, можно отнести:

1. Создание современных информационных ресурсов, которые позволяют выстраивать междивизиационный, межкультурный диалог между странами БРИКС на современной технологической базе. Речь в первую очередь идет о таком ресурсе, как международная медиасеть «TV BRICS». Реализация этого проекта началась в 2017 г. Сегодня в числе ее партнеров более 80 медиакомпаний из 25 стран. Вещание осуществляется 24 часа в сутки на 6 основных языках. А всего в 2024 г. новостные трансляции велись на 27 языках, в том числе индонезийском, бенгальском, ассирийском, суахили, амхарском, курдском, пушту, иврите.

2. Реализация целого ряда совместных культурных проектов, позволяющих деятелям культуры разных стран получить «выход» на аудиторию других государств альянса и предложить этой аудитории собственные трактовки исторических событий, политических процессов, произведений культуры. Например, в 2023 г. на базе международной медиасети «TV BRICS» с целью «продвижения в глобальном медиапространстве достижений стран БРИКС в области культуры, музыкального искусства и классической музыки» был учрежден Международный симфонический оркестр TV BRICS [2].

3. Построение организационных структур, сделавших возможным межличностный диалог между представителями интеллектуальной и культурной элиты стран БРИКС. Например, по инициативе России в 2024 г. в рамках литературного форума БРИКС было принято решение о создании «Ассоциации литераторов стран БРИКС+» [5]

Очевидно, что, используя почти все доступные для нее механизмы, российская интеллигенция в рамках информацион-

ного пространства альянса пытается сформировать позитивный образ современной России как страны, выступающий за равноправный диалог и мирное сосуществование традиционных культурных ценностей всех стран, принимающих участие в альянсе. Однако, определить реально насколько успешными оказываются те или иные культурные инициативы и практики российской интеллигенции в информационном пространстве БРИКС крайне сложно, если вообще на сегодняшний день возможно. Наиболее перспективным с точки зрения оценки в количественном выражении результатов осуществления «культурной дипломатии» или «культурной политики», по нашему мнению, могли бы стать методы, которые активно применяются при проведении нейромаркетинговых исследований, но применить такие методы на территории другого государства фактически невозможно. Поэтому ученым приходится использовать ограниченный круг источников и методов исследования конкретных результатов деятельности российской интеллигенции в информационном пространстве БРИКС. Возможно, по мере совершенствования информационных технологий ситуация будет меняться.

Библиографический список

1. БРИКС: в зеркале времен. URL: <https://tvbrics.com/tv-shows/brics-v-zerkale-vremen/top/> (дата обращения: 07.04.2025).
2. Концепция. URL: <https://tvbrics-orchestra.com/orchestra/> (дата обращения: 02.04.2025).
3. Молодежь стран БРИКС рассказала, какой видит Россию будущего. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/90421/> (дата обращения: 07.04.2025).
4. Россия запускает в странах БРИКС+ телепроект по изучению русского языка для иностранцев. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/50834> (дата обращения: 02.04.2025).
5. Россия инициировала создание союза Международного союза литераторов стран БРИКС+ //URL: <https://iz.ru/1756265/2024-09-11/rossiia-initciirovala-sozdanie-mezhdunarodnogo-soiuza-literatorov-stran-briks> (дата обращения: 2.04.2025).

В. В. Ткачев

педагог-организатор, Центр развития дополнительного образования
детей (Иркутск)

**РАБОТА СИБИРСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941—1945 гг.)**

В статье поднимается вопрос о том, как представители сибирской художественной интеллигенции участвовали в событиях в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Работа художников была направлена на развитие интереса к искусству среди жителей в тяжёлый для страны период.

Ключевые слова: история Сибири, Великая Отечественная война, художественная интеллигенция, художественная жизнь, городская культура.

V. V. Tkachev

teacher-organizer, GAU DO IO «Center for the Development of Additional Education for Children» (Irkutsk)

**THE WORK OF THE SIBERIAN ARTISTIC INTELLIGENTSIA
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN 1941—1945**

The article raises the question of how representatives of the Siberian artistic intelligentsia participated in the events during the Great Patriotic War (1941—1945). The artists' work was aimed at developing interest in art among residents during a difficult period for the country.

Key words: history of Siberia, Great Patriotic War, artistic intelligentsia, artistic life, urban culture.

Искусство во все времена понималось как важное средство воздействия на восприятие и формирование собственного отношения к изменчивости событий, принятия ценностей и ста-

новления личности. Оно воспринималось обществом как важный элемент для существования, что вдохновляло на новые достижения и принятия решений в деятельности. Так произведения мастеров демонстрировались не только в музеях на выставках, но и многие работы публиковались в печатных изданиях: каталогах, книгах и газетах, как иллюстрации к приложениям. Большое количество читателей обращались к трудам, где размещались работы творческого сообщества. Они не только читали, но и со временем образы передавались в разные частные книжные и живописные собрания в сибирских городах.

Художественная среда в тяжёлые военные годы переживает серьёзные испытания с точки зрения проведения значимых для каждого региона мероприятий. Количество выставок с каждым разом сокращалось, как и число участников, действующих мастеров, которые получили образования и трудились в области оформления новых строений, по заказу писали масштабные и ценных для организаций живописных полотен.

В годы Великой Отечественной войны представители художественной интеллигенции трудились, совершали творческие подвиги в сфере искусства. Также к данному процессу присоединялись и другие общественные деятели, которые понимали значимость живописи для духовного, интеллектуального роста каждого посетителя. Важно было понимать, что к деятельности относились с особым вниманием, как к тем, кто только начинал рассматривать картины, так и продолжал знакомиться с достижениями художественных школ. Существующие издания о деятельности художников, сотрудников музеев в военные годы дают возможность проследить отношение творческого общества к поддержанию площадок, где демонстрировались произведения искусства. Также настоящие труды известных музейных деятелей восстанавливают то, какими приёмами и методами пользовались художники для привлечения внимания посетителей.

В годы Великой Отечественной войны в искусстве заметные результаты достигли многие представители сибирской интеллигенции: В. С. Рогаль, Б. И. Лебединский, В. В. Гулецкий, Н. В. Шабалин и многие другие.

В рамках исследования были изучены документы архива художественного музея в Иркутске и общедоступные печатные издания: газеты и изображения как приложения, в создании которых принимали участие художники. Материалы описывают выставочную, научную деятельность сотрудников учреждений культуры, которые занимались сбором сведений о ярких представителях отечественных художественных школ.

Художественную интеллигенцию на протяжении долгого времени изучали многие учёные. Они собирали документы и анализировали события со стороны отношения художников, которые трудились в годы Великой Отечественной войны [2; 4; 5; 7; 10]. В результате научной работы восстанавливались события, где деятели искусства принимали активное участие, использовали разные подходы. О роли интеллигенции в развитии общества известны исторические исследования. Они определяют и характеризуют русскую интеллигенцию [6]. Выставочная и творческая деятельность влияла на формирование интересов общества в сфере искусства [9, с. 15]. Они обосновывали и придавали значение работы художников в рамках приобщения жителей к защите Отечества [8].

В рамках становления творческих организаций в разных регионах советского государства происходил важный процесс становления художественной интеллигенции нового времени. Художники понимали значимость деятельности в усилении и объединении сил народа в области построения отношений между творческим, интеллектуальным общества, где искусство являлось эффективным средством [1].

Историки прошлого так описывали воздействие искусства на процесс становления художественной интеллигенции в советские годы: «Изменилось отношение к труду, который стал в нашей стране делом чести, доблести и героизма. Во все процессы производства внедряются стахановские методы труда, увеличивается его производительность. В Сибири выросли кадры советской интеллигенции — научные работники, инженеры, агрономы, учителя, врачи, работники искусства и десятки тысяч

квалифицированных работников в различных областях промышленности и сельского хозяйства» [3].

Разбирая мероприятия, стоит обозначить то, что в военные годы оставались деятели, понимающие принципы построения пространств для показа произведений искусства. На протяжении долгого времени в учебных заведениях, на производстве были подготовлены специалисты, которые были готовы выполнять любые творческие задачи, намеченные руководителями государства. Они знали, что необходимо совершать значимые для региона дела: «Выполняя задания партии и правительства, окружённые их вниманием и заботой, трудящиеся превратили “край дремлющих богатств”, как называли Сибирь до революции, в мощную промышленную и сельскохозяйственную базу на востоке» [3].

В 1941—1945 годы многие деятели искусства, руководители музеев, искусствоведы работали в области проектной деятельности, которая заключалась в изучении творчества художников настоящего времени. В рамках событий проводились тематические выставки, составлялись каталоги, где указывались сведения о том, как велась работа по созданию выставочных пространств, были определены живописных полотна для публичного показа.

В Иркутске в 1941 г. была организована выставка В. В. Гулецкого. К мероприятию был подготовлен каталог. Владимир Васильевич совмещал творческую деятельность и выполнения боевых задач в рядах Красной Армии. Художник был капитаном и политработником. Несмотря на занятость военной службой, он находил время не только писать этюды и картины, но и принимал участие в художественной и общественной жизни Союза Советских художников. Он был один из активнейших руководителей Союза Советских художников Иркутской области. Понимая значимость творческой деятельности для развития художественной интеллигенции, организовывал мероприятия, поддерживал творчество и быт иркутских художников. До иркутской выставки работы художника демонстрировались на выставках в Париже и Флоренции в 1925 году. Занятость

В. В. Гулецкого военной и общественной работой такова, что при виде его выставки, которая проходила в художественном музее Иркутска, можно было понять работоспособность мастера.

На выставке были представлены не все работы. Многие его произведения находились в частных собраниях и в музеях Сибири. Представленные живописные полотна были выполнены художником за 6—8 лет деятельности в Иркутске. В залах размещались 300 работ, созданные в период командирского отдыха, в бессонные ночи, когда стремление к рисованию заставляло снова приступать к живописи, брать кисть, не замечая, как проходит время.

В дальнейшем выставки устраивались как коллективные, так и персональные, что заметно поддерживало творчество многих сибирских мастеров в тяжёлые военные годы.

В тяжёлый период оформлением помещений разных учреждений, созданию плакатов, графических работ занимался Н. В. Шабалин. Художник сохранял в своих изображениях портретные образы работников предприятий, которые совершали трудовые подвиги. Так о его деятельности сообщали в газетных статьях: «Художник Николай Васильевич Шабалин всю войну работал рядом с Ольхоном и Кунгуровым в «Окнах ТАСС». Он иллюстрировал книги иркутских писателей и детские книжки-раскладушки. Это был очень образованный и очень добрый человек. В Гражданскую, в девятнадцать лет, он воевал и с Пятой армией пришел в Иркутск. Уже тогда он пытался рисовать карикатуры и плакатные агитки. Его отправили учиться в красноармейскую студию при политуправлении армии, которой руководил Сергей Бигос, член ИЛХО» [1].

Николай Васильевич как художник на протяжении долгих лет продолжал осваивать выставочные пространства Иркутска, поддерживал связи со многими коллекционерами, мастерами, которые занимались оформлением новых помещений для разных учреждений. Художник не только трудился в области создания художественных произведений, но и стремился отразить на бумаге многие исторические события, свидетелем которых он становился [1].

Таким образом, иркутские художники в годы Великой Отечественной войны совершали достижения в области искусства. Они создавали живописные полотна, которые показывали жизнь и деятельность разных представителей сибирского общества. В рисунках и картинах можно было увидеть портретные образы работников предприятий, совершаемые трудовые подвиги. Наследие, которое сформировалось в военные годы, служит источником для вдохновения современного поколения деятелей искусства.

Библиографический список

1. Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва. Выставочная деятельность в Иркутской области. Л. 10.
2. *Грязнухина Т. В.* Особенности формирования и просветительская деятельность сибирской интеллигенции на рубеже XIX — XX веков // Духовно-исторические чтения: тез. докл. межвуз. науч.-практич. конф. Вып. VII. Красноярск, 2002. С. 366—373.
3. *Дулов В. И.* Великая Отечественная война и Сибирь. Иркутск: ОГИЗ Иркут обл. изд-во, 1944. 68 с.
4. *Зубрий Е. С.* Рукопись Г. И. Дудина «Из истории иркутского областного художественного музея» как источник изучения истории художественной культуры сибирского края и Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва (на материалах второй части рукописи, период 1937—1952 гг.) // Сукачёвские чтения. 2019. № 16. С. 58—64.
5. *Мальцева Е. А.* Великая Отечественная война в сибирской живописи // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: гуманитарные исследования. 2019. № 2(6). С. 51—55.
6. *Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «Интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 7—26.
7. Советское искусство: живопись, скульптура, рисунок и акварель: каталог / сост. А. Д. Фатьянов. Иркутск: Иркут. обл. худож. музей, 1982. 302 с.
8. *Ткачев В. В.* Культурно-просветительская деятельность И. Н. Жукова в Забайкальской Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 92—115.
9. *Фатьянов А. Д.* Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.

10. *Черненко К. С., Маркелова Л. Н.* Организация творчества и особенности визуальной репрезентации советских художников в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в памяти поколений: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак: Башкир. гос. ун-т, 2020. С. 373—381.

УДК 131.5

О. В. Шимельфениг

доцент, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ

Показано как на основе древних духовных традиций, отечественных философских школ и достижений науки можно подходить к решению глобальных проблем современного мира.

Ключевые слова: глобальные вызовы, целостная духовно-психо-физическая картина мира, сюжетно-игровая концепция реальности.

O. V. Schimelfenig

Associate Professor, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky (Saratov)

DOMESTIC PHILOSOPHY FACING THE CHALLENGES OF TIME

It is shown how, based on ancient spiritual traditions, domestic philosophical schools and scientific achievements, one can approach the solution of global problems of the modern world.

Key words: global challenges, holistic spiritual-psycho-physical picture of the world, plot-game concept of reality.

Современный мир ставит перед интеллигенцией и интеллектуалами ряд вызовов, среди которых можно выделить следующие: **необходимость осмысления глобальных проблем**, таких как изменение климата, миграция и международные конфликты, которые требуют совместных решений на уровне разных стран и культур; **увеличение популизма, национализма и поляризации в обществе** требует от интеллектуалов активного участия в общественных дискуссиях и поиске компромиссных решений; **экологические проблемы**, требующие поиска устойчивых подходов к использованию ресурсов и охране окружающей среды, с учётом сложных взаимодействий между экономическими, социальными и экологическими системами; **быстрое развитие технологий, таких как искусственный интеллект и автоматизация**, требует от интеллектуалов понимания их влияния на общество, экономику и этику; **проблема сохранения культурной идентичности** в условиях глобализации и миграции с одновременной открытостью к новым идеям и влияниям.

Стратегии жизни, всё более определяющие облик среды, в которой мы живём и малоосознаваемые программы, формирующие наше поведение, во многом основываются на механистической бездуховной картине мира, из которой выброшены, как сами со-авторы «сценариев» (естественно-научных, технических и других) и со-исполнители (обеспечивающие тем самым себе «алиби в Бытии», по выражению М. М. Бахтина), так и все другие «действующие лица-силы» Природы в целом, которые отвечают нам на своём «языке» — экологическими и социальными катастрофами.

В свою очередь мировоззренческий кризис имеет тот же источник – отвлечённость категориального аппарата различных философских и научных концепций – понятий материи, сознания, количества, качества, сущности, явления, бытия, небытия, экзистенции, трансценденции, свободы и т. д. — от конкретных носителей их содержания. Экзистенциализм, феноменология, а затем и новейшие течения философии — конструктивизм, знактивизм, теория аутопозза и др. не решают проблему преодоления отрыва научно-философских картин мира от их авторов и

пользователей, продолжая находиться в плену объективистской парадигмы, исключаяющей из своих моделей реальности тех, кто её по-своему воспринимает, интерпретирует и соответствующим образом трансформирует, не отдавая себе в этом отчёта. Если кто-то сомневается в наличии такой проблемы, то пусть укажет хотя бы одну научную публикацию, содержащую два протокола: один с результатами изучения объекта и другой — с описанием картины мира исследователя (или группы), которая, по сути, обусловила результаты первого отчёта!

Таким образом, автор видит в качестве главного корня всех этих вызовов современного мира — отсутствие такой научно-философской концепции реальности, как духовно-психофизической целостности, где была бы разработана система категорий, которая отражает **одновременно научный, религиозный, художественный, практический и экзистенциально-личностный** аспекты единого Универсума: «На наших глазах идет **формирование новой парадигмы, в которой... будет постепенно осуществлен синтез научной, философской и религиозной мысли**» [7, с. 43]; «Развитие технотехники оказывается немислимо без её “социального тела” — **политики, экономики, промышленности, культуры, философии, религии, искусства, повседневной жизни**» [5, с. 12].

Необходимость учёта мировоззренческой позиции исследователя, которая обычно им недостаточно рефлексирована, обсуждалась в разной степени глубины рядом отечественных философов. Е. Н. Трубецкой [13, с. 121] в письме к П. А. Флоренскому отмечает, что от *уровня развития человеческой индивидуальности* зависят степени разумного и интуитивного постижения бытия, например, антиномия для одного сознания для другого будет гармоничным единством противоположностей. П. А. Флоренский [18, с. 158] часто ссылается на Александра фон Гумбольдта, утверждавшего, что едва ли хотя одно слово разными лицами представляется одинаково.

Автор, систематизируя подходы к этой проблеме, приходит к выводу о необходимости включения в общенаучную картину мира мировоззренческой позиции исследователя. Поэтому

актуальны проблемы типизации индивидуальных картин мира, без чего невозможна ни наука, ни философия [22]. Как ответ на главный вопрос — «Какие метафоры, символы и понятия естественно возникают при попытке построения целостной духовно-психо-физической концепции реальности вместе с её создателями и неизбежно со-участниками всего происходящего?» — предложена сюжетно-игровая парадигма [19, 20], построенная автором на основе многовековой истории решения этой проблемы, высочайшая степень разработанности каковой, правда, не на том концептуально-категориальном языке, на котором она исследуется в указанных работах, представлена мифопоэтическими средствами в древнеиндийских текстах Упанишад и Махабхараты [12, 17].

Русские философы заинтересовались концепцией Божественной Игры уже с конца XVIII века: Бхагавадгита (6-я книга «Махабхараты» Бхисмапарва, главы 23—40) на русском языке впервые была издана в 1788 году спустя всего три года после опубликования её первого европейского перевода. Очевидна близость учения П. Я. Чаадаева о «мировом сознании» и философской антропологии А. С. Хомякова со Сверхсознанием Бхагавадгиты. В. С. Соловьёв, воспринявший в значительной степени идеи А. С. Хомякова, приходит к тому же в своей теории познания: мир одушевлен и, хотя его упорядочивают законы, их источник — душа мира, София. Идеи Соловьёва могли оказать влияние на Ф. Достоевского («любовь познающая» и «познание любящее»), Ф. Тютчева, А. Фета и, наконец, в какой-то мере, на Л. Толстого, который в конце жизни скажет: «Всё учение и вся жизнь Кришны есть только любовь», о чём и идёт речь в 9 главе Бхагавадгиты; о том же и слова апостола Павла: «Бог есть любовь».

Эта тема развивается и в трудах современных отечественных философов: Т. А. Апинян, Р. Р. Ильясова, С. П. Гурина, А. М. Илюшина, И. И. Булычёва и А. Н. Кирюшина [1, 3, 6, 8, 9, 10]. Т. А. Апинян отмечает сопричастность игре «серьёзных» форм человеческой деятельности: политики, государственной деятельности, идеологии, искусства, морали, заканчивая самой обычной жизнью, распространяя бытие игры и на космический

универсум, утверждая, тем самым, её онтологический характер. Р. Р. Ильясов исследует проблему философской концептуализации игры, связь сознательного и бессознательного в игре, игру в контексте познавательной деятельности. С. П. Гурин рассматривает игру как эксперимент с бытием, направленный на выяснение устройства мира, сопровождаемый трансформацией обеих сторон: играя, человек творит то, чего ещё не было, свершает истину, распредмечивает сущее и раскрывает бытие.

Эти исследования, где всесторонне изучается понятие игры в разных контекстах и в связи с разными сторонами бытия, подводят к формированию, «кристаллизации» содержания философской категории игры как взаимодействия нескольких субъектов — межсубъектного взаимодействия.

К глубоким философским выводам в своих исследованиях по проблемам игры приходит А. Н. Кирюшин, опираясь на работы И. И. Булычёва и многих других авторов, которые в сюжетно-игровой парадигме предельно обобщаются до универсального понимания игры уже не как преимущественно сценарно-виртуального аспекта реальности, а как её образа и модели в целом. Для такого шага в работах этих авторов имеются достаточные предпосылки, поскольку они показывают, что игра из сферы развлечений «проникла в фундаментальные основания общества и даже стала одним из принципов его современного существования» [3, с. 7], «побуждая социум к поиску путей выхода из тупиков и преодоления кризисов и застоев» [10, с. 137].

Сюжетно-игровой картине Мира близка концепция ноосферы В. И. Вернадского [4], развиваемая в настоящее время в Ивановском государственном университете профессорами Г. С. Смирновым и Д. Г. Смирновым [15, 16], Н. Н. Васильевым и О. В. Шимельфенигом [23]. Она отличается тем, что Мир, как духовно-психо-физическая целостность, рассматривается прежде всего с антропологической точки зрения.

Сюжетно-игровая концепция реальности основывается на представлении о том, что любые её части, элементы, фрагменты являются ***индивидами*** с двуединой психо-физической природой, которые ***обладают субъектностью*** и имеют способ-

ность проявлять активность во *взаимодействии*. И таким образом *всё происходящее в Мире* является *межсубъектным взаимодействием*, то есть, *игрой*. Понятия *индивид* и *игра*, равно как понятия *сюжета* и *сценария*, в сюжетно-игровой концепции имеют *категориальный статус* и носят *онтологический* характер, поскольку лежат в основе представлений о бытии.

Миропроявление как становление, осуществление Бытия происходит исключительно через **взаимодействие** различных, разноуровневых частей и фрагментов Мира как фракталов Единого. И если бы в Мире не было таких взаимодействий, то в нём ничего не происходило бы, то есть, его самого просто не было бы! Энгельс в «Анти-Дюринге» отмечает: «Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади него нечего ... познавать» [11, с. 346]. Но там, где есть взаимодействие, оно всегда может быть интерпретировано как игра этих взаимодействующих начал: *«Игра начинается всякий раз, когда люди как-то пытаются взаимодействовать друг с другом»* [2, с. 4].

Поскольку в обсуждаемой концепции «игра» есть проявление сущности бытия, то «не игра» тоже, конечно, есть – и это «небытие», в смысле восходящем к восточным философским традициям, как источник полноты бытия, как трансцендентное неопределимое творящее Начало Бытия – Космической тотальной многоуровневой Игры. Многие известные учёные и философы (Платон, Аристотель, Декарт, Беркли, Ньютон, Гейзенберг, Планк и др.) осознавали и явно формулировали, что в основе мироздания лежит некое разумное Творческое Начало, иначе и люди не обладали бы способностью созидать, что нашло отражение уже в учебниках: *«Проблема продуктивных дискурсов из частного дела методологов становится сутью философского процесса современности. Поскольку ограниченность идеолого-рационалистического подхода не устраивает сообщество, то рамки дискурса раздвигаются: и в философию, и в культуру вносятся религиозные, мистические, мифологические, технократические и т. п. учения, материалы этнографии, психологии, археологии, литературоведения, искус-*

ства и т. д. — всей жизни, деятельности и переживаний человека» [14, с. 4].

Понятия сюжета и игры — именно философские, то есть, универсальные, раскрываемые в контексте целостного, единого бытия Мира. Через них представимо любое явление, поэтому их всеобщность вполне сопоставима с универсализмом категории «материя». Как из материи в субстанциальной картине мира «соткана» вся реальность, так и в представленной концепции вся реальность соткана из сюжетно-игровой «материи»: «Любая деятельность всегда идёт в режиме игры, даже когда она таковой не является» — для кого-то другого [1, с. 399].

Целостное мировоззрение должно органично сочетать физический, психический и духовный аспекты Вселенной. Расхождение понятия «объективной реальности», равно как и логически симметричной ей «субъективной реальности», оказались абстракциями, далёкими от жизни, «предельной идеализацией, а не действительностью», по выражению нобелевского лауреата Гейзенберга. Поэтому предлагается концепция третьей — межсубъектной «коммунальной реальности», смысл которой в том, что мир творится, как в игровой модели, всеми его участниками, из которых он и состоит. Конструируется «необъективистский» путь научной деятельности — «челночная стратегия познания: исследователь-исследуемое» на материале исторической науки [21], который состоит в том, что описание какого-либо явления должно строиться, как некая *двуединая процессуальная, сюжетная целостность*, как спирально разворачивающаяся последовательность сюжетных фракталов, состоящих из чередующихся актов исследования *двух взвимоcвязанных аспектов: самого исследователя и рассматриваемого явления*, ибо, во многом неосознаваемые установки учёного неизбежно участвуют в выделении им из Мирового Целого (Сюжета Мировпроявления) объекта исследования, гипотез о его содержании и методов изучения.

Таким образом, сюжетно-игровая парадигма является вариантом духовно-психо-физического целостного мировоззрения, отвечающего на вызовы современности, опирающегося на

философский фундамент древних культур, отечественных традиций всеединства и ноосферных представлений, отличающегося от меркантильного западного глобализма тем, что оно является, по сути, духовным глобализмом, способным защитить духовный суверенитет России на основе всеединства.

Библиографический список

1. Апинян Т. А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал. Сон, искусство и другое. СПб, 2003. 399 с.
2. Бабичева Т. С., Бабичев С. Л. Введение в теорию игр и исследование операций. М.: МФТИ, 2018. 104 с.
3. Булычев И. И., Кирюшин А. Н. Методологические предпосылки социально-философского исследования проблемы игры в социальных практиках // Поволжский педагогический поиск (научный журнал). 2016. № 3 (17). С. 7—11.
4. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
5. Герасимова И. А. Перспектива общенаучной картины мира: коллизии и тенденции // Эпистемология и философия науки 2022. Т. 59. № 3. С. 6—18.
6. Гурин С. П. Игра. Спонтанность. Трансценденция // Реальность и субъект. 2001. Т. 5, № 2. С. 33—40.
7. Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 628 с.
8. Ильясов Р. Р. Философия человеческой игры: монограф. Уфа: УИ РГТЭУ, 2005. 166 с.
9. Илюшин А. М. Наука как интеллектуальная игра // Проблемы социально-гуманитарных наук в эпоху цивилизационного кризиса: сб. науч. ст. Саратов: Научная книга, Ч. 2. 2006. С. 14—19.
10. Кирюшин А. Н. Функции и роль игры и играизированных процессов в контексте социальных практик // Военный академический журнал. 2017. № 1 (13). С. 134—138.
11. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20.
12. Махабхарата. Книги 1—18 / пер. и комм. В. И. Кальянова и др. М.; Л.: СПб, 1950—2009.
13. Переписка князя Евгения Николаевича Трубецкого и священника Павла Флоренского // Вопросы философии. 1989. № 12.

14. Современная мировая философия: Учебник для вузов / под ред. А. С. Колесникова. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013. 563 с.
15. *Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
16. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная. идея и ноосферная история: введение в универсумную философию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
17. Упанишады. М.: Наука, 1967. 336 с.
18. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2.
19. *Шимельфениг О. В.* Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов: Научная книга, 2005. 688 с.
20. *Шимельфениг О. В.* Сюжетно-игровая парадигма как система мировоззренческих универсалий // Общество: философия, история, культура. 2021. № 1. С. 30—36.
21. *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Вечный вызов интеллигенту на фоне Ренессанса. Философия истории // Интеллигенция и мир. 2017. № 1. С. 97—115.
22. *Шимельфениг О. В.* Типология картин мира // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 139—146.
23. *Шимельфениг О. В., Васильев Н. Н.* Язык как фактор самотрансформации ноосферного универсума // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 147—153.

Секция 3.
ЛИЧНОСТЬ
В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО
МИРА

УДК 930.1

А. М. Баженов

профессор Российской академии естествознания;
доцент, Тульский государственный университет (Тула)

ПОРТРЕТ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ГЕРЦЕНА

В статье анализируется литературная и общественная деятельность выдающегося русского писателя и мыслителя А. И. Герцена. Раскрывается его вклад в осмысление российской общественной жизни в XIX веке. Показывается актуальность его произведений для читателей разных поколений.

Ключевые слова: общественная жизнь в России, литература, ссылка, эмиграция, европейская революция.

A. M. Bajenov

Professor Russian Academy of Natural Sciences;
Assistant professor, Tula State University (Tula)

PORTRAIT OF ALEXANDER IVANOVICH HERZEN

The article analyzes the literary and social activities of the outstanding Russian writer and thinker A. I. Herzen. His contribution to the under-

standing of Russian public life in the XIX century is revealed. The relevance of his works for readers of different generations is shown.

Key words: social life in Russia, literature, exile, emigration, the European Revolution.

Александр Иванович Герцен (1812—1870) — русский революционер, мыслитель, писатель. Он воспитывался в дворянской семье, учился на физико-математическом факультете Московского университета в 1829—1833 годы, закончив его с серебряной медалью.

Московский университет занимал важное место в общественной жизни России. А. И. Герцен писал о значении университетского образования в развитии личности. Университет должен заниматься не столько научным воспитанием, сколько стремиться поставить человека на ноги, возбуждать вопросы и научить молодых людей спрашивать. А. И. Герцен писал после завершения учебы в университете: «Мне разом сделалось грустно и весело, выходя из-за университетских ворот, я чувствовал, что не так выхожу, как вчера, как всякий день; я отчуждался от университета, от этого общего родительского дома, в котором провел так юно — хорошо четыре года; а с другой стороны, меня тешило чувство признанного совершеннолетия, и отчего же не признаться, и название кандидата, полученное сразу» [1, с. 137].

Главным литературным трудом А. И. Герцена является произведение «Былое и думы», которое автор создавал на протяжении шестнадцати лет — с 1852 по 1868 год. Эта книга является энциклопедией русской жизни. В ней А. И. Герцен анализирует разные области общественной жизни России.

А. И. Герцен обращается к истории Отечественной войны 1812 года. Он отмечает большой духовный подъем наших соотечественников в этот период: «Война 1812 года сильно потрясла умы в России, долго после освобождения Москвы не могли устояться волнующиеся мысли и нервное раздражение. События вне России, взятие Парижа, история Ста дней, ожидания, слухи, Ватерлоо, Наполеон, плывущий за океан, траур по убитым родственникам, страх за живых, возвращающиеся вой-

ска, ратники, идущие домой, — все это сильно действовало на самые грубые натуры» [2, с. 241].

Значительное место в анализе общественной жизни России в творчестве А. И. Герцена занимает характеристика русского чиновничества. Он справедливо отмечает, что чиновничество в России составляет особый слой. А. И. Герцен пишет: «Один из самых печальных результатов петровского переворота — это развитие чиновнического сословия. Класс искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать, кроме «служения», ничего не знающий, кроме канцелярских форм; он составляет какое-то гражданское духовенство, священнодействующее в судах и полициях и сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых» [3, с. 218].

В романе «Кто виноват?» писатель воссоздает коллективный портрет чиновничества. Главный герой произведения Владимир Петрович Бельтов находит те слова и краски, которые помогают лучше представить образ российского чиновника. Находясь в городе NN и общаясь с разными персонажами, он приходит к выводу: «все они слились в одно фантастическое лицо какого-то колоссального чиновника, насупившего брови, неречистого, уклончивого, но который постоит за себя. Бельтов увидел, что ему не совладать с этим Голиафом и что его не только не собьешь с ног обыкновенной пращей, но и гранитным утесом, стоящим под монументом Петра I» [4, с. 133].

Отдельным сюжетом общественной жизни России в сочинении А. И. Герцена является пенитенциарная система. Писатель знал об этой системе не понаслышке. А. И. Герцен пробыл 9 месяцев в тюрьме и 5 лет в ссылке — Перми, Вятке, Владимире и Новгороде. Автор сочинения «Былое и думы» отмечает: «Чтоб знать, что такое русская тюрьма, русский суд и полиция, для этого надобно быть мужиком, дворовым мастеровым или мещанином. Политических арестантов, которые большею частью принадлежат к дворянству, содержат строго, наказывают свирепо, но их судьба не идет ни в какое сравнение с судьбою бедных бородачей. С этими полиция не церемонится. К кому

мужик или мастеровой пойдет потом жаловаться, где найдет суд?» [5, 170].

Особой темой общественной жизни России для А. И. Герцена была политическая власть императора Николая I (1796—1855). Николаевское время было временем нравственного душегубства, оно убивало не одними рудниками и белыми ремнями, а своей удушающей, понижающей атмосферой, своими, так сказать, отрицательными ударами. Подтверждением этого умозаключения может быть запись в дневнике управляющего III отделением Л. В. Дубельта (1792—1862) о А. И. Герцене. Дубельт записал в гневе, что не знает в своих обширных лесах, пожалованных ему государем императором, такого «гадкого дерева», на котором затруднился бы повесить «этого мерзавца» [9, с. 19].

Из-за критики самодержавия А. И. Герценом российское правительство намеревалось лишить писателя наследственного имущества. А. И. Герцену оказал помощь известный банкир Джеймс Ротшильд.

На нравственный выбор писателя повлияли восстание декабристов и казнь пятерых руководителей. А. И. Герцен отмечал: «После декабристов все попытки основывать общества не удавались действительно; бедность сил, неясность целей указывали на необходимость другой работы — предварительной, внутренней. Все это так... Гибли молодые люди иной раз, но они гибли не только не мешая работе мысли, разъяснявшей себе сфинксовую задачу русской жизни, но оправдывая ее упования» [6, с. 133].

Эта тема нашла отражение в целом ряде философских и художественных произведений А. И. Герцена. Речь идет о таких сочинениях, как «Письма об изучении природы», «Дилетантизм в науке». «Кто виноват?», «Сорока-воровка». «Доктор Крупов», «Поврежденный».

А. И. Герцен вместе со своими друзьями освоил идеи немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770—1831) и французского социалиста Анри де Сен-Симона (1760—1825).

А. И. Герцен пережил страшные трагические периоды: гибель своей матери Луизы Ивановны Гааг, восьмилетнего сына

Коли, его учителя во время кораблекрушения в Средиземном море и смерть своей жены Натальи Александровны Герцен.

А. И. Герцен принял близко к сердцу все, что было связано с революцией 1848 года во Франции и ее поражением. Он покинул Россию 21 января 1847 года.

Впоследствии он писал: «С тех пор прошли семь лет, *и какие семь лет!* В их числе 1848 и 1852.

Чего и чего не было в это время, и все рухнуло — общее и частное, европейская революция и домашний кров, свобода мира и личное счастье» [7, с. 556].

А. И. Герцен остался верен до конца своей жизни клятве, которую он принял вместе со своим другом Николаем Платоновичем Огаревым (1813—1877) на Воробьевых горах в Москве примерно в 1827 году. Н.П. Огарев посвятил стихотворение своему другу [9, с. 23].

Другу Герцену
Прими, товарищ добрый мой,
Души мечтающей признанья,
С тобой связал я жребий свой,
Мои — и радость и страданья.
Друг! все мое найдешь здесь ты,
И к миру лучшему стремленья,
О небе сладкие мечты
И на земле — разуверенья.

Близкими друзьями А. И. Герцена были Бакунин М. А. (1814—1876), Белинский В. Г. (1811—1848), Грановский Т. Н. (1813—1855), Кавелин К. Д. (1818—1885) и другие. А. И. Герцен дружил со многими эмигрантами, которые находились в Париже, Лондоне и Женеве.

По признанию самого А. И. Герцена, на его самосознание сильно повлияли произведения немецкого поэта и драматурга Фридриха Шиллера (1759—1805). А. И. Герцен в «Былых и думмах» упоминает о том, что он пишет статью о Валленштейне. Но в архиве писателя такая статья не нашлась. Альбрехт Валленштейн (1583—1634) был полководцем во время Тридцатилетней войны в Европе (1618—1648). По подозрению в сотру-

ничестве с неприятелем император отстранил Валленштейна от командования войсками, а потом офицеры его убили.

Ф. Шиллер посвятил Валленштейну две пьесы «Лагерь Валленштейна» и «Смерть Валленштейна» [10].

А. И. Герцен задолго до своей кончины пытался осмыслить жизненный путь и подвести итоги. Вот его дневниковая запись 4 апреля 1842 года: «... Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? а между тем наши страдания — почки, из которых разовьется их счастье. Поймут ли они, отчего мы, лентяи, ищем всяких наслаждений, пьем вино и прочее? Отчего руки не поднимаются на большой труд, отчего в минуту восторга не забываем тоски? Пусть же они останутся с мыслью и грустью перед камнями, под которыми мы уснем: мы заслужили их грусть!» [8, с. 404].

Неравнодушный читатель этих строк почувствует боль из-за перенесенных страданий А. И. Герценом и его современниками.

А. И. Герцен совместно с Н. П. Огаревым издавал в Вольной русской типографии газету «Колокол» с 1 июля 1857 до 1 июля 1867 года, сначала в Лондоне, потом в Женеве на русском и французском языках. Они совместно издавали литературный и общественно-политический альманах «Полярная звезда» в течение 1855—1868 годов. Альманах печатался один раз в год.

Таким образом, с помощью разных литературных источников можно воссоздать портрет замечательного русского писателя, революционера, мыслителя Александра Ивановича Герцена. А. И. Герцен был незаурядной личностью, он горячо любил Россию и мечтал о том, что она будет свободной и демократической страной. Думается, его произведения, в первую очередь «Былое и думы», являются источником для духовного обогащения российских граждан. Кроме того, это сочинение можно назвать энциклопедией русской и зарубежной жизни.

Библиографический список

1. *Герцен А. И.* Былое и думы. Части 1—5. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73. М.: Художественная литература, 1969. С. 137.
2. *Герцен А. И.* Былое и думы. Части 1—5. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73. М.: Художественная литература, 1969. С. 241.
3. *Герцен А. И.* Былое и думы. Части 1—5. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73. М.: Художественная литература, 1969. С. 218.
4. *Герцен А. И.* Кто виноват? // А. И. Герцен. Кто виноват? Роман; Повести. Рассказы. М.: Худож. лит., 1979. С. 133.
5. *Герцен А. И.* Былое и думы. Части 1—5. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73. М.: Художественная литература, 1969. С. 170.
6. *Герцен А. И.* Былое и думы. Части 1—5. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73. М.: Художественная литература, 1969. С. 133.
7. *Герцен А. И.* Былое и думы. Части 1—5. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73. М.: Художественная литература, 1969. С. 556.
8. *Герцен А. И.* Былое и думы. Части 1—5. Библиотека Всемирной литературы. Серия вторая. Том 73. М.: Художественная литература, 1969. С. 404.
9. *Левандовский А. А.* Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 19.
10. *Огарев Н. П.* Избранное. М.: Худож. лит., 1977. С. 23.
11. *Шиллер Ф.* Драмы. Стихотворения. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 64. М.: Художественная литература, 1975.

К. Е. Балдин

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
И ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА ПО МАТЕРИАЛАМ
ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ДОКТОРА А. В. ЕЛИСЕЕВА (1880-е гг.)**

В статье анализируются мемуары известного русского путешественника А. В. Елисеева, по которым можно проследить процесс формирования патриотических чувств в ходе общения россиян с жителями стран Восточного Средиземноморья.

Ключевые слова: Ближний Восток, православные паломники, русско-турецкая война 1877—78 гг., политика Англии в Египте в XIX в., А. В. Елисеев, иноземная среда и русская идентичность.

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Ивановского государственного университета в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» FZZM-2025-0001.

К. Е. Baldin

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

**FOREIGN TRAVELS AND THE FORMATION OF PATRIOTISM
(BASED ON THE TRAVEL NOTES OF DR. A. V. ELISEEV (1880s))**

The article analyzes the memoirs of the famous Russian traveler A. V. Eliseev, which can be used to trace the process of formation of patriotic feelings during communication between Russians and residents of the Eastern Mediterranean countries.

Key words: The Middle East, Orthodox pilgrims, the Russo-Turkish war of 1877—78, British policy in Egypt in the 19th century, A. V. Eliseev, foreign surroundings and Russian identity.

The research was carried out in accordance with the state assignment of Ivanovo State University within the framework of the Program of Fundamental scientific research in the direction "Russia and the Middle East: historical, political and cultural interrelations" of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the International Public Organization "Imperial Orthodox Palestine Society" (IOPS) FZZM-2025-0001.

Одним из российских путешественников, хорошо известных на рубеже XIX—XX в. являлся Александр Васильевич Елисеев. К сожалению, современная читающая публика мало знает о нем, т. к. его описания его странствий по миру долгое время не издавались и его вклад в географическую и этнографическую науку оказался заслоненным более масштабными фигурами Семенова-Тян-Шанского, Пржевальского, Миклухо-Маклая и др. Между тем, его современники, жившие более сотни лет назад, хорошо знали его, зачитывались его занимательно написанными книгами, которые не раз издавались в то время.

А. В. Елисеев родился в 1858 г., окончил Петербургскую медико-хирургическую академию, работал военным врачом. С начала 1880-х гг. он постоянно путешествовал по Северной Европе, Ближнему и Среднему Востоку, Японии, странам Африки и др. [1, с. 190]. Сначала он публиковал очерки о своих путешествиях в различных российских периодических изданиях, в дальнейшем они были собраны в четырех объемистых томах под общим названием «По белу-свету».

Нами из этого издания были использованы те главы, которые были посвящены путешествиям А. В. Елисеева по Египту, Синаю и Палестине в 1881 и 1883 гг. Также привлечены материалы из еще одной его книги, посвященной путешествию в Святую Землю в 1884 г. вместе с отечественными православными паломниками, ехавшими поклониться святыням вселенского христианства [4].

Как отмечал Елисеев, конструирование национальной идентичности россиян и одновременно формирование их пат-

риотических чувств, начиналось сразу после того, как отправлявшиеся за рубеж православные паломники или туристы вступали на палубу парохода, отправлявшегося из Одессы в Константинополь, а оттуда в Александрию (Египет) или Яффу (Палестина). Это объяснялось тем, что курсировавшие на этих маршрутах суда были русскими и они принадлежали самой известной в России морской коммерческой компании — Русскому обществу Пароходства и Торговли (РОПИТ). Автор рассматриваемых нами путевых записок отмечает, что простого паломника-крестьянина было очень важным то, что он, оказавшись за пределами России, находился в пространстве, «где вся прислуга русская, где слышится русская команда и речь...Пароход для него кажется родним, он не пугается его, а сродняется скоро». Хотя на судно по дороге подсаживались турки, греки, арабы, но это нисколько не смущало русских, т. к. они чувствовали себя на родной территории [4, с. 50].

Более того, русские испытывали гордость за то, что они ехали именно на российском, а не иностранном пароходе и что он нисколько не хуже чужеземных судов. Все это порождало в паломниках вполне естественные чувства гордости за свою родину. Отечественные суда, на которых путешествовали наши паломники, играли очень важную психологическую роль, о которой Елисеев писал: «Чувствуя под собой русскую почву, он скоро привыкает ко всему этому, и самые первые трудные шаги в чужой стране туретчине (Османской империи, которой принадлежали не только Константинополь, но и Египет, Палестина. — К. Б.) ему уже облегчены. В этом заключается великое значение для нашего поклонника пребывания на русском пароходе». В связи с этим наши земляки очень неохотно и только в случае в случае крайней нужды пересаживались, скажем, на австрийские или итальянские суда, которые также регулярно курсировали в бассейне Средиземного моря [4, с.51].

Первая стоянка русских пароходов, перевозивших паломников, происходила в Константинополе. Не только образованные туристы, но и рядовые паломники из простонародья, знали, что Турция являлась историческим противником России, тем

более, что очередная война в ней в 1877—78 гг. произошла за несколько лет до того, как Елисеев предпринял свои путешествия на Восток. Россияне, сходявшие на берег, ожидали, что здесь им придется столкнуться с неприязнью местного населения. Настоящим открытием, по словам Елисеева становилось то, что «...в настоящее время скорее приятно, чем обидно быть русским на Востоке» [4, с. 66].

В подтверждение этого он приводит частную и, на первый взгляд далеко не значимую ситуацию. Ему надо было попасть в Галату — район в европейской части турецкой столицы. Он обращался в нескольким туркам, которые, узнав, что он «москов», затем любезно указывали ему направление. Более того, один «эфенди», т. е. человек явно не простого происхождения взял Елисеева под руку и «вел в продолжении получаса, пока не вывел к самой Галате». Более того — от денежного вознаграждения он с обидой отказался, эфенди объяснил свой мотив понятными для россиянина словами: «москов — хо-рош братушка» [4, с. 69].

Позже, путем расспросов и собственных размышлений автор нашел причину такой резкой перемены отношения турок к русским. Он объяснял это так: «...примерное великодушие русских, стоявших у ворот Константинополя и не воспользовавшихся легкой добычей, примерное поведение массы русских воинов в турецкой столице и ... прием сотен тысяч турецких пленных в России принесли огромную пользу русским, путешествующим ныне по турецкой империи» [4, с. 66]. Такие резкие изменения в межнациональных отношениях наполнили автора чувством гордости не только за силу, но и за великодушие России и россиян.

Причем эти изменения отчетливо чувствовались не только в Константинополе, но и в других частях обширной Османской империи, в частности — в Египте. В поезде, направлявшемся из Александрии в Каир, автор со своими спутниками познакомился египетским полковником Ахмед-беем, который сразу признал в них русских и поведал о своих симпатиях к России, возникших после полуторагодового пребывания в плену, в который он по-

пал в ходе русско-турецкой войны 1877—78 гг. Офицер пригласил россиян к себе поместье, расположенное около Каира: Как рассказывал в своей книге А. В. Елисеев, они провели вечер в его кампании, под пение цикад и египетского соловья, благодаря хозяину познакомились с тонкостями египетской кухни. На следующий день он устроил для своих почетных гостей экскурсию по египетским древностям, которые находились по соседству [2, с. 145—146].

Аналогичные события и впечатления продолжались на следующий день. Когда россияне отправились осматривать развалины древнеегипетского города Гелиополиса, на пути им встретились несколько египетских батальонов. Некоторые офицеры и солдаты узнали в них русских, подошли, выразили свое удовольствие от встречи и произносили несколько известных им русских слов. Это были опять-таки военные, «побывавшие в плену в России и вынесшие оттуда самые приятные воспоминания о русском гостеприимстве» [2, с. 166]. Очень интересно в этом контексте упоминание о «приятных воспоминаниях» (!) арабов-египтян о пребывании в плену. Очевидно, русский плен вызвал у них больше позитивных эмоций, чем турецкая военная служба.

Особенно наглядно это отношение египтян к русским проявилось после варварской бомбардировки Александрии английским флотом в 1882 году. Сразу после этого вспыхнуло массовое возмущение арабов варварскими действиями англичан, восстание было направлено и против европейцев в целом. Сам Елисеев этих событий не застал, но он передает их со слов своего знакомого-украинца, фамилия которого зашифрована в тексте как «Ф-ко». Он давно жил в этом городе и был свидетелем возмущения простолюдинов: «..когда бедуины и египетская чернь во время бомбардировки Александрии избивали европейцев, одно слово «я — москов» спасало русских от общей участи. С помощью этого магического слова Ф-ко спасал неоднократно жизнь и себе, и своим соотечественникам, и даже иностранцам, прибегавшим под его защиту» [3, с. 99].

Для убедительности автор привел еще два отзыва побывавших в нашем плену египетских офицеров, сравнивавших россиян с другими европейцами. Капитан египетских войск, смешивая в разговоре несколько языков, так сравнивал о представителях нескольких национальностей: «Франсови — тьфу, инкилиз — тьфу, москови — якши, таиб, буон, карош». Другой бывший пленный офицер из Египта был еще лучшего мнения обо всем русском: «Москов хорош, москов султан хорош, москов деньги хорош, москов джай (чай) хорош, все москов хорош, а турецкий султан нет хорош» [4, с. 66].

Автору приходилось не раз самому сталкиваться с англичанами в Египте и сравнение с ними всегда было не в пользу этих иноземцев. Колоритно выглядит эпизод, когда около развалин древнего города Таниса рядом друг с другом расположились двое небогатых молодых русских, одни из которых был Елисеев, и целый караван «инглезов». Какой-то важный англичанин прибыл сюда вместе со своей семьей. Впереди его конного каравана скакали несколько охранников, а в арьергарде следовал драгоман (переводчик и гид в одном лице), а также повар и несколько слуг. В распоряжении англичан были не только палатки, но и целая кухня. Для сравнения — двое русских пришли сюда просто пешком.

Вечером сюда пришла большая толпа арабов с музыкой, они рассчитывали получить за свой концерт какую-то плату. Нельзя сказать, что музыка с национальным колоритом очень понравилась двум «московам», но они честно заплатили полтора франка, большего они позволить себе не могли. Когда музыканты обратились к англичанам, то по их приказу охранники прогнали египтян нагайками. Автор заканчивает этот эпизод словами: «Из этого сопоставления приемов как музыканты, так и другие, окружавшие нас арабы немедленно вывели благоприятное для нас заключение, что два молодых “уруса” лучше, чем весь караван “инглези”» [2, с. 184].

Похожая ситуация произошла и в Палестине, где во время путешествия по Галилее Елисеев со спутниками зашли к контролю к каймакаму — местному чиновнику для того, чтобы найти

подходящее место для ночлега своего небольшого каравана. В конторе сначала из встретили не очень гостеприимно. Араб-проводник русских путешественников был остановлен солдатами, которые ударили и толкнули его. Но когда солдаты увидели идущих за ним европейцев, они утихомирились и вступили в переговоры. Когда турки узнали, что к ним прибыли «знатные москowsы» с письмом к каймакаму, «то обращение всех окружающих переменялось самым волшебным образом». К русским вышел сам каймакам, пригласил их зайти к себе в контору, угостил кофе и организовал им ночлег. Затем этот турецкий офицер, украшенный орденами, поднес каждому из русских путешественников...по букету роз, а затем хлопотал у костра, где готовился ужин для них. Правда, как оказалось впоследствии, в отличие от более искренних египтян, выражавших свои симпатии, не рассчитывая на материальные выгоды, турецкий каймакам, в значительной степени надеялся на бакшиш (на Востоке — нечто среднее между подарком, милостыней и взяткой) от русских, который и получил в виде некой суммы денег [3, с. 331—332].

Сказанное нами об отношении «ориенталов» (слово, которое А. В. Елисеев употребляет для обозначения жителей Востока) к России и русским относилось, судя по текстам Елисеева, не только к Египту и Палестине. Автор путевых записок небезосновательно утверждает: «Добрый отзыв о русских я слышал и от феллаха Нильских порогов, и от диких бедуинов Синайского полуострова, которым нечего было мне льстить, когда я находился в их руках, и от араба Туниса и Алжира, куда прошло доброе русское имя, не говоря уже о Сирии и Палестине...» [4, с. 66].

Патриотические чувства автор испытывал и при встрече с россиянами-мусульманами, которые отправлялись в паломничестве в святые для них места на Аравийском полуострове. Он плыл по Красному морю на пароходе вместе с нашими подданными из Средней Азии, только что присоединенной к России. Капитан итальянского парохода, понимавший несколько восточных языков, обратил внимание Елисеева как русского на то,

что они во время намаза молились за русского императора, постоянно повторяя имя «Искандер» (Александр) и его титул «падишаха». Эти молитвы за царя, произносимые сравнительно недавними нашими подданными, произвели большое впечатление на Елисеева и на итальянского капитана: «Дай Бог, проговорил он, — чтобы у короля Италии были такие верно-подданные в самом Неаполе и Риме! Счастлив Русский Царь, имеющих таких подданных! Честь и слава России, покорившей самые сердца своих новых, полудиких подданных Туркестана!» [3, с. 177—178].

Подводя итоги, следует констатировать, что в путевых записках А. В. Елисеева получила свое отражение иноземная среда, в которой на протяжении довольно долгого времени он находился во время своих путешествий. В этих условиях, с одной стороны, он пытался обрести в окружающей среде свою российскую идентичность, а, с другой стороны, стремился сам ее ментально сконструировать. В иноземной среде при определенном настрое могло возникать у россиянина, оказавшегося на чужбине, чувство гордости за родину, формироваться его патриотическое мировоззрение.

Библиографический список

1. Большая Энциклопедия / ред. С. Н. Южаков. СПб., 1902. Т. 9. 795 с.
2. Елисеев А. В. По белу свету. СПб., 1915. Т. 1. 361 с.
3. Елисеев А. В. По белу-свету. СПб., 1904. Т. II. 360 с.
4. Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весною 1884 года. Очерки, заметки и наблюдения. СПб., 1885. 365 с.

Н. П. Крохина

профессор, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (Шуя)

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА — ПО РОМАНАМ ЮРИЯ КОЗЛОВА

Анализируются романы «СВОбоДА» (1913) и «Слепой трамвай» (2023). *Интеллигенция* – это коллективное сознание, которое должно управлять страной, идеологический мост между властью и народом, движущий страну вперёд и отсутствующий в современной России.

Ключевые слова: человек и история, народ и власть, мифология воды, *интеллигенция*, русская идея, слепой трамвай.

N. P. Krokhina

Professor, Shuisky Branch of Ivanovo State University (Shuya)

CHALLENGES OF THE MODERN WORLD — BASED ON THE NOVELS BY YURI KOZLOV

The novels «Freedom» (1913) and «The Blind Tram» (2023) are analyzed. The intelligentsia is a collective consciousness that should govern the country, an ideological bridge between the government and the people, moving the country forward and absent in modern Russia.

Key words: Man and history, people and power, the mythologeme of water, the intelligentsia, the Russian idea, the blind tram.

Юрий Козлов (р. 1953) — мастер интеллектуального романа, важнейшая черта которого – двуплановость: событийный план дополняют размышления героев, воплощающие «переход индивидуального бессознательного в коллективное сознательное, которое... должно управлять страной» [2, с. 68]. Так строится роман «СВОбоДА» (1913), в котором автор обращается к двум главным проблемам современной России — коррупция и

неравенство. История парадоксальна. По словам одного из героев романа «Реформатор» (2002), «когда-то мне казалось, что коммунизм — это зло. А сейчас я думаю, что то, что вместо него — еще большее зло» [1, с. 401]. Эта мысль реализуется в романе «СВОбоДА». Человек и история, народ и власть, противоречия между ними — главная тема романов Ю. Козлова. Современная власть уподоблена законам «перевёрнутых пирамид», которые «воткнуты остриём в тело народов. На вершинах пирамид засели сверхуспешные и сверхбогатые ублюдки — лидеры государств, международные чиновники, невидимая финансовая сволочь, позорные олигархи». Они ничего не собираются давать своим народам. Но «едва ли в мире существовало что-то более устойчивое, чем перевёрнутая пирамида», с вершины которой «добровольно никто не уходит» [2, с. 34—35]. «Народ во все времена брал пример с власти, безошибочно распознавая её скрытые намерения и тайные мотивации. Если цари непрестанно молились, просили Господа простить и сохранить Россию, то и народ в отпущенных ему пределах понимания религиозных истин был «богоносцем». Если власть воровала, строила себе особняки, имела на счетах миллиарды, то и народ не рвался добывать хлеб «в поте лица своего», честно трудиться, предпочитая воровать, бездельничать, спиваться, решать насущные проблемы за взятки». В современной России «народ и власть конкурировали в воровстве» [2, с. 14—15]. *«Социализм был плох, но давал жить офицерам, медсёстрам, шахтёрам и прочему трудовому люду». Теперь же они «преданы и обмануты»* [2, с. 42]. *«Деревня была безлюдна, как после нашествия Батыя»* [2, с. 19]. *Власти не на кого опереться, кроме жуликов и воров. «Егоров считал, что утвердившийся после СССР в России порядок, как Вавилонская башня или Карфаген должен быть разрушен»* [2, с. 54] — *по причине своей несправедливости: «Россией правили люди, которые не хотели ничего, кроме денег»* [2, с. 67]. «Существующая модель развития исчерпана... Бесконечное потребление при конечной жизни — абсурд» [2, с. 197]. Поэтому «президент всерьёз подумывал о том, чтобы отцепить вагон России от несущегося на всех парах в пропасть экспресса

мировой финансово-капиталистической цивилизации» [2, с. 214]. Разрушение существующего порядка происходит в конце романа по закону альтернативной истории.

Есть в романе стилистика магического реализма: ирреальное становится реальным. Главной мифологемой романа является вода: вода жизни, ледяная вода истории. «Разные воды текли сквозь мир, и у каждого человека была своя вода»: «денежная вода», «вода власти». «Мир на девяносто процентов состоял из воды» [2, с. 99—100]. Вода была материалом, из которого Бог создал мир. «Невидимая рука рынка толкала мир в пропасть. Невидимая рука Бога придерживала на краю пропасти мир за шиворот, как неразумное дитя» [2, с. 98]. Мифологема воды связывается с истиной Христа: «Иисус Христос — Сын Божий, из начальных греческих букв этого словосочетания получается слово “рыба” — символ христианства. А где обитает рыба? В воде! Значит, нет истины вне Христа и вне воды!» [2, с. 201]. И потому компания по прокладке подземных водопроводно-канализационных коммуникаций под названием «Линия воды» осуществляет «Линию Бога». Власти «жуликов и воров» приходит конец [2, с. 169]. Во время торжественного открытия первого аква-комплекса социальной программы «Чистый город — чистые люди» свершилась «бескровная демократическая революция»: начинается ливень, президент со своим окружением спускается в аква-комплекс и растворяется в нём вместе с разбитым пультом, навсегда покидая Россию.

Ливень превращает святое слово «свобода» в слово «во...ода» [2, с. 287]. Эту трансформацию фиксирует название романа «SBOбoDA». Латинское S символизирует новый виток вестернизации постсоветского времени. «Свобода — это работа, хлеб и порядок», размышляет Вергильев [2, с. 117]. Но сегодня «отняли у народа работу, уничтожили промышленность в тысячах городов, повсеместно ликвидировали сельское хозяйство, превратили поля в плантации сорняков». Вместе с работой «отняли у народа мечту о свободе и обеспеченном будущем» [2, с. 114—115]. «Философский камень нашего времени — хаос» [2, с. 145].

Сложнее с «вирусом сталинизма», неуничтожимо засевшем в «коллективном бессознательном» народа и не поддающимся расшифровке. «В позднесоветские-раннероссийские времена, когда Сталина только-только разрешили ругать, девяносто процентов граждан относились к нему с отвращением и ненавистью. А после двадцати пяти лет непрерывного печатного и телевизионного поношения генералиссимуса ненависть и отвращение к нему испытывал лишь каждый десятый гражданин России. Девяносто процентов прочих граждан либо одобряли деятельность Сталина, либо угрюмо молчали, с ненавистью и отвращением глядя уже на задающих неуместные вопросы социологов» [2, с. 6—7]. «В тридцатые годы история печатала шапковаными подметками по хрустящим, как сухари, черепаам сквозь лес вскинутых в приветствиях рук. Время вождей, перекройки границ, великих и страшных свершений. У больших вождей не могло быть ничтожных врагов. Враг вождя — негатив его воли». Бывшим соратникам инкриминировались «библейские преступления» [2, с. 12]. «Причина величия Сталина, по мнению Егорова, заключалась в том, что он щедро тратил «расходный» — человеческий — материал на изготовление «долгоиграющих» конструкций. Построенные при Сталине заводы, фабрики, железные дороги, гидроэлектростанции, ядерные и ракетные производства оказались долговечнее ГУЛАГа. Новые поколения знали, при ком это все было создано, но уже забыли, точнее, не интересовались, какой ценой» [2, с. 151]. Сталин создал всё, что они — современные правители до сих пор не могут разворовать. Как размышляет дед Буцыло, «в России может быть только так: или тиран, которого большинство любит, меньшинство тайно ненавидит, но все боятся, а потому работают, делают свое дело, или все разваливается к чертям собачьим. Сталин из всех правителей России в двадцатом веке был единственным её модернизатором... Долго, естественно, в таком режиме существовать невозможно, но именно в такие периоды государство, выталкивая народ из теплого тупого созерцания на ледяные стройки новых реальностей, создает запас прочности, позволяющей ему продержаться некоторое время после смерти

диктатора. Или — до новой железной руки, или — до окончательного развала» [2, с. 76]. Потому «картина бытия была бесконечно далека от совершенства, и, надо думать, бесконечно печалила Господа, в отличие от насекомых-людей. Они видели всего лишь её отдельные фрагменты. Он вбирал взглядом всю, преисполненную торжествующего уродства, картину» [2, с. 97].

В романе немало авторской иронии: «Справедливый порядок в России был чем-то вроде мифологической птицы Гамаюн или Алконост...явление птицы народу до сих пор так и не состоялось» [2, с. 116]; «Сама Россия ничего не производила за исключением широчайших, как зевки...бесов из преисподней, труб для нефте- и газопроводов» [2, с. 126]. Есть в романе и резкая инвектива, обращённая к современной интеллигенции. Шеф говорит своему советнику Вергильеву, герою с «водевильной фамилией» [2, с. 178]: «Вы считаете, что Россия вязнет в неопределённости, как лошадь в болоте, но не помогаете ей вылезти, а стоите на кочке и тупо смотрите. Ходите на службу, которую презираете. Изобретаете проекты, в которые не верите. Люди без мнения. Лишние детали бюрократической машины» [2, с. 139]. Неопределённость в них самих: «и свидетельства чудовищных преступлений Сталина, и доказательства неоспоримого его величия вызывают у тебя одинаковые, точнее, тупиковые чувства. Из них ничего не может произрасти». В болоте увязла не лошадь, а «служивая и прочая интеллигенция. До тех пор, пока она будет пребывать в маразматическом ступоре, всё в России будет иметь единственное измерение — денежное!». Власть предоставлена сама себе, «власти не на кого опереться», кроме «жуликов и воров», о которых вопит народ» [2, с. 140].

Потому и образы главных героев-идеологов в романе снижены, местами комичны или пародийны. Первая фраза романа: «Множество раз Вергильев проигрывал в сознании, как произойдёт его увольнение с государственной службы» [2, с. 5] — реализуется в первой главе. Героя сокращают: преданный человек предан, но он ненавидел кормившую его власть. Врач-психиатр Егоров, работающий в частной клинике («проблемы

нищих российскую медицину не интересовали» [2, с. 44]), состоящий в сетевом сообществе БТ (Козлов — мастер словесной игры): «Без телевизора», «Большая тема», «Битва титанов», «Бей тараканов», «Бери своё» и другие переводы [2, с. 45—48, 225—228]. Его пациент, дед Буцыло — в советские времена «известный диссидент, неустрашимый борец с коммунизмом». Теперь он вернулся в общественную жизнь, «радикально изменив свои прежние взгляды», обличая современную российскую власть и народ, «продавший душу за деньги» [2, с. 49—50]. Комизм в том, что, как говорит Егоров (призванный «разить змея») «негоже поднимать хвост на власть, которая сделала его дочь богатой» [2, с. 52—53]. Егоров — «профессионал с повышенным уровнем цинизма», «не веривший в государство, власть, справедливость, закон, порядок и далее по списку» [2, с. 90]. Ещё в институте Егоров пришёл к мысли, что «врачи-психиатры рано или поздно разделяют судьбу своих пациентов, «становятся сумасшедшими. Ими же становятся и те, кто берётся разбираться в психологии масс, то есть философы, социологи и политологи» [2, с. 150]. Ему открывается «огромная фреска всеобщего сумасшествия, в которое, как кит в океан, был погружён мир». Егоров понял, что «мир сводит его с ума» [2, с. 242, 250].

Таким образом, интеллигенция — это коллективное сознание, которое должно управлять страной, идеологический мост между властью и народом, движущий страну вперёд и отсутствующий в современной России. Образы воды в романе символизируют изначальное и переходное состояние мира: «мир окончательно растлел и нуждается в решительном обновлении, как некогда чрез всемирный потоп» [2, с. 158]. Вода — «колыбель революции» [2, с. 110]. «Бескровной демократической революцией» завершается роман.

Темы продолжены в романе «Слепой трамвай» (2023). Аптека становится символом деградирующего времени. Искренние мысли главной героини как внутреннего философа выстраивают систему метафор, ассоциаций и мифологем на темы цивилизационного перехода, русской истории, русской идеи. «Сво-

бода — джокер в растрёпанной и засаленной колоде человеческого бытия. Он способен превратить любой выигрыш в проигрыш..., переформатировать саму игру, т. е. незаметно превратить победу в поражение, а жизнь игроков в смерть». Человек променял камень жизни, хлеба и веры на скользкую цифру. «Цифра — беззаконие, хаос и игра» [3, с. 454—455]. Сакрал власти остаётся, потому что и для Пети («известный политолог, социальный психолог, историк») и для Ангелины Иосифовны, главной героини романа, нутряного мыслителя «ненавидимая Западом Россия — последний приют христианской цивилизации. Только она способна обеспечить человечеству спокойную, мирную жизнь в новом без общественных, экономических, физиологических и прочих деформаций мире» [3, с. 486] — так фактически формулируется в романе русская идея. Но в русской истории есть и другой сакрал — «заархивированный в подсознании ужас монгольского, опричного, ленинского, сталинского террора», хотя «тайный коллективный идеал — царь Алексей Михайлович Тишайший или Брежнев» [3, с. 487—488]. И вера в справедливость русских писателей. «Россия отважно восстала против западного мира», как «судьбоносная, долженствующая указать человечеству новый путь титаническая борьба с отжившим мировым (западным) порядком». «Петя гнал по радиоволнам мысль, что это и есть начало долгожданного процесса возрождения через болезненное и жестокое иссечение зла в себе... Победим себя, выжжем гниль, и мир смирится с нашей победой!». А. И. сомневается: «А если за тридцать с лишним лет гниль до костей, что тогда?». Она вспоминает «другой, тоже русский, но не священный, а сатанинский, по мнению Пети, вихрь, разметавший СССР. Он швырнул Россию под ноги вора и негодяям. Они тридцать лет и три года топтали её, вытирали об неё ноги. Они и сейчас изо всех сил вредили, в основном из-за рубежа, но кое-кто затаился в высоких властных кабинетах» [3, с. 464—465]. Чудо власти может быть демоническим, античеловеческим. «Сброд тонкошеих вождей вокруг правителя — беда, болото». «Вознесённая во власть пустота» «возносится туда отцом лжи..., чтобы тормозить под видом решительного

действия исторический процесс, переименовать его сущность» [3, с. 518]. Потому «слепой трамвай» становится символом непредсказуемой русской истории, который «двигался по своему расписанию. Хотел — вперёд. Хотел — назад» [3, с/ 509]. При всей своей апокалиптичности роман обращён к возможности чуда спасения.

Библиографический список

1. *Козлов Ю. В.* Реформатор: Роман // Козлов Ю. В. Реформатор; Новый вор. Рыбинск: Медиарост, 2023. С 5—423.
2. *Козлов Ю. В.* СВОбоДА: Роман. М.: ОЛМА Медиа групп, 2013. 304 с.
3. *Козлов Ю. В.* Слепой трамвай: Роман // Козлов Ю. В. Одиночество вещей; Слепой трамвай. Рыбинск: Медиарост, 2023. С. 329—576.

УДК 103.2+124+801.73

Макарий (М. С. Маркиш)

иеромонах, Иваново-Вознесенская епархия Русской
Православной Церкви (Иваново)

СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В ЭПИЛОГЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье рассмотрено стихотворение В. Ф. Ходасевича «Баллада» (второе под этим заглавием), в котором случайная встреча с инвалидом войны подводит итог эпохе Серебряного века в русской культуре и мысли.

Ключевые слова: Владислав Ходасевич, «Баллада», война, Серебряный век, Россия, интеллигенция.

Makarios (M. S. Markish)

Priest-monk, Ivanovo-Voznrsensk Diocese, Russian Orthodox Church
(Ivanovo)

A GREAT WAR VET IN THE CLOSING CHAPTER OF THE RUSSIAN SILVER AGE

A poem by Vladislav Khodassevitch, the second one under the title *A Ballade*, presenting an occasional encounter with a WWI veteran, drawing the bottom line under the era of the Russian Silver Age, is the subject matter of this article.

Key words: Vladislav Khodassevitch, «A Ballade», war, Silver Age, Russia, intelligentsia.

*«Во время войны все прекрасное и благородное выступает вперед,
а все дурное и уродливое срывает с себя маску».*
(Франсуа Рабле)

В наблюдении великого писателя и гуманиста, вынесенном в эпитафию, могут увидеть апологию войны и возразить, что доживи Рабле до XX столетия, он такого бы никогда не высказал. Не будем спорить, но приглядимся к самому тезису: как «*выступить вперед*», так и «*сорвать с себя маску*», предполагает раскрытие некоей дотоле скрытой истины, прояснение некоей дотоле замаскированной реальности.

Тем самым, хотя война без сомнений остается делом злым и нежелательным, приведенная апофтегма несет ясный сигнал: какова бы ни была нравственная оценка того и другого противника, война может раскрыть нам глаза на нечто весьма важное.

Нет резона давать XX веку особый статус: он лишь акцентировал известные прежде факты. «Письма из преисподней», написанные во время Второй Мировой войны, от лица старого, опытного беса дают отрезвляющую оценку событий: «На войне многое никак не в нашу пользу... Сплошь и рядом Он [Бог] принимает к Себе тех, кто жертвует собой ради дела, которое Он Сам не одобряет: якобы выше головы не прыгнешь... И насколько бедственна для нас непрестанная память о смерти, ко-

торуую несет война! Наше превосходное оружие – беззаботная привязанность к земному — теряет убойную силу. Даже такое ничтожество, как человек, не поверит во время войны, что будет вечно жить на земле» [4]

Созвучный голос мы слышим с другого края континента:
«Свет пройди, — нигде не сыщешь,
Не случилось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне» [10]

* * *

Куда более, чем война, российский Серебряный век остается предметом разногласий, а то и столкновений в среде русской интеллигенции, когда-то за рубежом, а ныне и на родной почве. Останавливаться на них нет возможности, так что вспомним пророческий голос, современный едва ли не царю Соломону, который первым и открыл нечто о людях Серебряного века:

«Сотню годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А наконец, возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью: ибо от гордости дикой не в силах
Были они воздержаться...» [2]

Правильно ли будет видеть в *неразумии, детских забавах, глупости и дикой гордости* ведущие черты российского Серебряного века? — Думаю, этим никого не удивишь; из подтверждений тому можно было бы составить пухлый цитатник. В отличие от классиков, интеллигентные современники склонялись к эвфемизмам: «Накануне Великой войны все мы жили кризисами религиозного, политического и эстетически-эротического сознания. В эпохе было много беспредметной проповеди, артистической позы и эротического снобизма... Нельзя не уделить особого внимания тому хаосу и распаду, что господствовали у нас в сфере любви и семьи» [8; 9]. Да вот беда: все эти качества препятствуют разумному знакомству с той эпохой!

В таких условиях, в качестве полезного инструмента исследования выступает литература и в особенности поэзия — тем более что именно с литературы пошло в ход понятие «Серебряный век» в XIX столетии, позже вобравшее в себя и другие сферы бытия. Пушкин заметил: «...Поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель её одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны» [6].

По этой причине давайте обратимся к поэтическому наследию одного из *истинных поэтов* той эпохи, и к тому же «одному из самых совестливых» [3].

* * *

Дело было летом 1925 года в Париже, куда прибыл Владислав Ходасевич, бросив жену в Советской России и уехав с любовницей за рубеж. Случайная встреча порождает шедевр под названием «Баллада» (второе стихотворение автора под этим заглавием) [11]:

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.
Мне лиру ангел подает,
Мне мир прозрачен, как стекло, —
А он сейчас разинет рот
Над идиотствами Шарло.
За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком
Беззлобный, смирный человек
С опустошенным рукавом?

Коль скоро мир прозрачен автору как стекло, без детских забав и глупости, попросим его подсказать, почему этот незнакомец вызывает у него порыв сойти с ума. Не в том ли дело, что

для профанов жизнь ограничена «идиотствами Шарло» (Чарли Чаплина), а «мудрецу и поэту, хранителю тайны и веры» [1], служат ангелы где-то на Парнасе и Олимпе?

Или нет? Или за серебристым холстом экрана «беззлобному, смирному человеку» открывается *добрая реальность* этого недоброго мира, реальность, чуждая «артистической позы и эротического снобизма», реальность, за которую он был искалечен и едва не отдал жизнь в окопах Великой Войны? Читаем дальше:

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукий прочь из синема
Идет по улице домой.
Ременный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода
Взлетают в городскую высь.
Так с венецийских площадей
Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей.

Вот как вынужден обойтись поэт — *истинный и совестливый* — с подающими лиру ангелами, а заодно и с кумирами Серебряного века, начиная с того же Брюсова, которых он опрокинул и разнес в клочья в своем «Некрополе» [12]. Им не место при появлении человека без руки, тихо идущего с женою мимо веранды парижского кафе.

На тесном пространстве стихотворения в сорок четыре строки *шесть раз*, упорно, даже навязчиво, напоминает нам автор о фронтовом увечье своего антагониста; *четырежды* — о его жене, и *дважды* — о её беременности. Ничего удивительного: солдат-инвалид Великой Войны рядом с беременной женой молча свидетельствует о жертве *истинной* любви перед поэтом, которому «мир прозрачен, как стекло», и который в полном со-

ответствии с нравственными установками Серебряного века бросил жену на своей многострадальной Родине...

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу,
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:
— «Pardon, monsieur, когда в аду
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду,
А вы с супругою в раю
Спокойно будете витать,
Юдоль земную созерцать,
Напевы дивные внимать,
Крылами белыми сиять, —
Тогда с прохладнейших высот
Мне сбросьте перышко одно:
Пушай снежинкой упадет
На грудь спаленную оно».

Сюжет притчи о Богатом и Лазаре, *Лк.16:19—31*, появляется здесь словно против воли автора. Ему приходится пропустить её через мясорубку самоиронии: даже рифмовка, и та нарушена. Возникает «идиотство», совсем как у Шарло: кажется, напряженность предыдущих строк миновала... Но это лишь кажется: Автор — истинный и совестливый поэт — разогнал бичом своих бесплодных ангелов. Ангелы разлетелись, Серебряный век кончился и рассыпался в прах.

Стоит безрукий предо мной,
И улыбается слегка,
И удаляется с женой,
Не приподнявши котелка.

* * *

Один из самых мудрых зарубежных православных архиереев в середине прошлого столетия подводил такой итог ушедшей эпохе Серебряного века: «Несмотря на нестерпимую мучительность нашей современной жизни, у нас есть одно неоспоримое преимущество пред предыдущим поколением: мы можем смело смотреть вперед, нам не надо с ужасом и трепетом ожидать приближения бури: она уже пришла и проносится. Мы потеряли все, *нам терять уже нечего*. В этом наше преимущество и перед прежними поколениями, и перед прочими народами» [5].

С тех пор многое изменилось, и изменилось к лучшему: *нам снова есть, что терять*. Не наступить на те же грабли — задача, достойная русской интеллигенции.

Библиографический список

1. Брюсов В. Я. Собр. соч.: в 7 т. М.: Худож. литература, 1973. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. 1892—1909.
2. Гесиод. Труды и дни. М.: Ладомир, 1999.
3. Жирмунская Т. Владислав Ходасевич: «Звездой, сорвавшейся в ночи...» // Истина и жизнь. 2008. № 2—3.
4. Льюис К. С. Письма из преисподней, письмо № 5. URL: http://www.convent.mrezha.ru/_screwtape/screw5.htm (дата обращения: 15.03.2025).
5. Нафанаил (Львов), архиеп. Если бы не было революции... URL: http://www.convent.mrezha.ru/_xtra/nathanael.htm (дата обращения: 15.03.2025).
6. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. IV.
7. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: АСТ, 2025.
8. Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000.
9. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956.
10. Твардовский А. Т. Василий Тёркин. М.: АСТ, 2023
11. Ходасевич В. Ф. Баллада // Строфы века. Антология русской поэзии. Минск; М., 1995.
12. Ходасевич В. Ф. Некрополь. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому. М.: СС, 1996.

М. Н. Начапкин

доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург)

РОЛЬ АДМИРАЛА А. С. ШИШКОВА В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОБЕДЕ НАД НАПОЛЕОНОМ

Современная Россия в условиях войны Западом нуждается в продуманной информационной политике. Не последнюю роль в ее формировании может сыграть опыт организации патриотической пропаганды, агитации, предложенный во время Отечественной войны 1812 государственным секретарем адмиралом Александром Семеновичем Шишковым. Он был выдающимся представителем русского консерватизма первой четверти, защитником русского языка, культуры, сторонником национального русского воспитания молодежи. А. С. Пушкин называл его другом чести и другом народа, который покрыл себя славой за составление высочайших манифестов в грозу двенадцатого года. Написанные ясным, простым, доходчивым для каждого крестьянина, образным русским языком, эти манифесты пробудили русское патриотическое чувство, объединили все сословия, и сделали войну 1812 года Отечественной, поистине всенародной. Поэтому обращение к литературному наследию адмирала Шишкова, анализу его исторического и политического содержания является актуальным в современных условиях. В статье разобрано содержание отдельных манифестов, даны ссылки на современные публикации о роли адмирала Шишкова в победе над Наполеоном.

Ключевые слова: манифесты, консерватизм, пропаганда, информация, патриотизм, Россия, русский язык.

M. N. Nachapkin

Associate Professor, Russian State Vocational Pedagogical University
(Ekaterinburg)

THE ROLE OF ADMIRAL A. S. SHISHKOV IN THE INFORMATION VICTORY OVER NAPOLEON

Modern Russia in the conditions of war with the West needs a well-thought-out information policy. Not the least role in its formation can be played by the experience of organizing patriotic propaganda, agitation, proposed during the Patriotic War of 1812 by the Secretary of State Admiral Alexander Semenovich Shishkov. He was an outstanding representative of Russian conservatism of the first quarter, a defender of the Russian language, culture, a supporter of the national Russian education of youth. A. S. Pushkin called him a friend of honor and a friend of the people, who covered himself with glory for composing the highest manifestos in the storm of the twelfth year. Written in clear, simple, accessible for every peasant, figurative Russian language, these manifestos awakened the Russian patriotic feeling, united all classes, and made the war of 1812 Patriotic, truly national. Therefore, an appeal to the literary heritage of Admiral Shishkov, an analysis of its historical and political content is relevant in modern conditions. The article analyzes the content of individual manifestos and provides links to contemporary publications about the role of Admiral Shishkov in the victory over Napoleon.

Key words: manifestos, conservatism, propaganda, information, patriotism, Russia, Russian language.

Известный русский консерватор, адмирал Александр Семенович Шишков (1754—1841) родился в 1754 г. в Москве. Окончил Кронштадтский морской корпус. Шишков негативно оценивал нравственное состояние умов во Франции, служившей для прогрессивной российской общественности образцом, эталоном для языковых и политических преобразований. Просветительская идеология развращала людей еще задолго до Французской революции. Его, еще молодого моряка поразило, что во время морского похода 1776 года, при заходе в греческие порты, христианские часовни и храмы были испачканы надписями, сделанными на французском языке: «Мы видели несколько но-

вейших греческих часовен с написанными на стенах их изображениями святых и не могли подивить буйству и злочестию безбожных французов, которые, заходя иногда в сей порт, не оставили ни одной часовни без того, чтобы не обезобразить лиц святых и не начертать везде насмешливых и ругательных надписей.» [3, с. 51]. Саму революцию он назвал чудовищной. Французских руководителей он назвал «якобинской шайкой». В 1807 году А. С. Шишковым был создан кружок «Беседа». Адмирал Шишков был сторонник сохранения чистоты русского языка от иностранных заимствований: «Язык есть первейшее достоинство человека; следование своему языку есть первейшее достоинство народа. Где нет любви к своему языку, там все молчит, все вянет, подобно зеленому саду, теряющему листву. «Похвально знать чужие языки, но не похвально оставлять ради них собственный», сказал в заключение глава «Беседы»» [3, с. 57]. А. С. Шишков был по своим политическим взглядам убежденным консерватором, патриотом России, готовым за нее отдать жизнь. В 1811 году он прочитал в «Беседе» свое сочинение «Рассуждение о любви к Отечеству». Для нас это сочинение важно и интересно, так как написано в преддверии Отечественной войны 1812 года, в которой адмирал Шишков, будучи государственным секретарем и составителем высочайших манифестов о войне, сыграет огромную информационную, пропагандистскую роль, как выразителя русских традиционных ценностей. Без волнения, каждому патриоту России, невозможно читать слова Шишкова о родине, нашем отечестве. Он писал: «Что такое Отечество? Страна, где мы родились; колыбель, в которой мы возлелеяны; гнездо в котором согреты и воспитаны; воздух, котором дышали; земля, где лежат кости отцов наших, и куда мы сами ляжем. Какая душа дерзнет расторгнуть сии крепкие узы? Какое сердце может не чувствовать сего священного пламени? Патриотам Отечества он противопоставлял «граждан света», которые «исторгаясь от рода людей, причисляют себя сами к роду животных.»» [3, с. 59]. Адмирал Шишков отмечал необходимость русского национального образования и воспитания, критиковал галломанию. Он отмечал: «Воспитание должно быть

отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству... Он поведет меня по своим городам, путям, вертоградом, натвердит мне о своих забавах, играх, зрелищах, нарядах; распишет мне в воображении моем своими красками; обольстит, очарует понятие мое... Таким образом, даже нехотя, вложит в меня все свое, истребит во мне все мое, сближая меня со своими обычаями и нравами удалит от моих...» [3, с. 60].

Познакомившись с «Рассуждением о любви к Отечеству», Александр I решил назначить его на пост государственного секретаря, доверив ему, в годы Отечественной войны 1812 года составление патриотических манифестов. Историк В. К. Надлер сделал вывод, что уже с самого начала 1812 года Александр «...искал такого вполне русского человека, который мог бы занят при нем должность государственного секретаря в трудную пору, в виду предстоящей народной войны, который мог бы проникаться его возвышенными мыслями и чувствами, и выражать их в достойной и понятной для народа форме» [2, с. 49]. Хотя Александр I недолго любил адмирала Шишкова за его критику либеральных реформ, он, тем, не менее, не мог не учесть и его достоинства: «... он всецело стоял на почве своего народа, своей веры, и стоял крепко, непоколебимо там, где дело касалось его родины, его земляков, там он не знал страха человеческого..., там он мог говорить языком чудным, сильным, языком чисто русским» [2, с. 50]. Приведем содержание наиболее важнейших манифестов, наполненных благородным содержанием, народным и патриотическим духом. и ощутим дух этой прекрасной, героической эпохи. В манифестах, государь Александр I словами Александра Семеновича взывает к патриотическим чувствам различных сословий русского народа, призывает на помощь Господа Бога, грозит неприятелю полным истреблением, обещает не положить оружия до тех пор, пока, хоть один неприятель останется на территории России.

Уже в первом манифесте после начала войны от 13 июня 1812 г. из Вильно содержались следующие строки: «С сего не-

давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки Французского Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные... Французский Император, нападением на войска Наши при Ковно, открыл первый войну... не остается Нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника Правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы Наши против сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам, и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь Славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество и свободу. Я с вами! На зачинающего Бог! Александр» [5, с. 131]. Тогда же, 13 июня 1812 года Александр отправляет рескрипт фельдмаршалу графу Салтыкову. В нем он пишет, что нападение Наполеона стало возмездием за строгое соблюдение Россией условий мира: «Провидение благословит наше праведное дело. Оборона Отечества. Сохранение независимости и чести народной принудили Нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе не единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем. Пребываю к вам благосклонный Александр» [5, с. 132].

Еще в одном высочайшем манифесте, датированном 6 июля 1812 года. Александр, сравнивая нашествие Наполеона со Смутным временем начала XVII века, для которого также была характерна массовая иностранная интервенция, призывает различные сословия вспомнить своих героических предков. Александр призвал верных сынов России помочь армии, собрать новые силы, которые бы нанесли новый ужас врагу: «Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное Дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества! Святейший Синод и Духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ Русский!.. соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют» [5, с. 137].

Таким образом, уже тогда, двести с лишним лет назад, адмирал Шишков подчеркивал важную роль психологической,

пропагандистской войны. Страшно духовное пленение граждан чужой идеологией. Он был прав, утверждая, что когда враг идет на страну, он старается посеять в стане врага раздор, неуверенность, лишить граждан единодушия. Эти мысли адмирала Шишкова, как никогда, актуальны для современной России, отстаивающей свой суверенитет в сражении с коллективным Западом.

Библиографический список

1. *Крылов И.* Служу России. «Один в толпе вельмож он русских муз любил» // Свой. 2024. № 3.
2. *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. М.: Куликово поле, Русское императорское историческое общество. 2011. 1088 с.
3. *Овчинников Н. В.* Вдохновитель побед русского оружия. М.: ООО Луч, 2012. 288 с.
4. *Пичугин В.; Геня А.* «Он двигал духом России...» // Родина. 2025. № 1.
5. *Храм Христа Спасителя в Москве.* Комитет русской православной молодежи за границей. Нью-Йорк, США, 1986. 251 с.

УДК 130.3

В. П. Океанский

профессор, заведующий кафедрой, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (Шуя)

Ж. Л. Океанская

профессор, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (Иваново); Российский государственный социальный университет (Москва)

«МИРОВОЙ ОКЕАН ИСТОРИИ»: ОТЕЦ СЕРГИЙ БУЛГАКОВ ПРОТИВ АЛЬФРЕДА РОЗЕНБЕРГА

Метафизика Победы—80 ныне приоткрывает важнейшие смыслы, заложенные вовнутрь свершившейся мировой войны, которые бы-

ли уже очевидны наиболее проницательным её современникам. Авторы обращаются в этом отношении к позднему наследию крупнейшего отечественного мыслителя XX века. Статья служит продолжением многолетних разработок, означенных в списке.

Ключевые слова: расизм, антихристианство, миф, человекобожие, имманентизм, неоязычество, антисемитизм, еврейство, большевизм, руссификация, будущее.

V. P. Okeansky

Professor, Head of Department, Shuya Branch of Ivanovo State University (Shuya)

Zh. L. Okeanskaya

Professor, Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia; Russian State Social University (Moscow)

**"THE WORLD OCEAN OF HISTORY":
SERGIY BULGAKOV VS ALFRED ROSENBERG**

The metaphysics of Victory—80 now reveals the most important meanings embedded in the accomplished world War, which were already obvious to its most astute contemporaries. In this regard, the authors turn to the late legacy of the largest Russian thinker of the twentieth century. The article serves as a continuation of the long-term developments indicated in the list.

Key words: racism, anti-Christianity, myth, anthropotheism, immanentism, neo-Paganism, anti-Semitism, Jewry, Bolshevism, Russian studies, the future.

Труд отца Сергея Булгакова «Расизм и христианство» создавался им в Париже, осенью и зимой 1941—1942 годов, когда он интенсивно работал над своей последней книгой об Апокалипсисе, и явился пространным и обстоятельным критическим откликом на знаменитую книгу Альфреда Розенберга «Миф XX века», вышедшую в 1930 году и повлекшую за собою радикальный идейный и политический переворот в Германии. Отмечая наличие «литературного блеска и остроты» в этой книге (заметим, что Розенберг наследовал в данном качестве более

одарённому и сдержанному Хьюстону Чемберлену), Булгаков сразу же указывает, что розенберговский расизм есть особая «философия истории», согласно которой «должен быть отменен Ветхий Завет как религиозная книга» и в корне переосмыслена «личность Иисуса», который должен теперь предстать как «самосознающий господин»: «религия Иисуса должна быть исправлена и освобождена от проповеди смирения и любви к слабому» в пользу новой идеи «любви к чести» — это представит собою «германскую религию будущего», для которой характерно «новое чувство жизни нового времени». Интересно, что его «пророком» для Розенберга предстаёт Майстер Экхарт с пантеистическим «человекобожием» его мистики и «радикальным религиозным имманентизмом, соединяемым с отрицанием трансцендентных ценностей».

Типизируя этот опыт, отец Сергей указывает на такие его черты, как «болезнь интеллектуализма», «воинствующее человекобожие Фейербаха», «характерное для культурной философии расизма понятие мифа», «отрицание Библии», «чисто языческое отношение к миру», «воинствующий германизм» и подчёркнутый «антисемитизм» — всё это пронизано пафосом «актуального антихристианства» и «европейского неоязычества гуманизма», согласно которому «христианство устарело и умерло».

В качестве идейно-историософского и литературно-стилевого преемства, венчающего розенберговскую «философию расизма», который «с одинаковой энергией протестует против универсализма не только христианского, но и гуманистического», указывается другое знаменитое сочинение: «В книге Гитлера “Mein Kampf”, — отмечает Булгаков, — десятки интереснейших страниц посвящены как фактическому обоснованию, так и истории философии антисемитизма, соперничества германства с иудаизмом». Булгаков показывает, как с опорой на «миф крови», где «место духа занимает кровь», расисты рисуют «красочную картину истории земли и человечества, где кровь есть... абсолют». Существенно указание отца Сергея на ветхозаветные корни такой абсолютизации: «Основное учение имен-

но Ветхого Завета... созвучно идее расизма. Раса мыслится не просто как коллектив, но как некая биологическая сущность, имманентная роду».

На пороге XX века вышла небольшая работа В. В. Розанова «Место христианства в истории», где последнее понимается как разрешение трансисторического конфликта «ариев» и «семитов»: первые представлены здесь в образе визуалистов — вторые в качестве радикальных акустиков. Булгаков вторит последнему тезису, указывая на «благоприятное отсутствие изобразительных способностей» у «народа Божьего, народа Авраама, Исаака, Иакова, Давида», которое «воспрепятствовало им изобразить телесно» Бога. Особо акцентирует он и главную евангельскую идею о том, что «во Христе уже теряет значение различие “эллина и иудея, варвара и скифа”, всё становится единым во Христе», а «ветхозаветный религиозный национализм единственного избранничества истаивает в лучах солнца Христова».

Справедливо признавая метафизическую провальность «одоухотворения крови», когда «расизм своим животновитальным началом крови упраздняет духовность человека», отец Сергей указывает и на «положительное значение расы, как факта и ценности», однако этот вопрос им «переносится в область софиологии» и решается следующим образом: «Человечество состоит не из рас, но из личностей» — тогда как «душа мира не есть личность, а только живое бытие».

Булгаков очень точно указывает на плоды «лютерански-прусского искажения всего христианства»: «отсутствие Богоматерного начала в протестантском мировоззрении», псевдокульт Михаила-Архангела, «который, очевидно, мыслится как вождь гитлеровских полчищ», а повсеместно культивируемое «воински-мужское начало в качестве основания, является а-софийным и становится анти-софийным», отождествляется с «каблуком немецкого сапога», что обнажает «не-органический, а-софийный или даже антисо-фийный характер расизма», и «ведёт к неминуемой катастрофе, может быть, даже скорее и неожиданнее, нежели оно сейчас (21 сентября 41 г.) кажется», ибо «гордели-

вые заявления, что история человечества в нынешнюю войну определяется на 1000 лет вперед, чередуются с допущением возможности, что в случае военной неудачи вся эта хранина рассыплется», однако же «германская катастрофа... явится спасительной для Германии самой». Постепенно автор подходит к мысли о том, что и «большевизм в завоевательной своей экспансивности сближается с расизмом», этим «танковым отрядом, предназначенным для покорения мира». При этом он указывает на «роковой характер рокового влияния еврейства в верхушке коммунистической клики», ибо «еврейская доля участия в русском большевизме – увы – непомерно и несоразмерно велика». Это обосновывается тем, что «еврейство есть подлинная “ось” всемирной истории» и «сохранение Израиля есть настоящее чудо истории», не разрешимое «на почве образования территориальной еврейской державы» (заметим, это указано до возникновения Израиля после Второй мировой войны). «Без евреев, отмечает отец Сергей, — не может или, по крайней мере, не умеет обойтись европейская цивилизация, головка которой есть еврейская».

Интересно, что такое убеждение в определяющем планетарном характере еврейского рассеяния отнюдь не связывается с известной популярностью марксистского учения на исходе Нового времени: «Маркс, — согласно Булгакову, — отличается от своих предшественников своей исключительной религиозной слепотой и духовной тупостью в своём материализме»; «Маркс... “как религиозный тип” или мыслитель, есть совершенное ничтожество». Оно имеет несоизмеримо более глубокие, чем экономика, а именно — сакральные корни, и отец Сергей пишет об этом так: «...вся древняя история, как и само христианство, протекает в таких размерах, которые для нас кажутся теперь миниатюрными. Однако они уже содержат в себе наличие духовных потенций, которые раскрываются в новейшей, и уже ставшей мировой, истории в наши дни», когда «германский расизм воспроизводит собою иудейский мессианизм, который является противником и соперником христианства». Таким образом, указывается «сходство и родство современного расизма и

фашизма с иудейским мессианизмом», но отмечается и странная в этнокультурном отношении патологическая «сублимированная зависть со стороны культурнейшего из европейских народов, народа Гёте и Шиллера, Канта и Шеллинга, Гегеля и Новалиса», а также «франкфуртского отшельника Шопенгауэра к еврейству и соревнование с ним». Здесь проявляется общая «зависть германства к еврейству, как Богом избранному народу, и собственное его притязание на избранность». Булгаков далее говорит о «христоворстве... судеб Израиля, который пребывает в некотором противостоянии всему человечеству, но вместе образует и его исторический центр» — при этом, согласно отцу Сергию, — антисемитизм есть не только искушение, но и прямое противление христианскому духу».

«Духовным пленением германства у солдатчины» объясняется «антихристианство Розенберга, которое прикрывается притязанием исправить евангельский образ Христа, ему ненавистный», тогда как «в Гитлере это выражается в систематическом замалчивании имени Христа и христианства». Но как раз здесь же видится и «духовная трагедия еврейства», «печальный рок еврейства», а также его исторический «паразитизм» как «обратная сторона агасферизма, трагедия беспочвенности при наличии полноты жизненных сил».

Отец Сергей указывает и на то, что «германский милитаризм свой поход против России (каково бы ни было её теперешнее состояние в образе большевизма) объявляет “крестовым походом”», нарушающим известное «соглашение большевиков и Гитлера»: «Военная авантюра, направленная к уничтожению русской государственности и к превращению России в немецкую колонию, маскируется как освободительный поход», однако «цезаризм “фюрерства”, не терпит на своем пути существования России вообще, — а не большевизма».

Автор раскрывает эпический характер развёртывающихся перед его глазами событий: «Мировая война втягивает в себя народы всего мира и определит их судьбы и взаимоотношение на ближайшую эпоху истории», когда «выступают и азиатские и американские народы, этот мировой океан истории». Но сквозь

это победное историософское расширение к бахтинскому «большому времени» видится им и глубокая «предустановленность во взаимоотношении Германии и России», толкуемая Булгаковым как «род культурно-исторического романа взаимного притяжения», выразившегося и в настоящей «кровавой и отчаянной схватке, не на жизнь, а на смерть обоих народов, в необъятных русских ширях и далях, в её снегах и грязи». Главная в этом романе – тема космического Эроса и его символических энергий, ибо «германство выражает собой мужеское начало духа, русская же стихия — женское».

Этому даётся много убедительных подтверждений: «В Россию Ленин доставлен немцами, большевистский режим в первые годы получил техническую выучку от немцев, а социалистическую муштру от германского марксизма». Обращаясь к столь различным фигурам Гитлера, Розенберга, Сталина, Троцкого, отец Сергей говорит о «немецко-еврейском засилье над русской душой» и «сатанинском насилии над русским духом», о его постепенном развитии «в благоприятной среде русского варварства, унаследованного в многовековой истории, как жертва европейской катастрофы, общеевропейского банкротства»; «Интеллигентщина впитала в себя все духовные яды западного безбожия, начиная с энциклопедизма и гуманизма, материализма и человекобожия, не было такого яда в европейской лаборатории, которого бы не прививала себе русская интеллигентщина».

Тогда как «русская муза» имеет совсем иные «вдохновения» и «обретения», связанные с идеей «духовного рождения»: «Оно есть порождение Эллады и Египта, но не римского права, духовной иерархии, но не канонического папизма, мистики православия, а не этики протестантизма, соборность, но не католический централизм, свобода исканий, но не схоластика с куполом папской непогрешимости». А потому «большевизм, так же как и расизм равно не-гениальны и не-софийны», ибо вышеуказанная «софийность вдохновения есть удел русского гения», а «монизм, как отрицание личного Бога, есть, конечно, также атеизм, однако прошедший через протестантизм, кри-

тицизм, идеализм, словом, атеизм после Канта и Шопенгауэра, Шеллинга и Гегеля».

Возвращаясь под конец к теме макроисторической генерализации «еврейства», Булгаков не может умолчать, что в XX столетии «Россия сделалась жертвой “комиссаров”»: «Чувство исторической правды заставляет признать, что количественно доля» его «участия в личном составе правящего меньшинства ужасающа». Но, признавая ужасающие антихристианские плоды новой власти, качественно превзошедшие христорборчество поздней Античности и Средневековья на излёте времени, именуемом в истории культуры Новым, когда «были свирепее львов — чекистские палачи, и страшнее костров — ссылки на крайний север на годы и десятилетия», Булгаков в пику белогвардейской односторонности оценок большевизма не мог умолчать и о его заслугах перед Отечеством — а потому и нам нельзя не увидеть стремления к предельной объективности рассматриваемого здесь автора: «В историческую заслугу этой власти можно вменить ту волевою энергию, которая проявилась для всех неожиданно — в технических её достижениях в области военной подготовки. Советская власть — надо быть справедливым — имеет национальные заслуги. Может быть, благодаря ей наша родина, вместе со всем миром, спасется от гитлеризма».

Завершающий смысловой аккорд булгаковского труда носит характер метафизического и футурологического россияеведения, в центре внимания автора — «народ русский», ибо «на небе духовном восходит его созвездие», а сама «Россия воскреснет и воскресает»: «Мы не будем связывать эту веру с империалистическими мечтаниями, хотя великому народу, казалось бы, должно соответствовать и великое земное царство, которое уже озаменовано в исторических предвестиях прошлого. Однако эта “священная империя” не есть прямая цель или даже только необходимое условие русского возрождения; по крайней мере, в *первую* очередь Россия может и не ожидать этого свершения, но она не может не ждать и не должна не ждать того, к чему она призвана, — явить миру творческий лик русского пра-

вославия»; «Россия есть в этом смысле энтелехия мировой истории, её подлинная “ось”, и это всегда знала русская душа».

Было бы несправедливым видеть в таком пафосе только новую отечественную редакцию ветхозаветного мессианизма: «В симфонии истории займут свое место все ныне воюющие между собой народы, — подчёркивает Булгаков, подчёркивая, однако, что «наверху в этой лестнице исторических ценностей, в духовной их иерархии стоит наша родина, — такова иерархия Божественная». Согласно отцу Сергию, продолжающему здесь благородные хомяковские векторы: экклезиологическую традицию и поэтический пафос, «православие призвано быть чистейшим и полнейшим явлением церкви в мире», а потому и «начинается русский “апокалипсис”, первые же его страницы открываются “прологом в *аду*”, большевизмом в русской истории», осуществлённом указанными силами. Но здесь оказывается особенно интересна историософская этическая диалектика: «Вавилоном или Египтом для евреев сейчас является, быть может, более всего Америка», однако «их близость не идет ни в какое сопоставление с той особенной связью, которая установилась между Россией и еврейством», ибо «главное... завоевание еврейства совершилось на почве русского большевизма, и в этом была перейдена — нельзя этого отрицать — всякая мера».

Но Булгаков, завершая своё осмысление урока человечеству, преподанного расизмом, особенно предостерегает здесь от того, что он именует «жидоненавистничеством», и призывает к «аскетике воздержания против мстительных чувств и действий»: с одной стороны, «большевизм должен быть назван по имени» — однако «русский погром над еврейством, как ответный на еврейский погром над русским народом, угрожает утопить в крови, растоптать нежные, под почвой скрывающиеся ростки Грядущего». И только таким смиренномудрым христианским образом — не в разнузданной агрессии, а в терпении горя — снимется это иго и «расчистится путь к “тысячелетнему царству”», когда наступит «новая творческая эпоха в истории», ибо «ни один из исторических народов не призван в такой мере к религиозному творчеству, как русский».

Библиографический список

1. *Булгаков, протоиерей Сергей*. Расизм и христианство // Булгаков, протоиерей Сергей. Христианство и еврейский вопрос. Paris: YM-CA-Press, 1991. Цит. по: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/ (дата обращения: 02.02.2025).
2. *Океанская Ж. Л., Океанский В. П.* Университет как символический universon и воплощённый этос универсализма: Сергей Булгаков и Мартин Хайдеггер // Интеллигенция и интеллектуалы в пространстве университетской традиции: материалы XXXIV Междунар. науч.-теоретич. конф., посвящ. 50-летию Иван. гос. ун-та, Иваново, 19—20 сент. 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 26—31.
3. *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Прохождение вод: неоправославная метафизика отца Сергия Булгакова: монография. СПб.: РХГА, 2022. 388 с.

УДК 316.343.652:008

В. В. Тепикин

профессор, Российская академия естественных наук (Москва)

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЭПОХУ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

В статье рассматриваются вызовы современного мира, с которыми сталкивается общество и интеллигенция как отдельный его субъект. Среди наиболее важных из них выделяются вооружённые конфликты, пандемии, изменения климата, создание ИИ, др. Автор размышляет о преодолении вызовов не только масштабных, но и личных.

Ключевые слова: интеллигенция, вызов времени, прогресс, конфликт, пандемия, искусственный интеллект.

V. V. Tepikin

Professor, Russian Academy of Natural Sciences (Moscow)

CHALLENGES OF THE TIME DEFINING THE ERA OF THE MODERN INTELLIGENTSIA

The article examines the challenges of the modern world faced by society and the intelligentsia as a separate entity. Among the most important of them are armed conflicts, pandemics, climate change, the creation of artificial intelligence, etc. The author reflects on overcoming challenges not only large-scale, but also personal.

Key words: intelligentsia, challenge of time, progress, conflict, pandemic, artificial intelligence.

Наверное, на каждом историческом этапе общество сталкивается с определёнными вызовами времени, и каждый раз новому поколению приходится непросто. Тихого безмятежного существования человечества без угроз и волнений одновременно во всех точках планеты никак не удаётся достичь. А если к этому ещё добавить личные страдания каждого, свои маленькие «вызовы» для преодоления, которые неизбежны априори, то получается, что мы обречены на вечное сопротивление, извечную борьбу. Накал и масштабы данного процесса вариативны, идеального исторического времени просто нет. Мы можем только предполагать, осторожно заявляя: такая-то эпоха нам близка, в ней нам точно было бы легче.

Лучше или легче? Тоже вопрос. Не для всех второе обуславливает первое. В интеллигентских дискурсах часто всплывает осмысление роли человека в эпохе, а как конкретное и самое близкое, продуманное, прочувствованное — себя в ней. Именно через себя удаётся многое понять.

Вызовы современного мира, с которыми человеку приходится сталкиваться, однозначно сложнее тех, что были раньше. Технологическая мысль и прогресс как таковой заставляют общество мобилизовать такие ресурсы, которые, кажется, на грани возможного. Значение интеллигенции в подобных обстоятельст-

вах резко возрастает. Она способна решать многокомпонентные междисциплинарные задачи, сохраняя при этом чувство Родины.

По данным Организации Объединённых Наций, в 2023 году в мире фиксировалось 59 вооружённых конфликтов, часть из них — с использованием самого современного вооружения. Мирные граждане из-за прямых угроз жизни превращались в переселенцев, число таковых превысило 110 миллионов человек. В 2024 году конфликты стали причиной гибели 233 тыс. человек; от войн страдают 470 млн детей по всему миру [1]. Россия, находясь под экономическими санкциями, инициированными прежними администрациями США, взялась удерживать уровень жизни народа, одновременно реализуя операцию по снятию внешних силовых угроз и подавлению неонацизма. Представители интеллигенции вовлечены в этот процесс на всех уровнях, а постепенное объединение вокруг проблемы усилий разных стран явилось плодом успешной дипломатической работы российской интеллигенции.

Пандемия COVID-19, унёсшая большое число жизней по всему миру [2], показала нам ещё раз хрупкость человеческого общества, несовершенство медицины даже XXI века. Мы до сих пор точно не знаем, с чем именно имели дело: рукотворным был вирус или же появился в ходе цепочки природных мутаций? Но ясно одно — то, что вирусология стала одной из наиболее актуальных научных областей на ближайшую перспективу. Интеллигенция не исключает вероятности появления новой пандемии, Всемирная организация здравоохранения даже просчитывает угрозу на ближайшие 10 лет.

Важным вызовом нашего времени, на мой взгляд, стало изменение климата. Глобальное потепление из-за вмешательства человека в природную гармонию повлекло среднее повышение температуры на 1,2 °C. Учёные NASA назвали 2023 год самым жарким за всю историю наблюдений [3]. То, что мы видим в ряду стихийных бедствий, — наводнения, землетрясения, пожары — это всё следствия изменения климата, человек от них зависит.

Созданный интеллектуалами искусственный интеллект казался безусловным благом, но когда встал вопрос о том, что ИИ в состоянии вытеснить человека, с работы, например, люди задумались. На Международном экономическом форуме 2024 г. в Санкт-Петербурге прозвучало: 85 миллионов рабочих мест могут заменить роботами уже в 2025-м. А что ж впереди?

Рядом с ИИ можно поставить детища хакерских групп, создающих киберугрозы. Наша жизнь во многом переместилась в сеть интернета — хакеры этим пользуются. «Набеги» на важные сайты, взломы банковских счетов требуют противостояния специалистов не хуже, но чтущих нравственный кодекс интеллигентов, закон.

Демографический дисбаланс характерен для стран Европы, включая и Россию. Когда рождаемость ниже смертности — это всегда плохо. В нашей стране пересматривают воспитательную систему юношества, стимулируют рождаемость детей маткапиталом. Однако проблема стоит в повестке одной из самых важных. Для переосознания потребуются годы.

Интеллигенция России каждый год выступает за оказание продовольственной помощи странам третьего мира. Сотни миллионов людей голодают и на грани гибели. Тема продовольственной безопасности с российской стороны показывает, что и этот вызов интеллигенцией принят.

Библиографический список

1. *Ahmed Kaamil*. World's conflict zones increased by two-thirds in past three years... // The Guardian. 2024. 21 Nov.
2. *David Adam*. 15 million people have died in the pandemic, WHO says // Nature. 2022. 5 May.
3. North Atlantic Ocean has reached record-high surface temperatures // New Scientist. 2023. 12 June.

О. Э. Терехов

профессор, Кемеровский государственный университет (Кемерово)

О. Н. Терехова

доцент, Кемеровский государственный университет (Кемерово)

**МИХАИЛ ЕГОРОВИЧ ЕРИН КАК ИСТОРИК
СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО ПЛЕНА
В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ**

В статье рассматриваются труды известного отечественного историка-германиста М. Е. Ерина посвященные истории и историографии советского военного плена в нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Авторы делают вывод о том, что работы Ерина являются важным вкладом в данную проблематику в отечественной исторической науке.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советский военный плен, национал-социализм, историография.

O. E. Terekhov

Professor, Kemerovo State University (Kemerovo)

O. N. Terekhova

Associate Professor, Kemerovo State University (Kemerovo)

**MIKHAIL EGOROVICH ERIN
AS A HISTORIAN OF SOVIET CAPTIVITY
IN NAZI GERMANY**

The article examines the works of famous Russian historian and Germanist M. E. Erin devoted to the history and historiography of Soviet military captivity in Nazi Germany during the Second World War. The authors conclude that Erin's works are an important contribution to this issue in Russian historical science.

Key words: World War II, Soviet military captivity, National Socialism, Historiography.

В 2025 году исполняется 80 лет со дня победы в Великой Отечественной войне. Одна из важнейших функций исторической науки заключается в том, что она является хранительницей коллективной исторической памяти. В этой связи нельзя не вспомнить мощную когорту отечественных историков-германистов, научные интересы которых в той или иной мере были сосредоточены на изучении различных проблем и аспектов Второй мировой и Великой Отечественной войн. К их числу принадлежит доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета Михаил Егорович Ерин (1940—2014). В советский период развития отечественной исторической германистики Ерин стал одним из ведущих исследователей истории Веймарской республики в Германии, а в 1990—2000 гг., не оставляя свой основной предмет исследования — историю и историографию первой немецкой демократии, он активно изучает проблему советского военного плена в нацистской Германии. Он стал одним из авторитетнейших специалистов в отечественной исторической науке по данной проблематике. Ерин написал немного работ по советским военнопленным в годы Великой Отечественной войны, но все они характеризуются высоким исследовательским уровнем осмысления проблемы и тщательной скрупулезностью анализа материала. Работы Ерина о советских военнопленных в нацистской Германии в 1941—1945 гг. делятся на две категории: общеисторические исследования [1, 2, 3] и труды, в которых автор освещает историографию проблемы [4, 5, 6]. Рассмотрим основные выводы автора, используя при этом, наиболее репрезентативные труды Ерина по теме [2, 6].

Соавтором книги Ерина о шталаге 326 выступил его бывший узник режиссер Г. А. Хольный. Работа основана на разнообразных источниках: воспоминаний бывших пленных лагеря, опубликованных и архивных источниках, в частности военного архива ФРГ во Фрайбурге и Государственного архива Российской Федерации. Во всех своих трудах о советском военном плене в нацистской Германии Ерин неустанно проводил мысль, что война против Советского Союза носила расово-

идеологический характер и этот факт изначально обусловил проведение политики геноцида в отношении солдат и офицеров Красной Армии [2, с. 16—21]. Авторы отмечали, что «война велась немецкой стороной с необычной жестокостью и имела ужасные последствия для народов Советского Союза» [2, с. 120]. Нацистская система уничтожения людей, в том числе военнопленных, шталаги, концлагеря, являются символом злодеяний режима.

Вторая мысль, на которой акцентирует внимание Ерин в своих работах о советских военнопленных, заключается в необходимости восстановления исторической правды. В частности он отмечает недостаточность изученности данной темы в отечественной исторической науке. По его мнению, это является важным для сохранения исторической памяти, чтобы «показать размах и жестокость злодеяний в отношении советских военнопленных на территории третьего рейха и оккупированных им стран» [1, с. 141]. Ерин также раскрывает проблему исторической правды на примере дискуссии об общем количестве военнопленных. «Подсчет общего числа пленных и умерших весьма важен» — констатирует он [1, с. 142].

Общеисторические работы Ерина о советском военном плене в нацистской Германии вызвали значительный интерес исследователей и общественности, но наиболее значительный вклад он внес в историографию проблемы. Монография 2005 г. до настоящего времени остается крупнейшем трудом в данной области [6]. В монографии впервые в отечественной исторической науке анализируется советская и германская историография советских военнопленных в «третьем рейхе» от ее возникновения до начала XXI века. Автор подробно рассматривает этапы развития, характерные черты и особенности, отечественной и германской историографии советского военного плена. Ерин показывает спор историков двух стран по ключевым аспектам изучаемой проблемы. Актуальность книги придает острота самой проблематики. Автор словами немецкого историка Ё. Остерло выразил это так: «... судьба советских военнопленных в годы Второй мировой войны по своим масштабам и ха-

рактеру не вписывается в “общепринятое” понятие плена» [6, с. 3], и далее пишет «вряд ли история Второй мировой войны может быть полной без знания и изучения всей правды о пленных» [6, с. 4].

Характеризуя отечественную историографию советского военного плена в нацистской Германии, Ерин выделяет три этапа в ее развитии: период сталинской эпохи, историографию от хрущевской «оттепели» до окончания советской эпохи и постсоветскую историографию. На каждом этапе тема советского военного плена получала свой ракурс исследования и трактовки. Большое внимание Ерин уделил германской историографии, показав тщательность изучения различных аспектов данной проблемы немецкими историками как «старой» ФРГ, так и объединенной Германии. Он отмечает, что долгое время проблема советского военного плена оставалась частично табуированной в исторической науке и общественном мнении ФРГ, но политика преодоления прошлого заставила немцев обратить на нее внимание. Большую роль в этом процессе сыграла монография К. Штрайта «Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные. 1941—1945», изданная впервые в 1978 г. [7, с. 4]. Согласно Ерину, к началу XXI столетия немецкая историография советского военного плена в «третьем рейхе» добилась существенных результатов.

Подводя итог своему историографическому анализу, Ерин выделяет следующие малоизученные проблемы советского военного плена в нацистской Германии: 1) необходима кропотливая работа над источниками из российских, украинских и белорусских архивов по вопросу о точном числе военнопленных в дулагах; 2) необходимо изучение истории отдельных лагерей, находившихся на оккупированной территории СССР; 3) очень мало известно о конкретной повседневной жизни в лагерях и рабочих командах; 4) слабоизученной остается тематика отношения немецкого населения к советским военнопленным; 5) серьезного внимания заслуживает изучение вопроса о военнопленных женщинах; 6) наиболее эмоционально, как уже сказано, обсуждается вопрос о цифрах погибших советских пленников. Ими

не следует злоупотреблять в политических дискуссиях, понимая, что точные данные имеют большое политическое значение [6, с. 176].

Библиографический список

1. *Ерин М. Е.* Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны // Вопросы истории. 1995. № 11—12. С. 140—151.
2. *Ерин М. Е., Хольный Г. А.* Трагедия советских военнопленных (история шталага 326 (IV К) Зенне. 1941—1945 гг.). Ярославль: Яросл. гос. ун-т., 2000. 138 с.
3. *Ерин М. Е.* Осмысление проблемы отношений между немецким населением и советскими военнопленными. 1941—1945 гг. // Проблемы новой и новейшей истории: Сб. ст. Вып. 3 / Под ред. М. Е. Ерина, Г. Н. Канинской. Ярославль: Яросл. гос. ун-т., 2001. С. 3—8.
4. *Ерин М. Е.* Российские историки о судьбе советских военнопленных в нацистской Германии // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны. Дрезден-Минск, 2004. С. 22—65.
5. *Ерин М. Е.* Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 152—160.
6. *Ерин М. Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии 1941—1945 гг. Проблемы исследования. Яросл. гос. ун-т. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 178 с.
7. *Штрайт К.* «Они нам не товарищи...». Вермахт и советские военнопленные. 1941—1945 гг. / Пер. с нем. М.: АНО «Русское историческое общество» — НП ИД «Русская панорама», 2009. 480 с.

УДК 82-94(5-012)"1880/90"

О. С. Удалова

младший научный сотрудник, Ивановский государственный университет (Иваново)

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

В статье проанализированы мемуары Е. Л. Маркова, посетившего в конце XIX столетия Святую Землю. Путевые записки публициста

— ценнейший источник представлений о русской идентичности и патриотизме, сформированных в результате соприкосновения с ближневосточной культурой.

Ключевые слова: мемуары, паломничество, Святая Земля, интеллигенция, патриотизм, русская идентичность.

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Ивановского государственного университета в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» FZZM-2025-0001.

O. S. Udalova

junior researcher, Ivanovo State University (Ivanovo)

TRAVEL NOTES OF A RUSSIAN INTELLECTUALIST IN THE HOLY LAND

The article analyzes the memoirs of E. L. Markov, who visited the Holy Land at the end of the 19th century. The travel notes of the publicist are a valuable source of ideas about Russian identity and patriotism, formed as a result of contact with Middle Eastern culture.

Key words: memoirs, pilgrimage, Holy Land, intelligentsia, patriotism, Russian identity.

The research was carried out in accordance with the state assignment of Ivanovo State University within the framework of the Program of Fundamental scientific research in the direction "Russia and the Middle East: historical, political and cultural interrelations" of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the International Public Organization "Imperial Orthodox Palestine Society" (IOPS) FZZM-2025-0001.

Среди достаточно обширного перечня источников, позволяющих читателю почерпнуть определенные сведения о Святой Земле, особой значимостью обладают мемуары паломников. Последние представляют собой совершенно особый жанр литературы, основу которого составляют преимущественно воспо-

минания и дневниковые записи, отражающие впечатления паломников не только от посещения наиболее известных святынь, но также и от самих путевых маршрутов, соприкосновения с новым для них ближневосточным миром.

Новизна последнего отображалась в самых различных аспектах мировосприятия паломников. Безусловно, как представители русской культуры, они концентрировались преимущественно на тех сторонах окружающей действительности, которые кардинально отличались от привычных им реалий. В этой связи, нередко ближневосточный мир приобретал в мемуарах паломников причудливые, экзотические черты.

Большинство авторов-мемуаристов, оставивших воспоминания о посещении Святой Земли, являлись представителями духовенства. Далее по числу паломнических текстов шли мемуары столбовых и даже титулованных дворян (Д. А. Скалона, Н. В. Адлерберга, А. Н. Муравьева).

В рамках настоящего исследования анализ представлений русских паломников о Святой Земле будет осуществляться на примере мемуаров Евгения Львовича Маркова — русского писателя и путешественника, этнографа, выдающегося исследователя истории Крыма, а также литературного критика. Столь обширное поле профессиональной деятельности Е. Л. Маркова, несомненно, оказало влияние на его становление как профессионального публициста: язык произведений автора необычайно красочный, образный, изобилует сравнениями и позволяет читателю перенестись в мир описываемых в повествовании событий, прочувствовать всю гамму впечатлений писателя. Богатство языка публицистических произведений Е. Л. Маркова, между тем, определяется также наличием в них авторского критицизма по отношению к определенным событиям: для творчества Е. Л. Маркова характерно обилие личных оценок, пусть не всегда положительных, однако, демонстрирующих читателю искренность автора, что еще более привлекает внимание к его текстам.

Творческое наследие Е. Л. Маркова условно можно разделить на три основные группы, а именно: 1) произведения крымско-восточной тематики, к данной группе относились работы,

написанные по мотивам путешествий автора на Восток, Кавказ, а также по истории Крыма, при этом последние составляли наибольший процент в составе творческого наследия Е. Л. Маркова в рамках данной группы; 2) произведения воронежско-донской тематики, составленные преимущественно на основе впечатлений от путешествий автора в Дивногорье, Червлёный Яр, Костенск, а также некоторые другие территории; 3) произведения прочей тематики, преимущественно отражавшие авторский интерес к истории русского просвещения и литературы, а также к педагогике.

В рамках настоящего исследования наше внимание будет сосредоточено на тексте из первой среди трех вышеперечисленных групп творческого наследия автора, а именно: на произведении Е. Л. Маркова — «Путешествие по Святой Земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии» (1891 г.) [1].

Несомненным преимуществом данных мемуаров является, в первую очередь, их весьма внушительный объём, составляющий 524 страницы, что позволило автору достаточно рельефно отобразить весь спектр своих впечатлений от путешествия к святыням вселенского христианства, в чем состояла главная цель его предприятия.

Внимательное прочтение текста мемуаров наглядно демонстрирует наличие подлинного публицистического таланта их автора — благодаря необычайной образности языка произведения оно превращается в поистине увлекательное путешествие читателя к берегам Палестины, по Иудее, Самарии Галилее и иным местам. Воспоминания Е. Л. Маркова написаны просто и доступно, а наличие в них критических замечаний автора, отражающих его глубоко личное переживание от увиденного, способствует формированию эмпатии читателя, его вовлеченности в повествование.

Критический подход в воспоминаниях автора является особенно ценным при описании посещения христианских святынь, сопровождаемого рассказами местных экскурсоводов. В силу того, что Е. Л. Марков отнюдь не являлся человеком лег-

коверным, читатель имел возможность составить объективную картину увиденного мемуаристом: «Посреди первой залы с готическими сводами еще уцелели дорогие мраморные колонны бывшего храма..., варвар-проводник уверяет нас, будто за ... перегородкою ... жила в евангельские дни Святая Дева» [1, с. 128]. Очевидно, что гид в своем рассказе использует элементы вымысла с целью привлечения внимания паломников, ведь в евангельские дни Матерь Божия жила в другом месте — в пещере на подземном ярусе базилики Благовещения, расположенной на территории Назарета, в настоящее время на месте которой возведена церковь.

Авторский взгляд на описываемые события и явления отражает также ярко выраженную патриотическую позицию Е. Л. Маркова: на страницах воспоминаний он предстает перед читателем как истинный патриот своей родной земли. Это проявляется в подчеркнутой радости автора от встреч с паломниками в Святой Земле — представителями русской культуры, а также с традиционными атрибутами последней. Так, по прибытии в Яффу автор описывает «русский дом», состоящий из бедно обставленных полутемных комнат, вероятно, достаточно сырых и холодных для проживания в сезон дождей, небогатые интерьеры которого казались ему уютными, т. к. паломников согревал обед и чай из русского самовара [1, с. 7]. Напоминанием о родной земле стал совершенно «по-русски» накрытый ужин в столовой митрополита Анфима в одном из иерусалимских монастырей [1, с. 199]. Посещение «Русских построек» в Рамле также вызвало в сердце автора щемящее чувство Родины, причастность к которой остро ощущалась Е. Л. Марковым во время путешествия по Святой Земле при неожиданном, но всегда приятном, соприкосновении с родными традициями и обычаями в русских паломнических приютах: «Приветливые, благочинные речи и благообразный вид этой характерной русской старушки, тульский самовар, сверкавший и шипевший по родному обычаю на круглом столе, под шумок родной беседы, а на дворе, в тени стеночки, уютно усевшиеся в обычный кружок с деревянными ложками вокруг деревянной чашки вечерявшие русские стран-

нички в своих рубахах, лаптях и валенках, все это растрогало и умилило нас приливом какого-то особенного напряженного чувства родины» [1, с. 20]. В путешествии автор замечает те же обычные символы родной культуры, в частности, в земле филистимлян рисунок все того же русского самовара на вывеске местной гостиницы [1, с. 51].

Положительный отклик в душе путешественника вызывали также звуки богослужения на русском языке во время посещения пещеры Рождества Христова в Вифлееме [1, с. 191], равно как и попеременное ведение службы «то по-русски, то по-арабски, для утешения русских и арабских богомольцев» [1, с. 202]. Совершенно особое впечатление на автора мемуаров произвело рождественское песнопение на русском языке «в самом месте Рождества Христова», которое, по мнению Е. Л. Маркова, являлось настоящим чудом, способным понастоящему и глубоко всколыхнуть сердце человека, посетившего «священные ясли».

Патриотический настрой автора на страницах воспоминаний проявился также в его внимании к вопросу благоустройства объектов местной инфраструктуры усилиями русских людей. В частности, описывая трудности путешествия в Иерихон, он указывал, что одна из местных троп, которую с трудом удалось преодолеть лошадям, вынужденным осторожно переступать по ступеням, у местного населения считалась «отменной дорогой», которая была приведена в надлежащее состояние на средства одной богатой русской женщины [1, с. 218]. Эта оценка связана с тем, что другие дороги в Палестине были еще хуже. «Русские постройки» в Святой Земле вспоминались автором с особой душевностью и любовью, равно как и земляки-паломники [1, с. 20]. В свою очередь, самоидентификация автора с Россией и ее культурой проявляется, в том числе, в контрастных описаниях европейских паломников и туристов: «Невозможно жалок, почти неприличен вид этих модных шляп и жакеток с бульвара европейских столиц в этой ветхозаветной обстановке древнего города Измаильян, Филистимлян и Иудеев, в этой стране величавых мантий, строгих профилей, важных движений» [1, с. 24].

Как следует из данного описания, автор не только не восхищался представителями западной культуры, но и в целом весьма критично относился к европейским щеголям, вид которых, по его мнению, был неуместен на фоне древних городов Святой Земли. Вместе с тем, описывая толпу французских паломников, он узнает в них «своих», облачившихся в белые летние плащи и укрывшихся под белые покрывала — вероятно, по мнению автора, представителей интеллигенции, которые были «далекие от сохи и заступа» [1, с. 180].

Кроме того, автор мемуаров выступает в рассматриваемом тексте не только профессиональным публицистом, но и в целом весьма эрудированным, разносторонним и высокообразованным человеком, т. е. интеллектуалом. В частности, на страницах его мемуаров встречаются фразы на французском языке, что, с одной стороны, свидетельствует, что автор мемуаров владел им, а с другой — автор уверен, что его потенциальные читатели поймут содержание того или иного абзаца. Эрудицию автора подчеркивают также его указания на ошибку в тексте Франсуа Рене де Шатобриана — «Путешествие из Парижа в Иерусалим чрез Грецию и обратно из Иерусалима в Париж чрез Египет, Варварию и Испанию» [2], на который он ссылается в своем повествовании дважды [1, с. 36]. Автор также был знаком с текстами русских паломников времен средневековья: путевыми заметками игумена Даниила, записками Трифона Коробейникова, посланного Иваном Грозным с милостыней в четыре восточно-христианских патриархата. Е. Л. Марков приводит цитаты из произведения последнего [1, с. 156], равно как и из труда Арсения Суханова, посетившего Святую Землю в 1649 г. [1, с. 245].

Автор являлся не только знатоком иностранных языков и литературы, но также художественного искусства. Так, рассуждая о полотне известного художника Н. Ге, которому удалось воссоздать сцену моления Христа в Гефсиманском саду, Е. Л. Маркову вспомнилась другая картина той же тематики, украшающая императорский Эрмитаж Санкт-Петербурга, а именно — работа профессора Бруни, вызывающая большие симпатии автора [1, с. 99—100].

Таким образом, анализ записок Е. Л. Маркова, составленных по итогам его путешествия в Святую Землю, позволяет получить новые сведения по сравнительно новой в отечественных исследованиях и, вместе с тем, почти неисчерпаемой теме как представление об этой территории и населяющих ее народах посредством анализа самых различных впечатлений повествователя. По мере знакомства с территориями Ближнего Востока представления Е. Л. Маркова, в том числе — позволяющие охарактеризовать «инаковость» восточной культуры, расширяются.

Наконец, мемуары Е. Л. Маркова позволяют читателю составить комплексное представление не только о впечатлениях русских паломников от посещения вселенских святынь христианской религии, но также выделить определенные маркеры национальной идентичности, неизбежно включаемые в повествование русского интеллигента. Соприкосновение с восточным миром, во многом являвшимся чуждым русскому паломнику «подсвечивает» в повествовании автора мотивы родной земли. Ведь территории, по которым пролегал маршрут публициста, были населены народами, нередко являвшимися представителями разных культур (например, греческой, арабской, турецкой), соприкосновение с которыми придавало контрастным патриотическим ассоциациям автора особое значение и образность.

Библиографический список

1. *Марков Е. Л.* Путешествие по Святой земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб., 1891. 515 с.
2. *Шатобриан Ф. Р.* Путешествие из Парижа в Иерусалим чрез Грецию и обратно из Иерусалима в Париж чрез Египет, Варварию и Испанию: в 3 ч. СПб., 1815—1817.

Б. А. Фарманова

доцент, филиал Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова в г. Ташкенте (Ташкент)

БОЕЦ И ПАТРИОТ ТУРАТ УСАРОВ
(80-летию Великой победы посвящается)

В представленном материале речь идет о выпускнике Самаркандского государственного университета, участнике Второй мировой войны Турате Усарове, призванного дорогами войны с ее начала до победного 1945 года, дослужившегося до звания гвардии майора и завершившего боевой путь в поверженном Берлине. В статье отмечены также большая работа Т. Усарова на благо земляков по возвращению с фронта, и сохраняемая о нем благодарная память потомков.

Ключевые слова: Турат Усаров, Узбекистан, Вторая мировая война, мужество, работа после войны, благодарность потомков.

B. A. Farmanova

Associate Professor, Branch of Moscow State University
named after M. V. Lomonosov in Tashkent (Tashkent)

FIGHTER AND PATRIOT TURAT USAROV
(Dedicated to the 80th Anniversary of the Great Victory)

The presented material is about a graduate of the Samarkand State University, a participant in the Second World War, Turat Usarov, who was called up by the roads of war from its beginning until the victorious year of 1945, rose to the rank of guard major and completed his combat path in defeated Berlin. The article also notes the great work of T. Usarov for the benefit of his fellow countrymen upon his return from the front, and the grateful memory of his descendants.

Key words: Turat Usarov, Uzbekistan, Second World War, courage, work after the war, gratitude of descendants.

Вторая мировая война оставила в сердцах людей много боли и страданий.

Сегодня, кому за шестьдесят, — уже дети послевоенных лет. Мы не знаем войны. Но, мы видели людей, пришедших с фронта. Мы слышали о ней. Помню соседа дядю Володю Сладкова, который вернулся с войны инвалидом, без ноги. Он катал нас, меня и свою дочку Любку, на своей «Волге». Дядя Володя свободно общался на узбекском языке и называл себя Ширинбаевым (в переводе с узбекского Сладков). Еще один сосед Олмос-ака Бабаев назвал своего сына Валентином в честь друга — летчика Валентина, который спас ему жизнь.

Война принесла много горя, не было семьи, которая бы ни потеряла отца или деда, мать или брата, детей. Люди были объединены одной общей бедой.

Я хочу рассказать о Турате Усаровиче Усарове. Он родился в 1905 году и жил в Заамине. Это был большой, смуглый, высокий человек. Таких в народе называют палванами (богатырями). Дед ходил, слегка опираясь на палку. Его доброжелательность, умение говорить и похвалить детей и внуков, а если надо — и пожурить, но так, чтобы никто не обижался, были его особенными чертами. Умение что-либо рассказывать, причем очень интересно, делало его любимым дедушкой.

Турат-ака рассказывал, что рано лишился родителей. В поисках куска хлеба оказался в Чиназе (село под Ташкентом). В 1923 году попал в детский дом. Через два года возвратился в родной Заамин, работал в молодежных организациях.

В 1932 году поступил на учебу в Самаркандский государственный университет. Завершение учебы совпало с организацией национальной узбекской дивизии в республике.

Турат Усаров был назначен политруком полка первой кавалерии национальной дивизии. В последующие годы продолжил учебу в военном училище Ташкента. С 1938 года уже служил политруком эскадрона кавалерийской дивизии, комиссаром кавалерийской дивизии, заместителем командира батальона по политчасти огнеметного батальона.

В 1941 году после вероломного нападения фашистов Т. Усарова, учитывая его военный опыт, направили в Наманганскую область для создания кавалерийского корпуса. Перед отъездом его принял первый секретарь ЦК республики Усман Юсупов, который при беседе говорил о великом предназначении быть воином. В 1942 году Т. Усаров был отправлен в качестве комиссара на фронт, принимал участие в боях на территории Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Турат Усаров был одним из тех, кто, героически сражаясь, дошел до Берлина. Мужественный боец прошел путь от рядового до майора.

После окончания войны Т. Усаров много лет проработал на руководящих должностях в Зааминском и Бахмальском районах Узбекистана. Везде, где бы ни работал, старался помочь односельчанам. Под его руководством возделывали земли, сажали деревья, которые превратились в сады, улучшался быт, строили школы и бани. Многое им сделано для решения столь значимой для населения задачи как снабжение кишлаков водой. Так вчерашний боевой офицер, шедший за Родину на смерть, в мирное время самоотверженно боролся за улучшение жизни людей.

Родина высоко оценила заслуги Т. Усарова в годы войны, наградив орденами и боевыми наградами. В том числе, медалью «За боевые заслуги», орденом Красного Знамени, орденом Великой Отечественной войны II степени, которые вручаются за непосредственное участие в сражениях и проявленные при этом смелость и умелое командование.

Уже давно нет с нами Турата Усарова. Он покоится на центральном кладбище Зааминского района. Сведения о Турате Усарове, бесстрашном воине и трудолюбивом руководителе, имеются в Парке Победы, который находится в Ташкенте. Там ему установлен бюст.

Мы, живущие под мирным небом Родины, должны помнить тех, кто служил ей верой и правдой. Чтобы наши дети могли брать пример с отважных воинов и патриотов. Чтобы дети и внуки таких замечательных людей, как боец и патриот Турат Усаров, гордились ими, а герои войны жили в памяти народа и в сердцах потомков.

С. П. Хрулев

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

ГЕРМАНСКИЙ ДИПЛОМАТ АГО ФОН МАЛЬЦАН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется деятельность немецкого дипломата Аго фон Мальцана во время Первой мировой войны, показано его неприятие германского милитаризма и противостояние ему.

Ключевые слова: А. фон Мальцан, милитаризм, Германия, Китай, Циндао, Япония, Первая мировая война, Голландия.

S. P. Khrulev

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

GERMAN DIPLOMAT AGO VON MALZAHN DURING THE FIRST WORLD WAR

The article examines the activities of the German diplomat Ago von Maltzan during the First World War, showing his rejection of German militarism and opposition to it.

Key words: A. von Maltzan, militarism, Germany, China, Qingdao, Japan, First World War, Holland.

Адольф Георг (Аго) фон Мальцан родился 31 июля 1877 года в Мекленбурге. Получив прекрасное среднее образование, он был зачислен в Боннский университет на юридический факультет, и уже в 29 лет поступил на работу в МИД. В 1906 году А. фон Мальцан назначается секретарем дипломатических миссий в Рио-де-Жанейро. Именно здесь проявляется его талант заводить прочные личные контакты с местной элитой. Опираясь на свой авторитет, он добился заключения ряда торговых договоров на поставку германских товаров на бразильский рынок. После своего перевода из Бразилии в Норвегию Мальцан на новом месте практически моментально завоевывает расположение

политической верхушки страны. Он проявлял полную осведомлённость в расстановке политических сил, о преобладающих настроениях в обществе.

Но настоящим вызовом для молодого дипломата стала работа в Пекине, куда он попал в 1912 году. Дипломат оказался в крайне сложной и опасной среде, так как в Китае после Синьхайской революции начался период политической нестабильности. Находясь в таких условиях, Мальцан выбирает выжидательную позицию, постепенно налаживая связи с новой китайской элитой [4, s. 56]. Он пытается не вмешиваться в назревающее в Китае гражданское противостояние, делая акцент на налаживании экономических связей. Дипломатическое маневрирование в условиях противостояния нескольких политических сил становится главной особенностью работы Мальцана. Старания героя быстро оценили в Пекине, в частности, он заручается расположением президента Китая Юань Шикая [4, s. 62].

Именно во время работы Мальцана в Пекине в Европе началась Первая мировая война. Дипломат не впал как многие его коллеги в патриотическую истерию. Война могла разрушить все старания Мальцана. Аго стремился нейтрализовать Дальний Восток, не допустив в регионе начала массового кровопролития. Осознавая слабость позиций Германии в Азии, Мальцан одним из первых в немецком дипломатическом корпусе начал говорить об опасности со стороны Японии владениям Второго рейха в Восточной Азии и Тихом океане [6]. Для минимизации этой опасности он предлагал начать сближение с Китаем, и, прежде всего, пойти ему на территориальные уступки, но предложения Мальцана остались без внимания [4, s. 67]. Мальцан призвал руководство своей страны передать Китаю порт Циндао. Свои послания он передавал в зашифрованном виде, дабы избежать перехвата Антантой: «Верните дом домовладельцу». Но к призывам дипломат не прислушались. И дело было не только в том, что коллеги Мальцана не смогли расшифровать секретные послания дипломата и помещали их в архив, а в том, что его позиция шла вразрез с милитаристской линией правящей элиты. В этой связи заметим, что после краха Германской империи но-

вые руководители МИД из числа социал-демократов обнаружили переписку Мальцана со своим руководством и были восхищены находчивостью и мудростью молодого дипломата, после чего стали всячески продвигать его по карьерной лестнице сделав главой восточного отдела [7].

Руководство кайзеровской империи в ответ на призывы Мальцана ясно давало ему понять, что оно рассматривает Китай исключительно как антияпонский плацдарм и не желает налаживания взаимовыгодных двусторонних отношений на основании территориальных компромиссов. Несмотря на такую позицию руководства, Мальцан развивал германо-китайское экономическое сотрудничество. В частности, курировал совместное железнодорожное строительство и вступил в параллельные переговоры как с новыми китайскими, так и со старыми элитами свергнутой Цинской империи [3].

В августе 1914 года китайское правительство объявило о своём нейтралитете в начавшейся Великой войне и обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на территорию Китая. Однако 22 августа 1914 года Япония объявила о состоянии войны с Германией и высадила 30-тысячную армию севернее германского Циндао — главной военно-морской базы Второго рейха в Китае, опора на которую позволяла немцам контролировать провинцию Шаньдун. После двухмесячной военной кампании Япония захватила владения рейха. Юань Шикай не только не оказал сопротивления японской агрессии, но напротив всячески заискивал перед Японией в расчёте на поддержку ею его монархических планов [5]. Правда, это ему не помогло.

18 января 1915 года Япония предъявила Китаю «21 требование», принятие которых закрепило бы господство Страны восходящего Солнца в северной части Поднебесной, а также поставило бы под японский контроль китайскую армию, полицию, внешнюю политику и финансы [1]. В Китае эти требования вызвали всеобщее возмущение. Начался подъём антияпонских выступлений, в городах создавались патриотические общества, торговыми палатами был организован массовый антияпонский

бойкот, начались забастовки китайских рабочих на японских предприятиях [8].

Во время китайской дипломатической миссии Мальцан окончательно разочаровывается в оторванном от политической реальности правительстве своей страны. Дипломат, чтобы уменьшить репутационные потери для Германии, стремился опираться в практической деятельности лишь на факты и не выходить за рамки данных ему полномочий, что требовал от него Берлин. Мирный прагматизм Мальцана вступил в конфронтацию с иррациональным империализмом Второго рейха.

Война стала для Мальцана личной трагедией. Уже сформировавшаяся к тому времени его точка зрения, согласно которой мирное сотрудничество гораздо важнее силовых захватов и угроз, оказалась непопулярной у его руководства. А проанглийская ориентация дипломата, также попадала под удар из-за прямого военного столкновения двух стран. Хотя ещё до войны Мальцан смог установить тесные связи с рядом английских представителей в Китае, в частности, с корреспондентом «The Times» доктором Мориссоном [7].

Несмотря на то, что интересы своей Родины Мальцан всегда ставил на первое место, германская националистическая пресса начала обвинять его в слабости и мягкотелости, критиковать за нежелание развязывать японо-китайскую войну в рамках реализации азиатской политики Тройственного союза. После этих упреков Мальцан окончательно убедился в отсутствии как у немецкого правительства, так и у среднего обывателя в Германии внешнеполитического реализма [4, s. 75].

В 1917 года Мальцана переводят сначала на должность представителя министерства иностранных дел при главном командующем германскими войсками на Востоке, а в конце того же года в Гаагу. С этого периода главным объектом внимания Мальцана становится балтийский регион.

В работе дипломата на балтийском направлении ярче всего проявилась приверженность Аго мирному дискурсу и уважению к интересам других стран. На новом месте дипломат быстро вступил в конфликт с милитаристами из военной верхушки

Германии. Главной причиной стал вопрос о независимости прибалтийский стран.

Мальцан быстро пришел к убеждению, что на пути к независимости Эстонии, Латвии и Литвы существовало одно крупное препятствие — имперские амбиции германской военно-политической элиты, представители которой видели Прибалтику исключительно частью Второго рейха. Включить её в состав империи предполагалось за счёт грубой германизации и подавления местных национальных чувств. Мальцан яростно сопротивлялся подобным планам германского командования, что привело его к открытому конфликту с военной верхушкой [4, s. 86]. Кстати, именно он отчасти повлиял на перевод Мальцана в Голландию.

К 1917 году для Мальцана окончательно стал очевиден тот факт, что Германия проиграет войну. И хотя дипломат, оказавшись в Гааге и выполняя прямые обязанности по защите интересов Родины, прикладывал максимум усилий, чтобы удерживать Голландию от объявления войны Германии, он начал уже открыто высказываться против продолжения бессмысленной войны. Такая позиция привела его к противостоянию с одним из командующих немецкой армией и кумиром германских милитаристов Эрихом Людендорфом [4, s. 95]. Последний был ответственен за так называемое Весеннее наступление 1918 года, с помощью которого Берлин надеялся изменить ход войны в свою пользу.

В заключении можно сделать следующий вывод. Деятельность А. фон Мальцана в течение Великой войны была направлена на защиту германских интересов в азиатском и европейском регионе. Дипломат не верил в грубую военную силу и настаивал на необходимости поиска компромиссов между различными странами и группами интересантов. Для Мальцана настоящий патриотизм заключался в попытках защиты своего народа и Отечества от ужасных кровавых потрясений и их последствий, которые могли наступить из-за непродуманной внешней политики. Он желал поддерживать величие Германии мирным путём, а не с помощью грубой военной силы [3]. Именно нера-

зумный бескомпромиссный милитаризм, угрозу которого для будущего страны Мальцан разглядел в самом начале Первой мировой войны и которому пытался противостоять, привёл Германию к краху в ноябре 1918 года.

Библиографический список

1. Двадцать одно требование // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / под ред. Е. М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1961—1976.
2. Ago Freiherr von Maltzan // Münchner Neueste Nachrichten. 1927. № 260.
3. Botsdafter v. Maltzan Flugzeugunglück getötet // Deutsche Allgemeine Zeitung (Berlin). 1927. № 445.
4. Joeres N. Der Architekt von Rapallo. Der deutsche Diplomat Ago von Maltzan im Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik. Heidelberg, 2006.
5. Mizokami K. Japan's baptism of fire: World War I put country on a collision course with West // The Japan Times. 2014. 27 July.
6. Privattelegramm der «Frankfurter Zeitung». Botsdafter von Maltzan // Frankfurter Zeitung. 1927. № 711.
7. Stent V. Author of Treaty of Rapallo baron von Maltzan's career: The Rapallo treaty [Der Autor des Rapallovertrages: Karriere des Barons von Maltzan: Der Rapallovertrag] // The Times. 1927. 24 September.
8. Zhitian L. National humiliation and national assertion-The Chinese response to the twenty-one demands // Modern Asian Studies. 1993. P. 297—319.

УДК 94(430).086

В. Л. Черноперов

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

УЧАСТНИК ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ КЛАУС БОНХЁФФЕР

Настоящее сообщение посвящено участнику движения Сопротивления в Третьем рейхе Клаусу Бонхёфферу, деятельность которого

еще не получила всестороннего освещения в отечественной историографии.

Ключевые слова: Клаус Бонхеффер, Германия, нацистская диктатура, движение Сопротивления.

Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025—03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».

V. L. Chernoperov

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

RESISTANCE MOVEMENT MEMBER KLAUS BONHOEFFER

This presentation is dedicated to the participant of the Resistance movement in the Third Reich, Klaus Bonhoeffer, whose activities have not yet received comprehensive coverage in domestic historiography.

Key words: Klaus Bonhoeffer, Germany, Nazi dictatorship, Resistance movement.

The article was prepared within the framework of the technical assignment for the implementation of research work commissioned by Ivanovo State University № 2025—03 “Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia”.

Составной частью Второй мировой войны стало движение Сопротивления. Имело оно место и в нацистской Германии. О Сопротивлении в Третьем рейхе в нашей стране и за рубежом имеется добротная научная литература. Вместе с тем, некоторые вопросы требуют дополнительного изучения. Среди таковых — жизнь и деятельность Клауса Бонхёффера. Имя этого человека обычно стоит в тени младшего брата — видного евангелического теолога и крупнейшего представителя лютеранской оппозиции нацистской диктатуре Дитриха Бонхёффера, о котором написаны десятки книг и чьи труды и эпистолярии переведены на многие языки мира, включая русский. О его же

старшем брате Клаусе вышла лишь одна крупная работа протестантского пастора и преподавателя экуменизма и межрелигиозных отношений Ютты Козловски [9], которая остается малодоступной русскоязычному читателю. Частично исправить создавшееся положение призвано настоящее сообщение.

К. Бонхёффер родился 5 января 1901 г. в Бреслау (современном Вроцлаве) в семье известного германского психиатра и невролога, критика трудов Зигмунда Фреда, профессора Карла Бонхёффера и его супруги Паулы — учительницы по профессии, внучки известного протестантского богослова и церковного историка Карла фон Хазе. Клаус был третьим сыном в многодетной семье, насчитывающей 8 детей. Обучение начал в Бреслау, продолжил в Берлине, куда отца в 1912 г. пригласили на работу во всемирно-известную «Шарите» — столичную больницу и исследовательский медицинский центр одновременно. «В доме Бонхёфферов большое внимание уделялось культуре и образованию, все члены семьи много времени проводили вместе — обсуждали, читали, играли, музицировали, посещали театральные представления, художественные выставки, музеи, совершали прогулки на природе — и много праздновали и смеялись» [9, S. 35]. Воспитанием детей занималась, в первую очередь, мать, которой помогала прислуга, но наивысшим авторитетом в семье обладал отец [8, S. 12].

Клаус по возрасту избежал призыва в армию в годы Первой мировой войне, на которой погиб второй ребенок в семье, его старший брат Вальтер. Однако в 1918 г. пошел добровольцем и служил санитаром [9, S. 588]. После войны, закончив в 1920 г. гимназию Фридрихсвердерше в Берлине-Моабите, К. Бонхёффер продолжил обучение в Тюбингенском, Гейдельбергском и Берлинском университетах, где изучал право. Выбор профессии во многом объяснялся его обостренным чувством справедливости, ясным пониманием, что правильно, а что нет. По окончании университета К. Бонхёффер в 1925 г. защитил докторскую диссертацию «Режим наибольшего благоприятствования в современном международном праве». Сдал с отличием государственный экзамен [9, S. 111], после чего продолжил обу-

чение в Лондоне. В 1927 г. в коммерческом суде Берлина Клаус сдал второй государственный экзамен по праву. К этому времени окончательно сформировался его характер. По наблюдениям брата Дитриха, в Клаусе сочетались великодушные, благородство, осторожность, мамина «необузданная энергетика» и отцовская сосредоточенность [9, S. 18]. Жена Клауса Эмми находила мужа «чрезвычайно энергичным человеком, полным воображения, музыкальных способностей, общительным, с явным чувством юмора, а не мрачным аскетом или горьким эгоистом» [цит. по: 9, S. 20].

В 1930 г. Клаус Бонхёффер начал трудовую деятельность в качестве адвоката по бухгалтерскому учету. В сентябре того же года женился. Его избранницей стала Эмилия (Эмми) Дельбрюк — шестой ребенок в семье известного военного историка и профессора Берлинского университета с либеральными взглядами Ганса Дельбрюка. Один из братьев Эмми Макс получил известность исследованиями в области биофизики, позже эмигрировал в США и в 1969 г. вместе с тремя коллегами стал Нобелевским лауреатом по физиологии и медицине. Таким образом, семья К. и Э. Бонхёфферов, в которой родится трое детей (Томас, Корнелия и Уолтер), и по мужской и женской линиям относилась к известным в Берлине 1920-х — 1930-х гг. интеллектуалам.

Эмми стала Клаусу не только верной спутницей, но и соратницей в борьбе с нацизмом [5]. Молодые первое время проживали в мансарде дома родителей К. Бонхёффера, затем в 1933 г. переехала в Берлин-Митте на Бендлерштрассе, и, наконец, в 1937 г. супруги поселились в районе Берлин-Шарлоттенбург.

Политические бури, раздиравшие Веймарскую республику, не обошли семью Бонхёфферов. Отец Клауса профессор Карл начал рано симпатизировать германским фашистам, позже вступил в НСДАП и даже «участвовал в разработке той части ее программы, где говорилось о необходимости принудительной стерилизации психически больных, а также гомосексуалов и лесбиянок (которые ... в то время считались психически больными)» [2].

Приход А. Гитлера к власти 30 января 1933 г. члены семьи встретили по-разному. Глава семейства Карл Бонхёффер приветствовал. В Третьем рейхе он принял участие в выполнении программ нацистов по стерилизации, при этом, правда, противился изгнанию из медицины неарийцев и содействовал обустройству на новом месте коллег-евреев, бежавших из Германии [2]. Его старший сын Карл-Фридрих — профессор по физической химии — стал заметной фигурой в ядерной программе нацистов, а сыновья Клаус и Дитрих ушли в Сопротивление. Причем, как отмечала Эмми Банхёффер, именно Клаус раньше своего младшего брата и многих людей в Германии, которые надеялись направить «организаторский талант Гитлера в положительное русло», пришел к выводу о необходимости отстранения нацистов от власти [9, S. 14].

Любопытно отметить, что разные политические взгляды не разорвали семейных уз Бонхёфферов. Они поддерживались, свидетельством чему стал переезд в 1937 г. семьи Клауса Бонхёффера в дом, расположенный всего в 10 минутах ходьбы от дома родителей на Мариенбург-алле [6]. Между же братьями Д. и К. Бонхёферами отношения были такими, что Дитрих, находясь в тюрьме, узнав об аресте Клауса, отказался от подготовленного для него побега из-за опасения, что это может тому повредить.

В 1935 г. К. Бонхёффера приняли на работу синдиком во всемирно известную транспортную фирму «Люфтганза». Через два года он стал ее главным синдиком (главным юрисконсультом; *Chefsyndikus*), что дало ему возможность выезжать в страны Европы даже во время Второй мировой войны.

В движение Сопротивления Клаус Бонхёффер вошел в 1938 г. Причем, как можно понять из опубликованных документов, именно он вовлек в него брата Дитриха [10, S. 444]. По линии сестер и жены он сблизился с противниками нацистов Юстусом Дельбрюком, Гансом фон Донаньи, Рюдигером Шлейхером и Эрнстом фон Гарнаком.

Г. фон Донаньи — немецкого юриста венгерского происхождения — Клаус и Дитрих Бонхёфферы знали с детства. Со

временем связи окрепли — Донаньи в 1924 г. женился на их сестре Кристоль. Имея докторскую степень по праву, он в 1929 г. получил место в министерстве юстиции Веймарской республики. По работе был связан с Францем Гюртнером, который в 1933 г. занял кресло министра в первом правительстве Гитлера. Так Донаньи получил доступ к секретным документам Третьего рейха. Незадолго до начала Второй мировой войны он оказался в абвере — германской разведке и контрразведке Верховного главнокомандования вермахта. Неприятие расправ вне правового поля укрепляло у Донаньи антинацистские взгляды и подвигло к вступлению в движение Сопротивления, одним из центров которого стал абвер. Борьба с гитлеризмом еще более сблизила его с братьями Бонхёфферами. Контакты с ними Донаньи мог прикрывать выполнением заданий абвера. Дитриха — по линии его международных церковных связей, а Клауса — по работе в «Люфтвафзе».

Рюдигер Шлейхер вошел в семью Бонхёфферов, женившись на еще одной сестре Клауса и Дитриха Урсуле. Получив также юридическое образование и защитив диссертацию по праву, он в 1920-е годы работал в МИДа и министерстве транспорта. После прихода к власти нацистов трудился в министерстве авиации под руководством Германа Геринга и в главном управлении ВВС. Возглавляемый им Институт авиационного права при университете Фридриха Вильгельма в Берлине использовался для тайных встреч противников Гитлера. Р. Шлейхера с К. Бонхёффером помимо неприятия нацизма связывала транспортная авиация. Именно Шлейхер должен был обеспечить реорганизацию авиаперевозок в случае успешного отстранения Гитлера от власти.

В движении Сопротивления К. Бонхёффер был связан также с двоюродным братом жены Э. фон Гарнаком. Гарнак — юрист по образованию начал служебную карьеру еще в 1911 г., участвовал в Первой мировой войне, а в годы Веймарской республики занимал разные посты в системе государственной власти, дослужившись до главы правительства Мерзебурга. Ливившись должности еще до прихода нацистов, он не принял

гитлеровский режим и встал в ряды Сопротивления. Именно через Гарнака К. Бонхёффер установил контакты с социал-демократическим подпольем.

В начале 1943 г. Клаус Бонхёффер контактировал с самыми разными силами Сопротивления. Через брата Дитриха — с антифашистами из церковных кругов. Через Донаньи и других родственников с военными, которые готовили покушение на Гитлера. Вместе с Донаньи и Дитрихом К. Бонхёффер входил в группу генерал-майора Ганса Остера — заместителя главы абвера Вильгельма Канариса [3, с. 38—39]. Из политиков К. Бонхёффер взаимодействовал с людьми самых разных взглядов. Например, социал-демократом Юлиусом Лебером и правым консерватором, бывшим бургомистром Лейпцига Карлом Гёрделером. Столь обширные связи позволили некоторым исследователям называть Клауса «строителем мостов Сопротивления» [цит. по: 9, S. 22].

Сам К. Бонхёффер привлек к антигитлеровской деятельности сотрудника юридического отдела «Люфтваффы» Отто Йона, через которого осуществлялась связь Сопротивления с английскими и американскими представителями. В частности, с известным корреспондентом из США Луисом П. Лохнером. В консервативном крыле германского Сопротивления его считали близким к президенту США Франклину Д. Рузвельту. Именно через О. Йона группа Гёрделера в 1941 г. передала Л. Лохнеру меморандум с запросом об условиях сепаратного мира между Берлином и Вашингтоном [1, с. 287]. Позже, в июне 1944 г., О. Йон через представителя Управления стратегических служб США в Мадриде попытался помочь в установлении связи представителей партии социалистов и католической партии Центр, участвовавших в Сопротивлении, с бывшим лидером Центра и канцлером Веймарской республики в 1930—1932 гг. Генрихом Брунингом [3, с. 39].

В Сопротивлении оказался также брат О. Йона Ганс. Он, как Отто и Клаус Бонхёффер, также имел юридическое образование. Был призван в вермахт, участвовал в боях на Восточном фронте, где получил ранение. После ранения трудился в Инсти-

туте авиационного права в Берлине, ставшего, как отмечалось выше, одним из мест, где встречались участники Сопrotивления. После покушения на Гитлера Ганса Йона казнят, а Отто сумеет бежать в Великобританию.

К. Борнхёффер — последовательный сторонник уничтожения нацизма — был посвящен в план операции «Валькирия», который предусматривал убийство фюрера. Однако провал покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. поставил крест на проектах Клауса по переустройству страны. Проблемы, правда, у заговорщиков начались раньше. Еще 5 апреля 1943 г. офицеры СС вошли в берлинское здание абвера и предъявили Канарису информацию о том, что Донаньи помогал за вознаграждение выезду евреев в Швейцарию. После обыска Донаньи был арестован. Затем арестовали его жену и Д. Бохёффера. Донаньи удалось отправить сообщение руководителю антигитлеровского заговора генералу Людвигу Беку с просьбой уничтожить записи о подготовке переворота. Но тот просьбу не исполнил и настоял на сохранении документов как исторических свидетельств для потомков. В этой связи заметим, что Клаус Бонхёффер выступал за соблюдение строгой конспирации и «всегда настаивал на уничтожении документов, которые Ганс фон Донаньи собирал годами (и которые в конечном итоге стали для заговорщиков роковыми)» [9, S. 28, anm. 62].

Вместе с Донаньи под подозрение попали все родственники. 1 октября 1944 г. гестапо арестовало Клауса Бонхёффера, а 2 февраля 1945 г. Народный трибунал признал его виновным в государственной измене. Сам К. Бонхёффер, которого пытали, смело заявлял следователям: «Я отвергаю национал-социалистическое государство, особенно с учетом его политики в церковном и еврейском вопросах, а также из-за отсутствия гарантий правовой определенности. Политическая цель, которая сделала нас (немцев. — В. Ч.) врагами всего мира, кажется мне совершенно неправильной» [10, S. 443]. Подобные мысли он развивал и в записке близким: «Я не боюсь быть повешенным, но я больше никогда не хочу видеть эти лица... [и] разврат такого уровня... Я вообще предпочел бы умереть, чем снова видеть

эти лица. Я видел дьявола и от этого не избавлюсь» [цит. по: 4, S. 1039]. Отметим, что нами дан дословный перевод записки. В контексте ситуации, пожалуй, более точно настроение К. Бонхёффера передает слово не «лица», а «физиономии», «морды» или даже «хари».

Друг Эмми Бонхёффер из министерства юстиции «перехватил» дело мужа, что вселило надежду на то, что приговор в отношении Клауса не будет приведен в исполнение [5]. Однако в ночь с 22 на 23 апреля 1945 г., когда до начала операции Красной армией по взятию Берлина оставались часы, и когда в возникшей неразберихе в столице Германии начались освобождения политзаключенных, Клаус Бонхёффер вместе с 12-тью другими участниками Сопротивления был расстрелян специальным отрядом эсесовцев. Казнь состоялась в районе Моабит рядом с тюрьмой на Лертерштрассе, где у гестапо была отдельная секция для политических заключенных. Тела убитых были найдены среди обломков разрушенного здания, а затем захоронены в воронке от бомбы на Доротеенштадтском кладбище в берлинском районе Митте, вместе с примерно семью десятками жертв одной из бомбардировок.

После Второй мировой войны К. Бонхёффер не сразу, но со временем стал одним из тех героев Сопротивления, на примере которых начала выстраиваться послевоенная Западная Германия. Причем тех героев, которые становились как бы альтернативой участникам Сопротивления из коммунистического и лево-социалистического лагерей, почитание которых стало утверждаться в контролируемой СССР Восточной Германии. К. Бонхёффер был выигрышной фигурой не только из-за его неприятия гитлеризма, но также из-за сотрудничества с разными политическими силами, что виделось немецким демократам и оккупационным властям западных стран во главе с США основой построения на немецкой земле парламентско-плюралистической системы, отсекающей крайности — коммунизм и нацизм. К тому же К. Бонхёффер был немецким патриотом, смелым человеком, выступал против преследования евреев и церкви. В Германии его память сохраняется и сегодня.

С 1990 г. имя Клауса Бонхёффера носит учебный центр «Люфтанзы» в Зеехайме. В берлинском районе Шарлоттенбург по адресу Альте-аллее 9-11 ему 23 июня 2015 г установили памятный камень. Он находится перед тем местом, где когда-то стоял дом, в котором семья К. и Э. Бонхёфферов проживала с 1937 по 1945 г. [7].

Несомненно, жизнь Клауса Бонхёффера и его соратников по Сопротивлению — подвиг, но, признавая это, нельзя забывать, что все-таки не германское движение Сопротивления уничтожило диктатуру нацистов. Это сделали страны Антигитлеровской коалиции и, в первую очередь, советские люди — солдаты, офицеры и труженики тыла, сломившие военную мощь Третьего рейха.

Библиографический список

1. *Безыменский Л. А.* Гитлер и германские генералы. М.: Вече, 2004. 352 с.
2. *Беккер Р.* Исследователь алкоголизма, нацистский преступник или спаситель еврейских врачей? Противоречивая жизнь психиатра Карла Бонхёффера // НОЖ. 11.10.2021. URL: <https://knife.media/club/bonhoeffer/> (дата обращения: 10.04.2025).
3. *Хавкин Б. Л.* Немецкое антигитлеровское Сопротивление между СССР и США // Вестник РГГУ. 2015. Сер. Политология. История. Международные отношения. С. 31—46.
4. *Bethge E.* Dietrich Bonhoeffer: Theologe — Christ — Zeitgenosse. 5. Aufl. München: Chr. Kaiser Verlag, 1983. 1128 s.
5. Bonhoeffer, Emmi (1905—1991). URL: <https://www.encyclopedia.com/women/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/bonhoeffer-emmi-1905-1991>. (дата обращения: 10.04.2025).
6. Klaus Bonhoeffer. URL: <https://www.dietrich-bonhoeffer.net/bonhoeffer-umfeld/klaus-bonhoeffer/>(дата обращения: 10.04.2025).
7. Klaus Bonhoeffer. URL: <https://www.stolpersteine-berlin.de/en/alte-allee/11/klaus-bonhoeffer> (дата обращения: 10.04.2025).
8. *Koslowski J.* Einleitung // К. Bonhoeffer. Silvester-Tagebuch / hrsg. J. Koslowski Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 2022, S. 7—80.

9. *Koslowski J.* Wer war Klaus Bonhoeffer? Annäherungen an einen unbekannten Widerstandskämpfer. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus 2023. 638 s.
10. Spiegelbild einer Verschwörung: die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944. Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt / hrsg. K. H. Peter. Stuttgart: Seewald Verlag, 1961. 586 s.

УДК 94(47).084.9

К. А. Юдин

профессор, Ивановский государственный химико-технологический университет (Иваново)

**«ЭТО БЫЛ ОЧЕНЬ СКРОМНЫЙ, ДАЖЕ
ЗАСТЕНЧИВЫЙ ЧЕЛОВЕК —
НАСТОЯЩИЙ ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ...»:
КУЛЬТУРНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ
В МЕМУАРАХ В. Г. ЗАХАРОВА**

В статье исследуются имагологические структуры — образы выдающихся представителей отечественной интеллигенции, присутствующие в мемуарах министра культуры СССР В. Г. Захарова. Анализируется специфика восприятия им культурно-интеллектуальных встреч — эпизодов коммуникации. Делаются выводы об актуальности обращения к данному источнику личного происхождения для детализации взаимоотношений между властью и обществом, культурной политики, историко-биографической коммеморации.

Ключевые слова: интеллигенция, культурная политика СССР, В. Г. Захаров, мемуары, социальная память, биография, имагология.

K. A. Yudin

Professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology
(Ivanovo)

**«HE WAS A VERY MODEST, EVEN SHY MAN —
A REAL LENINGRAD INTELLECTUAL...»: CULTURAL
AND INTELLECTUAL MEETINGS
IN THE MEMOIRS OF V. G. ZAKHAROV**

The article examines imagological structures — images of outstanding representatives of the domestic intelligentsia, present in the memoirs of the USSR Minister of Culture V.G. Zakharov. The specifics of his perception of cultural and intellectual meetings — episodes of communication — are analyzed. Conclusions are made about the relevance of turning to this source of personal origin for detailing the relationship between the authorities and society, cultural policy, historical and biographical commemoration.

Key words: intelligentsia, cultural policy of the USSR, V. G. Zakharov, memoirs, social memory, biography, imagology.

Василий Георгиевич Захаров (1934—2023) в конце 1970-х — начале 1990-х гг. занимал весьма значительные должности с учетом специфики политической системы и управления в СССР, претерпевавшей трансформацию в период перестройки [5]. Как мы уже показали в предыдущей публикации [6], первым турниром игры в «кадровые шахматы» [1, с. 6] для него стала работа в течение достаточно продолжительного времени в Ленинградском обкоме КПСС. Оттуда В. Г. Захаров в 1983 г. был переведен в Москву, назначен заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС, затем включен в команду Б. Н. Ельцина в качестве второго секретаря Московского горкома КПСС. Наконец, после солидного опыта пребывания в номенклатурной сети, было принято решение о его назначении на должность министра культуры СССР, которую В. Г. Захаров занимал с 1986 по 1989 г., а затем стал заместителем председателя Совета Министров РСФСР (1989—1990 гг.)

Несмотря на высокий статус, В. Г. Захаров, прежде всего, себя идентифицировал именно как представителя научно-педагогической интеллигенции, поскольку до вынужденного «хождения во власть» [4, с. 12] являлся вузовским преподавателем — доктором экономических наук, профессором, заведующим кафедрой политэкономики Ленинградского технологического института им. Ленсовета (в настоящее время — Санкт-Петербургский государственный технологический университет). Поэтому и курирование культурной сферы, а затем руководство всей советской культурной политикой для Василия Георгиевича было тоже не должностными обязанностями, а миссией искренней сопричастности к духовным, идейно-эстетическим ценностям и эталонам, которые он сам разделял, получая истинное удовольствие от непосредственного общения с выдающимися деятелями театрального, кинематографического, музыкального, художественного и иного искусства. Не случайно название главы в мемуарах, в которой В. Г. Захаров в достаточно свободной форме делится впечатлениями о встречах с А. И. Райкиным, И. А. Антоновой, Ю. В. Никулиным, Р. Я. Пляттом, А. Н. Пахмутовой и Н. Н. Добронравовым, Г. С. Улановой, К. Ю. Лавровым и некоторыми другими (всего в главе 20 «именных» разделов, посвященных определенной персоне), — «О тех, кого я помню и люблю».

При этом мемуарист не претендует на какую-то репрезентативность — создание исчерпывающих интеллектуальных портретов, — а также не скрывает, что именно наличие в его распоряжении властных ресурсов стимулировало встречные инициативы в коммуникации со стороны деятелей культуры, находивших в лице В. Г. Захарова не только «полезного» чиновника, но и родственную душу. Так, характеризуя встречи с мэтром советской эстрады, актером, конференсье, народным артистом СССР **А. И. Райкиным**, Захаров писал, что с ним «сложились необычные, но хорошие отношения». И далее, продолжая конкретизировать этот интеллектуальный симбиоз, культурно-информационный обмен: «Он (Райкин. — К. Ю.) довольно регулярно бывал у меня по различным поводам, никогда

ни в чем не просил помощи (в этом он был похож на Товстоногова), рассказывал о делах своего театра, гастролях, о каких-то трудностях <...>. Его оценки того или иного явления в искусстве были важны для меня, ведь они шли “изнутри” артистической среды». Поделился Райкин с Захаровым своими беспокойством в связи с переездом из Ленинграда в Москву, проблемами, связанными с переоборудованием театра и перспективами семейной преемственности руководства им, которые уже могли быть только на новом месте [1, с. 219—220].

Передает В. Г. Захаров и эмоциональное состояние, обусловленное культурно-имагологическими катаклизмами перестройки, народной артистки СССР, выдающегося композитора **А. Н. Пахмутовой**, с которой он, уже будучи министром культуры, в декабре 1987 г. вылетел в составе делегации во Вьетнам для подписания двухстороннего межправительственного соглашения по культуре. «Обычно Александра Николаевна, как мне представляется, — вспоминал министр, — была человеком оптимистичным, даже веселым, почти всегда с неизменной улыбкой. Тогда в самолете она была другая, я бы даже сказал, какая-то расстроенная, угнетенная. Я ее спросил о причине такого настроения, и она мне стала рассказывать о состоянии эстрады, о нашествии попсы и другой низкопробной музыки, об отношениях с телевидением <...>» [1, с. 300]. И здесь Захаров занял весьма мудрую, не конъюнктурную позицию, и в ходе диалога с А. Н. Пахмутовой, «успокаивая» ее, и сам, как представитель интеллигенции, апеллировал к терпению в столкновении с «идеологией палаточного капитализма», понимая, что «все попытки взывать к необходимости профессионализма, требования выдерживать определенный эстетический уровень рассматривалось как недемократическое вмешательство консерваторов в художественный процесс» [1, с. 299].

Очень трогательные воспоминания оставил В. Г. Захаров о «домашней интеллигентности» в пространстве личной повседневности — квартиры народного артиста СССР **Р. Я. Плятта**, 15 июня 1989 г. получившего дома (по состоянию здоровья) государственную награду, высшую степень отличия (звание «Ге-

рой социалистического труда»). «Ростислав Янович сидел в кресле, празднично одетый, взволнованный, несколько скованный <...>. Я зачитал Указ Президиума Верховного Совета о награждении и прикрепил Золотую Звезду и Орден Ленина на лацкан пиджака. <...> Р. Плятт был очень взволнован и даже прослезился. Затем он пригласил всех к столу. Выпили шампанского за награжденного, и вот здесь он, наконец, расслабился <...> Больше всего воспоминаний было о Фаине Георгиевне Раневской. Надо было видеть и слышать, с какой любовью и уважением он говорил о ней, но в тоже время очень весело». Завершил свои воспоминания о Плятте В. Г. Захаров следующим образом, что тоже подчеркивает интеллигентный этос: «К сожалению, через некоторое время, всего через две недели, Р. Я. Плятт скончался. К той скорби, которая была по поводу его кончины, присоединилось и некоторое удовлетворение — мы успели вручить ему самую последнюю и самую высокую награду, доставим тем самым некоторую радость» [1, с. 277—278].

«Это был очень скромный, даже застенчивый человек — настоящий ленинградский интеллигент», — так отзывался В. Г. Захаров об известном композиторе, возглавлявшем ленинградское отделение Союза композиторов РСФСР ***А. П. Петрове***, высоко оценив его способности по аккумуляции интеллигентного этоса, обузданию эскалации конфликтов в возглавляемой им творческой корпорации: «А. Петров умело гасил страсти, сохраняя рабочую обстановку. Это удавалось ему, я думаю, прежде всего, благодаря непредвзятому отношению к коллегам и очень тактичному поведению. Поэтому и члены Союза обращались к нему как к самому объективному арбитру, в том числе музыканты значительно старше его по возрасту». В. Г. Захаров подчеркивал, что очень рад был оказать А. П. Петрову содействие в получении звания народного артиста СССР, которое ему было присвоено в 1980 г. не без сопротивления некоторых «самодурок» в лице первого заместителя заведующего Отделом культуры ЦК КПСС З. П. Тумановой, которая пыталась необоснованно отказать под предлогом «иерархической очередности», приоритете в получении этого зва-

ния председателем правления СК РСФСР Р. К. Щедриным [1, с. 203—204, 206].

Блестяще выдержали, по мнению В. Г. Захарова, «испытание властью», а иногда и проявляли заслуживающую уважения силу воли и характера, идейно-интеллектуальную принципиальность в нежелании брать определенные «бразды правления», и некоторые другие деятели культуры. Художественный руководитель и главный дирижер Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова (В 1976—1988 гг.), народный артист СССР **Ю. Х. Темиркулов** умел создать «режим высокой требовательности», «необходимую творческую обстановку» [1, с. 243]. Народный артист СССР **К. Ю. Лавров** только в ситуации отсутствия альтернативной кандидатуры и для сохранности театра, его атмосферы, коллектива, согласился стать преемником Г. А. Товстоногова, взять на себя художественное руководство Большим драматическим театром (БДТ). «При этом он поставил условие — он должен быть избран на эту должность всей труппой, и попросил непременно отметить, что он не будет ставить спектакли в качестве режиссера. Избран он был единогласно, если не считать два голоса против — его и его жены Валентины Николаевны» [1, с. 231]. Но от должности министра культуры, несмотря на вызовы в ЦК КПСС, К. Ю. Лавров категорически отказался: «вот таким принципиальным и твердым в своих убеждениях был этот интеллигентный, обаятельный и талантливый человек» [1, с. 234].

Не менее благоприятные впечатления остались у В. Г. Захарова от общения и сотрудничества с директором Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина **И. А. Антоновой** — «интеллигентной, красивой и обаятельной женщиной», внесшей огромный вклад в развитие музейного дела, выставочно-экспозиционной, обменной деятельности и особенно в выработку единой позиции при проведении переговоров с ФРГ о реституции художественных ценностей. «Говорил и с Антоновой. Позиция ее была четкая и ясная: мы уже очень многие ценности немцам вернули, не получив взамен ничего; мы ничего не должны немецкой стороне» [1, с. 248, 252].

Подводя итоги, отметим, что мемуары В. Г. Захарова, как и иные источники личного происхождения, обладают одновременно и достоинствами (стилистической непредвзятостью с опорой на документальное и фото-сопровождение из личного архива), и уязвимыми аспектами (нередко описательностью, фрагментарностью, избирательностью коммеморации), что приобретает, в силу их источниковедческого статуса, синкретичный характер.

Созданные В. Г. Захаровым зарисовки культурно-интеллектуальных встреч можно сравнить с эстрадными номерами — миниатюрами А. И. Райкина, не сколько в плане буквальная корреляция с «сатирическими разоблачениями» неприглядных проявлений человеческой натуры, в том числе в бюрократических обликах, сколько в рамках комплементарно-конвергентной репрезентации моделей и способов проявлений интеллигентности, их типологий, трансформации смешанных состояний, не всегда укладывавшихся в определенные «маски» [2] — концентрированную художественно-театральную экспликацию сущности. Поэтому все это может быть востребовано для дальнейшего прояснения теоретических проблем, вопросов различения понятий и идентичностей в опции «интеллигент» / «интеллектуал», возможных экзистенциальных траекторий, обусловленных «автономностью и не включенностью “в сложившуюся систему власти и иерархических отношений”» [3, с. 120; 7, с. 113] при реконструкции истории кинематографа, театра, музыки и других сфер культуры и искусства.

Библиографический список

1. Захаров В. Г. От Смольного до Правительства СССР: записки министра культуры СССР. М.: Изд-во РАГС, 2010. 353 с.
2. Трубочкин Д. В. Маска и трансформация // Вопросы театра. 2011. № 3—4. С. 48—71.
3. Царева Е. С. Антропологический анализ региональной музыкальной жизни посредством фрактальной оптики (на примере Енисейской губернии) // Вестник музыкальной науки. 2024. Т. 12, № 4. С. 110—123.

4. *Черноперов В. Л., Усманов С. М., Буданова И. А.* Российские интеллигенты и европейские интеллектуалы XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью // *Интеллигенция и мир.* 2015. № 4. С. 9—31.
5. *Юдин К. А.* «Имагологическая перестройка»: специфика культурной политики СССР второй половины 1980 — начала 1990-х гг. // *Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения.* 2024. № 2. С. 38—50.
6. *Юдин К. А.* «...Сегодня на Политбюро мы тебя и утвердим»: власть, международные связи в мемуарах министра культуры СССР В. Г. Захарова // *Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI вв.: материалы XXIV Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.* Иваново, 26—27 марта 2025 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2025. С. 527—532.
7. *Юдин К. А., Бандурин М. А.* «Интеллигенция» и «интеллектуалы» (историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий) // *Общественные науки и современность.* 2016. № 2. С. 108—120.

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ КОНФЕРЕНЦИИ

Анисимова Анастасия Павловна — преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация, withluvprod@gmail.com;

Баженов Анатолий Матвеевич — кандидат исторических наук, доцент, профессор Российской академии естествознания, доцент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, г. Тула, Российская Федерация, baje-nov.anatol@yandex.ru;

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра «Интеграция науки и образования», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация, kebaldin@mail.ru;

Бегматов Руслан Ильхомович — ассистент, Российский национальный исследовательский университет имени Н. И. Пирогова, г. Москва, Российская Федерация, novando17@icloud.com;

Белов Андрей Михайлович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация, a_belov@ksu.edu.ru;

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Ива-

новский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, г. Иваново, Российская Федерация, budn@inbox.ru;

Васильев Николай Николаевич — независимый исследователь, г. Саратов, Российская Федерация, vnn111@mail.ru;

Воробьев Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «гуманитарные дисциплины», Белорусско-Российский университет, г. Могилев, Республика Беларусь, paх4@yandex.ru;

Воскресенский Борис Аркадьевич — кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры психиатрии и медицинской психологии, Российский национальный исследовательский университет имени Н. И. Пирогова, г. Москва, Российская Федерация, creation3000@yandex.ru;

Голосеева Анна Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Российская Федерация, goloseyeva@gmail.com;

Евсеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация, yevseyev@mail.ru;

Ерошкина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных гуманитарных связей, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, o.eroshkina@mail.ru;

Жульков Михаил Вячеславович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация, mzh1@mail.ru;

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, член Союза писателей РФ, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Институт

гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственной университет, г. Кострома, Российская Федерация, a.zyablikov@yandex.ru;

Исаев Алексей Владимирович — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Орел, Российская Федерация, IsaevLesha@yandex.ru;

Калинин Александр Константинович — кандидат исторических наук, директор, Институт дополнительного образования, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, г. Иваново, Российская Федерация, artmotor1500@rambler.ru;

Климович Людмила Валерьевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация, lusek84@yandex.ru;

Ковров Тимур Артушевич — кандидат исторических наук, преподаватель, кафедра менеджмента, технологий бизнеса и гуманитарных дисциплин, Ивановский филиал, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Иваново, Российская Федерация, covrov.t@yandex.ru;

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, г. Иваново, Российская Федерация, cosh-kin@mail.ru;

Комиссарова Ирина Анатольевна — кандидат исторических наук, заместитель директора, Институт гуманитарных наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация, komissarova.ir.an@gmail.com;

Королева Татьяна Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права, Ива-

новский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, г. Иваново, Российская Федерация, kor_tv@mail.ru;

Котлова Татьяна Борисовна — доктор исторических наук, доцент, проректор по молодежной политике, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, г. Иваново, Российская Федерация, ktb@ispu.ru;

Крохина Надежда Павловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и изобразительного искусства, Шуйский филиал, Ивановский государственный университет, г. Шуя, Российская Федерация, nadin.kro@mail.ru;

Кураев Алексей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики непрерывного казачьего образования, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Российская Федерация, cool.kuraev@mail.ru;

Макарий (Маркиш Марк Симонович), иеромонах — руководитель отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, Иваново-Вознесенская епархия Русской Православной Церкви, Московская Патриархия, г. Иваново, Российская Федерация, pmmakarios@yandex.ru;

Малинин Андрей Николаевич — аспирант, кафедра истории, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация, andrei.malinin99@mail.ru;

Мансурова Гульнора Хаджибековна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Общественные и точные науки», Ташкентский государственный экономический университет, г. Ташкент, Республика Узбекистан, gulnora.mansurova@inbox.ru;

Мартыненко Виктория Юрьевна — кандидат исторических наук, заместитель директора по основной деятельности, Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области, г. Шахты, Российская Федерация, martinenkovu@yandex.ru;

Матвиенко Валентина Анатольевна — кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Бунинская Россия», Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация, vamatv@mail.ru;

Миловзорова Мария Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация, ma-chutka@mail.ru;

Муромцева Людмила Петровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий России, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, muromtseva_mila@mail.ru;

Намазова Шоира Абдузакировна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, филиал Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина в г. Ташкенте, г. Ташкент, Республика Узбекистан, sh.namazova@gubkin.uz; namazovasoira@gmail.com;

Наркабилов Наркучкар Рахматович (Наракабил Кучкар) — член Союза писателей Узбекистана, поэт, писатель, драматург, г. Ташкент, Республика Узбекистан,

Начапкин Максим Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка, Институт гуманитарного и социально-экономического образования, Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, maks.nachapkin@mail.ru;

Океанская Жанна Леонидовна — доктор культурологии, профессор, профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций, Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычай-

чайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, г. Иваново, профессор кафедры искусств, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация, ocean_65@mail.ru; ocean_2004@mail.ru;

Океанский Вячеслав Петрович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, Шуйский филиал, Ивановский государственный университет, г. Шуя, Российская Федерация, ocean_65@mail.ru;

Перепелицын Александр Викторович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, avr64@mail.ru;

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Российская Федерация, va-porozov@mail.ru;

Раскатова Елена Михайловна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация, elenaraskatova@mail.ru;

Романова Наталья Рудольфовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, г. Иваново, Российская Федерация, nromanova@mail.ru;

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация, sibriakoviv@susu.ru;

Тепикин Виталий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, профессор Российской академии естественных наук, г. Москва, Российская Федерация, vit.tepikin@yandex.ru;

Терехов Олег Эдуардович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация; terehov1968@mail.ru;

Терехова Оксана Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация, terehov1968@mail.ru;

Ткачев Виталий Викторович — педагог-организатор отдела краеведения и музейной работы, Центр развития дополнительного образования детей; руководитель Научно-исследовательского центра «Иркутская историческая школа интеллигентоведения», г. Иркутск, Российская Федерация, vitaliy.tkachev.96@mail.ru;

Тонких Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и мировой политики, Воронежский государственный университет, г. Воронеж Российская Федерация, vladiton@bk.ru;

Удалова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра «Интеграция науки и образования», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация, olgo1988@mail.ru;

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация, orvozi@rambler.ru;

Фарманова Барно Абдукаюмовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин, филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Ташкенте, г. Ташкент, Республика Узбекистан, электронная почта;

Хрулев Степан Павлович — аспирант, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Российская Федерация, г. Иваново, stepanhrulyov@yandex.ru;

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация, vlchernoperov@rambler.ru;

Шимельфениг Олег Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры геометрии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация, shim.ov@mail.ru;

Юдин Кирилл Александрович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Российская Федерация, kirill-yudin.hist@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Черноперов В. Л. (Иваново) Ивановская школа интеллигентоведения после В. С. Меметова.	5
Воробьев А. А. (Могилев) Генерал А.А. Брусилов и его военная служба Отечеству.	17
Мансурова Г. Х., Намазова Ш. А. (Ташкент) Воины-узбекистанцы, ставшие учеными.	22
Усманов С. М. (Иваново) Интеллигенция между патриотизмом и пацифизмом.	32
Зябликов А. В. (Кострома) «Сломить в себе западничество»: отложенный императив.	38

Секция 1.

ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА В САМОСОЗНАНИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Будник Г. А., Котлова Т. Б., Королева Т. В. (Иваново) Без срока давности: сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне у современных студентов (из опыта работы в ИГЭУ).	45
Васильев Н. Н. (Саратов) Так победим? О роли интеллигенции в несостоявшейся пока Победе.	52
Голосеева А. А. (Москва) Интеллектуальное сопротивление русской эмиграции: антифашистская публицистика В. М. Чернова.	61
Ерошкина О. Н. (Санкт-Петербург) Вызовы и ответы советской интеллигенции в начале Великой Отечественной войны.	69

Калинин А. К., Комиссаров В. В. (Иваново) Сохранение исторической памяти о войне: военная мемуаристика в тенетах советской цензуры.	76
Климович Л. В. (Ульяновск) Вклад преподавателей вузов в формирование исторической памяти молодежи.	83
Комиссарова И. А. (Иваново) Об истории Великой Отечественной войны по материалам газеты «Ивановский университет».	87
Кураев А. Н. (Москва) Культура казачьего зарубежья в 1920—1930-е годы.	94
Мартыненко В. Ю. (Шахты) Шахтинцы. Медики. Фронтовики.	101
Матвиенко В. А. (Елец), Исаев А. В. (Орел) Историко-патриотическое наследие военных флотоводцев как значимый элемент отечественной государственной идентичности	107
Миловзорова М. А., Раскатова Е. М. (Иваново) «Образ жизни разного рода людей во время войны...» как предмет научного дискурса.	115
Муромцева Л. П. (Москва) Деятельность эмиграции по сохранению архива и музея Войска Донского.	125
Наркабиллов Н. Р. (Наркабил Кучкар) (Ташкент) Белорусско-узбекская матушка (80-летию Великой победы посвящается).	131
Околотин В. С. (Иваново) Из истории награждения профессорско-преподавательского состава ивановских вузов в годы Великой Отечественной войны.	134
Порозов В. А. (Пермь) Художественная интеллигенция России в городе трудовой доблести 1941—1945 гг.	138

Секция 2.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Анисимова А. П. (Иваново) Объединение «Месилот» и инициативы М. Яхилевича в развитии культуры русскоязычной общины Израиля.	149
Белов А. М., Малинин А. Н. (Кострома) Участие интеллигенции в кооперативном движении в начале XX века (по материалам Костромской и Ярославской губерний).	154

Воскресенский Б. А., Бегматов Р. И. (Москва) Личность как единство многообразия.	159
Евсеев В. А. (Иваново) Гарвард. Начало становления в середине XVII в.	166
Жульков М. В. (Иваново) Самосознание интеллигенции: основные особенности.	171
Ковров Т. А. (Иваново) Об инициировании коломенскими купцами открытия отделения Государственного банка в г. Коломне Московской губернии.	179
Комиссаров В. В. (Иваново) Интеллигенция как класс управляющих: возвращение к старой дискуссии.	187
Перепелицын А. В., Тонких В. А. (Воронеж) Российская интеллигенция и общественно-политическая мысль второй половины XIX века.	196
Романова Н. Р. (Иваново) Когнитивные стратегии в спорах: анализ или доверие?	210
Сибиряков И. В. (Челябинск) Роль интеллигенции России в современном медиапространстве БРИКС+	217
Ткачев В. В. (Иркутск) Работа сибирской художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).	224
Шимельфениг О. В. (Саратов) Отечественная философия перед вызовами времени.	230

Секция 3.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Баженов А. М. (Тула) Портрет Александра Ивановича Герцена.	239
Балдин К. Е. (Иваново) Зарубежные путешествия и формирование патриотизма по материалам путевых записок доктора А. В. Елисеева (1880-е гг.).	246
Крохина Н. П. (Шуя) Вызовы современного мира — по романам Юрия Козлова.	254
Макарий (Маркиш М. С.), иером. (Иваново) Солдат Великой Войны в эпилоге Серебряного века.	261
Начапкин М. Н. (Екатеринбург) Роль адмирала А. С. Шишкова в информационной победе над Наполеоном	268

Океанский В. П. (Шуя), Океанская Ж. Л. (Иваново, Москва) «Мировой океан истории»: отец Сергей Булгаков против Альфреда Розенберга.	273
Тепикин В. В. (Москва) Вызовы времени, определяющие эпоху современного интеллигента.	282
Терехов О. Э., Терехова О. Н. (Кемерово) Михаил Егорович Ерин как историк советского военного плена в нацистской Германии.	286
Удалова О. С. (Иваново) Путевые записки русского интеллигента в Святой земле.	290
Фарманова Б. А. (Ташкент) Боец и патриот Турат Усаров (80-летию Великой Победы посвящается).	298
Хрулев С. П. (Иваново) Германский дипломат Аго фон Мальцан в годы Первой мировой войны.	301
Черноперов В. Л. (Иваново) Участник движения Сопротивления Клаус Бонхёффер.	306
Юдин К. А. (Иваново) «Это был очень скромный, даже застенчивый человек — настоящий ленинградский интеллигент...»: культурно-интеллектуальные встречи в мемуарах В. Г. Захарова.	316
Сведения об участниках конференции.	324

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

*Материалы XXXV Международной
научно-теоретической конференции, приуроченной
к 80-летию победоносного завершения
Большой Отечественной войны*

Иваново, 2—3 октября 2025 г.

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 26.08.2025 г.

Формат 60 х 84 ¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 15,3. Тираж 100 экз. Заказ № 40.

Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Принткарт»

153025 Ивановская обл., г. Иваново, м. Афанасово, ул. Новосельская, 5